

ЭЛЕОНОРА
БЕЛЬСКАЯ
ГОД КОШКИ
или
ВОТТАКАЯ ЛЮБОВЬ

«Украинская литературная газета»
Киев
2016

**ББК
УДК**

Бельская Е.

Год кошки или Вот такая любовь / Элеонора Бельская. –
Киев : «Украинская литературная газета, 2016. – 204 с.

«Год кошки или Вот такая любовь» – вторая книга украинской писательницы Элеоноры Бельской. В ней – продолжение её размышлений о смысле жизни, о любви и браке, об измене, верности и высоком искусстве, о мастерах древнекитайской гравюры и моделях современных гоночных мотоциклов. Но, несмотря на разнообразность сюжетов, все её произведения объединяет доброе отношение к жизни и людям, душевность, умение в самых будничных вещах увидеть красоту, раскрасить прозу жизни неожиданными цветами и рассказать свои истории так, что читатель невольно становится их участником и вместе с героями новелл смеётся и плачет, любит и страдает, разочаровывается и обретает веру и, открывая для себя некоторые аспекты жизни заново, получает огромный заряд позитивной энергии, которой щедро пропитаны все произведения писательницы.

**ББК
УДК**

Корректурa – Нина Скочко
Верстка и художественное оформление – Тарас Сидоржевский

ISBN

© Баранова Елена, 2016
© ТОВ «Украинская литературна газета», 2016

...И снова о любви

Автор этой книги – врач. К счастью – не тот, который, изучив симптомы болезни, назначит лечение и выпишет соответствующие рецепты. А врач Божьей милостью, особому внимательный, вдумчивый и думающий, толковый и знающий. К тому же еще и душевный, искренне стремящийся к духовному контакту, чтобы помочь больному не только в смысле физическом, но и психологическом, если хотите – общечеловеческом. Естественно, что в таком общении накапливается, во-первых, богатый и бесценный опыт целителя, а во-вторых, – масса интереснейших познаний о человеке, его природе, здоровье, психологии, социализации.

А уж это, согласитесь, становится бесценным материалом для художественного осмысления жизненных коллизий. И как раз в этом благодатно проявляется второй талант от Бога, которым наделена Элеонора Бельская, – любовь к художественному слову, ее дар интересно и занимательно рассказать о людях и событиях.

Три года назад у нее вышла первая книга «Се ля ви...», сборник из семи новелл, героини которых – женщины со всеми их радостями и печалью, заботами и проблемами, а главное – эмоциями, страстями, переживаниями. Описала их новеллистка с неподдельной любовью и трогательной симпатией, тонко раскрыв женскую психологию и мотивацию поступков. Сохраняя эти достоинства, новый сборник неожиданно демонстрирует, что сила автора не только в «женской слабости», а в ее умении и способности так же глубоко проникнуть и в мужскую психологию, понять мотивационные рычаги действий и поступков мужчин. А это одно из свидетельств нового шага в творчестве и писательском мастерстве Элеоноры Бельской.

Станислав ЯНЧУКОВ

Главный редактор «Центрально-украинского издательства»,
г. Кировоград

Новая книга украинской писательницы Элеоноры Бельской продолжает наше знакомство с ее рассказами. Хороший слог, чувство меры, положительное восприятие действительности, душевное отношение к читателям и героям – все это выгодно отличает ее творчество в довольно пестрой на сегодняшний день литературной среде. Автор по профессии врач, что подразумевает бережное отношение к людям, сопереживание их душевным и физическим проблемам. Это гуманистическое начало отчетливо прослеживается в сюжетных линиях рассказов. Да, это «женская литература», но в ее лучших проявлениях. И, поверьте, мужчинам ее рассказы тоже будут интересны. Понятно, что темы автор в значительной мере берет из жизни, но это только увеличивает интерес читателя. Конечно, можно было сказать и больше в каждом рассказе о герое, его окружении, последствиях его действий и реакций, однако известная сдержанность чаще всего только украшает повествование. Думаю, мы еще не раз встретимся с Элеонорой Бельской на страницах ее новых литературных произведений.

Борис ФИНКЕЛЬШТЕЙН,

член НСПУ, лауреат литературных премий

ЛЕСЯ

Однажды, в канун старого Нового года родилась девочка. За окном в причудливых фуэтэ кружилась и пела метель, приподнимали снежные шапки деревья в знак приветствия новорожденной. На небе изысканными самоцветами многозначительно перемигивались звёзды, предвещая малышке красивую и яркую судьбу. Молодая мама – Любонька, студентка первого курса экономического факультета, с нежным замиранием сердца наблюдала за своим маленьким чудом. А счастливый отец – Евгений или просто Жека, как все его тогда называли, студент второго курса медицинского института мчался сквозь сугробы, мороз и метель на попутках из Луганска в Старобельск, предвкушая радость встречи с любимой женой и дочуркой, только что появившейся на свет.

Девочку нарекли Еленой, но учитывая тот факт, что родильный дом находился по соседству с могучим сосновым бором, среди которого расположился старинный, почти патриархальный город Старобельск, бабушка Клава, мамина мама, не имеющая непосредственного отношения к рождению внучки, и очень страдающая по этому поводу, придумала историю.

Согласно этой истории, она, Клавдия Павловна, собралась в лес за хворостом в самый канун старого Нового года, а именно 13 января. Взяла с собой на всякий случай новое пуховое одеяльце красного цвета, большой дедов тулуп, примерно по килограмму морковки и капусты, бутылочку с тёплым молоком, предусмотрительно спрятав её от мороза за пазухой, и двинулась в лес. С трудом пробираясь сквозь снежные сугробы, она не скоро набрела на лесную опушку, где увидела вот что: около огромного сугроба, в самом центре опушки, у подножья высоченной сосны кружком сидела компания зайцев, белых и пушистых, как январский снег. Заняты они были тем, что активно дышали на кого-то, кто был в центре круга. Со слов Клавдии Павловны – дышали вот так: «ху-ху-ху». Увидев женщину, они замахали лапками, приглашая к себе. Клавдия Павловна не растерялась и без долгих раздумий подошла к зайцам, которые молвили ей человеческим голосом: «Добрая

женщина, это – девочка Снегурочка. Своим горячим дыханием мы превратили её в настоящую девочку, ведь Мороз нам подсказал, что тебе нужна внучка».

– Ой, какой прелестный ребёнок! – воскликнула Клавдия Павловна, взяв девочку на руки и разглядев поближе, добавила: «Конечно, мне нужна внученька. Я беру девочку с собой, и дороже этой крошки на всём белом свете у меня никого не было и не будет. А вы, умные зайцы, получайте Новогодний подарок – морковку с капустой! Да скажите Деду Морозу, что я благодарю его за такой щедрый подарок и буду любить девочку и беречь, как зеницу ока».

Завернув малышку в стёганое красное одеяльце, словно набросив на неё красную мантию Королевы, напоила её тёплым молоком из припасённой бутылочки. Потом положила на санки, плотно укрыла толстым мохнатым тулупом и, будучи женщиной нестарой и весьма расторопной, даже и не заметила, как вприпрыжку по сугробам добежала домой.

Войдя в дом румяная от мороза, с выбившимися из-под белого пухового платка чёрными кудрями, радостно прокричала с порога дочери и зятю: «Ну что, студенты, с праздником Вас! А вот и подарок! Я вам дочурку принесла из леса. Зовут её Леся».

Они, конечно, обрадовались, одели девочку в нарядные праздничные одёжки и все стали весело встречать старый Новый год. А утром пришли посевальники с колядками и щедривками и обсыпали всех с ног до головы зерном ярой пшеницы, а бабушка Клава угощала их конфетами, пряниками и красными крымскими яблочками. И на радостях дала всем по пятаку.

Я очень долго верила в истинность этой истории ещё и потому, что в детстве родственники и знакомые называли меня Лесей, беря пример с бабушки, будто я и в самом деле была найдена в сказочном зимнем лесу. Во всяком случае, я была в восторге от этой истории, которая всякий раз, когда мне её рассказывала бабушка, обрастала всё новыми подробностями. Я тогда не понимала, почему хмурилась мама, когда я вновь и вновь просила бабушку рассказать о моём необыкновенном появлении на свет и первых днях жизни среди людей.

Моё дошкольное детство прошло в Старобельске, на родине известного писателя В.М. Гаршина, почти по соседству с домом, в котором он когда-то жил. Это он написал любимым мною в детстве рассказ «Лягушка – путешественница» и ещё много замечательных рассказов и статей.

Всеволода Михайловича литературоведы считают предтечей А.П. Чехова. Его произведения были изданы в Лондоне и Париже, причём перевод на английский сделала Э. Войнич, автор знаменитого «Овода», а предисловие к французскому изданию написал Ги де Мопассан. Когда, повзрослев, я читала его рассказы, то мне казалось, что он описывает знакомые места любимого Старобельска.

Старобельск – тихий, уютный городок с глубокими историческими корнями, расположенный на берегу когда-то полноводной реки Ай-дар. В 2016 г. ему исполняется 330 лет. Он стал для меня самым главным городом в жизни. А в детстве воспринимался, как город самых звенящих весенних ручейков, самых вкусных хрустящих сосулук и самых невероятных, нескончаемых бабушкиных историй, которые я любила слушать по вечерам, ведь тогда ещё у многих не было телевизора, и люди вечерами играли в лото, читали вслух или рассказывали истории.

Там до сих пор живут мои друзья. Спустя почти полвека – мы дружны и искренни в своих чувствах – Оля, Саня, Татьяна, Ирина, Юра, наши дети и внуки.

Там могилы дорогих мне людей.

Моих родителей после окончания института распределили в город Первомайск Луганской области. Там родился мой младший брат – Славик.

Отец – Ярущенко Евгений Иванович – начал работать хирургом в городской больнице, а в двадцать пять лет уже стал заведующим хирургическим отделением. До августа 2014 года он был ещё в строю и продолжал оперировать, но война на Донбассе разрушила его дом и больницу, в которой он проработал больше пятидесяти лет. Теперь папа живёт на даче в селе под Первомайском. Выращивает картошку, помидоры, огурцы, разводит пчёл. Старается держаться, не жалеть ни о чём, радоваться каждому дню жизни.

Почти в каждой семье города Первомайска есть люди, благодарные ему за успешно проведенные операции, спасённые жизни. Но теперь – Первомайск – это другая держава – «Луганская народная республика» и тем, кто живёт в Украине, туда путь закрыт.

Моя мама – Ярущенко Любовь Юрьевна – работала экономистом в ОРСе, со временем возглавила контрольно-ревизионный отдел. Больше четверти века её с нами нет. Вечная память и моя любовь тебе, мамочка. Ты всегда со мной – молодая, красивая, лёгкая. Всегда в хорошем настроении, первая модница и душа компании, ответственный работник и нежная, заботливая мамуля и жена. Я и теперь обращаюсь к тебе за помощью и за советом, и ты меня слышишь и помогаешь мне с небес.

В школе, с самого первого класса по причине принадлежности к медицинской семье, меня назначали сандружинницей, поэтому поступление в мединститут после окончания школы было делом, как бы предreshённым. Хотя дедушка Ваня, папин папа – журналист и литератор – предрекал мне успех на литературном поприще, восхищаясь стихами, написанными мной почему-то в основном на уроках рисования:

«Вы видели море весною? Когда высоко над землёю
В небе лазурном и чистом солнышко светит лучистое!
Море тогда беспокойное, могучее, сильное, вольное,
Пенясь, волны несутся, лижут берег морской.
Кажется, море проснулось и хочет играть со мной.
Бежим мы с тобой по насыпи, а море за нами вслед,
И, кажется, счастьем нашему конца и края нет!

Студенческая жизнь, как море, захлестнула меня с головой – лекции, семинары, практика в больницах, дискотеки, библиотеки... и широкий разлив Днепра, и красота и мощь Днепропетровска.

Однажды, после очередного зачёта по нормальной анатомии я встретила свою первую любовь, своего будущего мужа – Сергея Баранова. Весело сыграли студенческую свадьбу, и Лена Ярущенко стала Леной Барановой. После окончания мединститута уже с маленькой дочкой Наташей приехали по распределению в Кировоград. Здесь родился сын Женя. Я со-

стоялась как врач-терапевт, а потом, когда повзрослев, разъехались дети, сбылась моя давняя мечта – я написала несколько новелл, которые и составили книгу «Се ля ви или сколько стоит фунт счастья?».

Толчком стал случайный эпизод из жизни. Однажды на восьмое марта директор ТОВ «Лікі плюс» Олег Николаевич Баркарь, прислал мне поздравление с «пожеланием любви и нежности в этот весенний день». Меня до глубины души тронул весенний пейзаж, изображённый на открытке и слова поздравления:

Пусть будет этот день Весны
Для Вас особенно чудесным
И полным ясной глубины
И пряных запахов древесных.
Пусть алый цвет и бирюза
Рождают праздничные песни,
Пусть будут яркими глаза
И будут радостными вести.
Пусть первый подснежник
Подарит Вам нежность!
Весеннее солнце подарит тепло!
А мартовский ветер подарит надежду,
И счастье, и радость, и только добро!

Эти стихи неожиданно дохнули весной, «пряным древесным запахом» леса и тонким травяным ароматом подснежников. Что-то произошло в душе. Жизнь стала восприниматься как-то по-другому, по-новому. Я никак не могла расстаться с открыткой. Сначала она стояла у меня на столе в поликлинике, потом я принесла её домой. Открытка была как намагниченная. Я не могла её ни спрятать в стол, ни выбросить. Мне нужно было, чтобы она всегда была рядом, чтобы можно было на неё периодически смотреть. Я и не заметила, как и когда воображение мне нарисовало худенького паренька «ниже среднего» и девочку в коротеньком тулупчике и белой пушистой шапочке, спешащую на уроки под беспощадным «снежковым» обстрелом. А потом, практически за одну ночь написала весь рассказ «Подснежники». Затем были написаны ещё пять новелл и повесть «Алые паруса». Все произведения написаны

в 2010-2011 годах. В 2012 году вышла книга «Се ля ви или сколько стоит фунт счастья?», которая нашла отклик в сердцах читателей и получила хорошую оценку критиков.

Основные действующие лица произведений – женщины с понятными читателю чувствами и поступками, взглядами на жизненные ценности и идеалы. Для одних из них ЛЮБОВЬ – «это подаренная судьбой роскошь», а для других – господнее наказание. А сложные сюжетные жизнесплетения заставляют задуматься о месте человека в этом безумном мире, об истинных ценностях, которые нельзя купить за деньги, и о том, как наши тревоги, заботы и волнения в один момент могут превратиться в прах перед её величеством Судьбой.

Новая книга «Год кошки или вот такая любовь» по жанру мало отличается от первой. Главная героиня произведений – её величество ЖЕНЩИНА, непостижимая, загадочная, неуёмная. И вместе с тем – простая, наивная, трогательная в своей любви и самовыражении. В образах героинь – современных женщинах с понятными для нас проблемами и чаяньями, многие читательницы узнают себя и, возможно, следуя за сюжетом, найдут ответы на интересующие вопросы.

Все образы собирательные, прототипов нет, исключением являются три произведения – рассказ «Перед Пасхой», его я посвящаю светлой памяти своей бабушки Клавдии Павловны и пишу о ней, повесть «Неслучайная встреча», в ней описывается реальная история из жизни главного врача Центральной городской больницы г. Кировограда – Александра Ивановича Артюх и, конечно, «Леся» – это автобиографический рассказ.

С полной ответственностью я обещаю своему читателю нескучное, не лишённое психологизма и лёгкой иронии, чтение. Заранее благодарна мужчинам, которые посредством прочтения моих произведений заглянут в святая святых – Душу Женщины и откроют для себя её заново.

Особую благодарность выражаю своим детям, друзьям и спонсорам, благодаря которым книга увидела свет.

С любовью к моим читателям – Элеонора Бельская.

*Не встречайтесь с первой любовью,
Пусть она останется такой:
Острым счастьем, или острой болью,
Или песней, смолкшей за рекой.
Не тянитесь к прошлому, не стоит —
Все иным покажется сейчас.
Ведь должно же самое святое
Неизменным оставаться в нас.
Ю. Друнина*

Ему не давала покоя мысль о Лике, строптивой, непонятной, похожей на инопланетянку, однокласснице. Больше всего удивляли ее глаза: они постоянно меняли цвет. Когда девочка злилась, глаза становились темно-серыми с маленьким черным зрачком, который поглощал тебя всего, превращаясь в узкий темный колодец, по которому ты летишь прямо на дно, где холодно и страшно. А к горлу подкатывает ком, нечем дышать. Но когда она смеялась, особенно в солнечный день, глаза становились голубыми, обезбашенными, из них так и сыпались яркие искорки, проникая прямо в кровь, разогревая ее до кипения. Казалось, что внутри все начинало мелко дрожать и булькать, а к горлу подкатывал ком, было нечем дышать, но душа парила в небесах. А когда она отвечала урок, совсем не так, как написано в учебнике, а как-то по-своему, абсолютно уверенная в своей правоте, даже если это где-то не рядом с истиной, глаза становились зеленоватыми, с широкими зрачками, колдовскими и гипнотизирующими, уводящими за собой. Верилось всему, что она говорила, готов был сразиться со всеми, кто не согласен. А к горлу подкатывал ком, было нечем дышать...

Его любви она, скорее всего, не замечала. Он не был похож на исполина и гения, о котором она грезила по ночам. Он был худеньким, ниже среднего, обычным восьмиклассником, си-

дящим на второй парте у окна. Зимой он беспощадно забрасывал ее снежками, когда она за квартал приближалась к школе в коротеньком тулупчике и белой пушистой шапочке, похожая на снегурочку из сказки. А весной на уроках ослеплял пойманными в зеркальце солнечными зайчиками, совал в портфель майских жуков и бешено хохотал и гримасничал, когда она отчаянно верещала и обзывала его уродом и дураком.

Седьмое марта в этом году выдалось дождливым и холодным. В школу идти не хотелось. Противно было видеть, как некоторые мальчишки из класса и даже несколько старшеклассников будут, смущаясь, одаривать ее, каждый в меру своего недоумия. А она, принимая подношения, станет жеманно хлопать слегка подкрашенными ресницами и ослепительно — вежливо улыбаться.

Надев старые рыбацкие сапоги, куртку с капюшоном, наспех глотнув чая, вышел из дома. Накрапывал дождь, холодный, не весенний. Колючий ветер громко захлопнул дверь подъезда. Глубоко засунув руки в карманы, он прибавил шаг.

Лес встретил его угрюмо и нерадостно, он был не рад пришельцу, досматривая свои последние зимние сны перед весенним пробуждением. Голые деревья скрипели ветвями под пронзительными порывами ветра, но сырой воздух был уже наполнен дыханием весны — запахом талого снега, сырой травы и прошлогодних листьев, запахом размокшей земли, в которую его сапоги порой загрузили выше щиколоток.

Несмотря на теплый февраль, в оврагах еще лежал снег, но уже почерневший и скукоженный. Пригорки наперебой подставляли свои округлые спины небу, наивно надеясь, что вот-вот из небесной серости выглянет золотистый лучик долгожданного солнца. У подножия большого дуба он выбрал крепкую ветку, сломленную зимними ветрами. Обтесав ее немного ножом, убрал все лишнее и сделал посох. Понял, что забыл перчатки. Мерзли руки.

Перепрыгивая через проталину, чуть не упал в воду, но удержался благодаря посоху и бодро направился вглубь леса, то проваливаясь ногами в грязный талый снег, то выходя на твердую почву.

Остановился на пригорке, оглядевшись, присел на корточки. Руками и посохом начал разгребать слежалую листву, как будто он здесь что-то забыл осенью.

Дождь прекратился, и даже ненадолго из-за туч несколько раз выглядывало солнце, проверяя – как идут дела. А он продвигался от пригорка к пригорку, все дальше уходя от дороги, ведущей в лес.

Когда нашел, что нужно, сквозь деревья струились первые сумерки. На большой поляне, окруженной со всех сторон могучими дубами и кустарником, среди сырой травы и валежника смело и отчаянно, невзирая на превратности капризной весны, тянулись к небу своими нежными белыми лепестками подснежники.

– Нашел! – его радости не было предела. Он тотчас забыл об усталости и голоде. Моментально согревшись, опустился на колени перед этим маленьким чудом, вдыхая тонкий, еле уловимый аромат первых весенних цветов.

– Как они прекрасны! Жалко забирать эту красоту у леса. Вот, если бы Лика была здесь! Тогда можно было бы просто полюбоваться подснежниками... вместе...

Глубоко вздохнув, он достал из кармана уже не раз послуживший ему отцовский нож и быстро срезал почти все цветы, отбросив в сторону всякие сантименты.

На обратном пути в поисках дороги изрядно побродил по лесу, набрав в сапоги ледящей воды и талого снега, продрогнув до самых костей и перепачкавшись в липкой грязи до неузнаваемости. Но силы идти вперед придавал ему маленький букетик – свидетель жизни, недавно пробившейся из-под земли и нежно хранимый на груди, во внутреннем кармане куртки.

Город встретил его вечерними огнями и предпраздничной суетой. Быстро добравшись до знакомого дома, он вошел в подъезд. Поднявшись на второй этаж, остановился перед знакомой дверью. Нажал кнопку звонка. Дверь открыли быстро, и в тот же миг его окутал запах пирогов, он сглотнул слюну. На пороге стояла бабушка в голубом переднике.

– О Боже! – воскликнула она, с удивлением взирая на его жалкий, замурзанный вид.

– Вы, наверное, ошиблись дверью?

– Здравствуйте, а Лику можно? – не слыша вопроса, выпалил он.

– Бабуля, ты где? Пробовать можно? – послышался веселый звонкий голос Лики из дальних комнат.

– Лика, девочка, к тебе тут молодой человек, – как-то неуверенно сказала бабушка, жестом приглашая гостя войти в дом. Он смело сделал шаг вперед и встретился глазами с Ликой.

Такой красивой он ее еще не видел. Видимо, готовясь к завтрашнему празднику, она только что примерила новое платье – что-то светлое, легкое, летящее. Русые волосы струились по плечам крупными волнами. Синевой сияли глаза. К его горлу подкатил ком, стало нечем дышать.

В руке Лика держала пирожок, готовясь его откусить, но встретившись глазами с одноклассником, удивленно остановилась с почти поднесенной ко рту рукой:

– Ты?!

– Лика... – он дернул замок куртки, чтобы достать драгоценный букетик, но замок заклинило, он дернул ещё раз, чтобы немедленно устранить проблему. Этого времени девочке хватило, чтобы прийти в себя от неожиданности, и она громко рассмеялась:

– Тобой что, улицу мыли? – спросила сквозь смех, удивлённо вздёрнув бровь, а потом откусила кусочек пирожка и начала медленно жевать, высоко и жеманно держа его в руке, снисходительно и иронично, сверху вниз, глядя на его сражение с замком.

Наконец заветный букетик вынырнул из глубин промокшей куртки.

На всех наивно, светло и радостно взглянули подснежники.

– Ах! Какая прелесть! – восхищённо произнесла бабушка...

Лика молча, медленно жевала, с притворным безразличием глядя на букет.

Собрав все свои силы, он набрал побольше воздуха в легкие и на одном выдохе, глядя куда-то в пустоту, вдруг охрипшим голосом жёстко сказал:

– Шел мимо вашего дома, смотрю, какой-то мужик раздает всем подснежники, прямо внаглую «впаривает», – и, резко повернувшись к бабушке, протянул букет:

– Возьмите, это Вам. С праздником!

Бабушка автоматически взяла букет, поднесла к лицу, глубоко вдохнув запах весны. А он быстро повернулся и вышел, растворившись в темноте подъезда. Гулко в тишине звучали его быстро удаляющиеся шаги.

Бабушку из оцепенения вывел громкий звук закрытой Ликой двери. Она укоризненно посмотрела на девочку:

– А ведь он, наверное, весь день бродил по лесу и цветы нес тебе, – сказала тихо, протягивая букетик внучке. – Мне кажется, ты его очень обидела, девочка.

– Подумаешь! – метнула возмущенный взгляд Лика, – его об этом никто не просил. Тем более, что букет ему «впарил» какой-то дядька, а я тут ни при чем. И вообще, оставьте меня все в покое, – крикнула, едва сдерживая слезы, и убежала в свою комнату.

За ужином бабушка настояла, чтобы родители не задавали Лике лишних вопросов. Хрустальный стаканчик с цветами она поставила на подоконник за шторой, приняв решение отдать цветы внучке завтра, если та спросит. А зазря нечего расстраивать ребенка.

Когда в доме все уснули, бабушка тихонько вошла в её комнату. Девочка лежала в постели, отвернувшись к стене, изредка всхлипывая в подушку. Присев на краешек кровати, женщина поправила одеяло, нежно прикоснулась к пушистым волосам своей любимицы и, поглаживая русые волны, тихонько стала напевать старую колыбельную, пока внучка заснула.

Утром отец с младшим братом устроили традиционное праздничное шоу, посвященное женскому дню, включающее праздничный завтрак, приготовленный руками мужчин, шутки, приколы и, конечно, подарки. В этот день любимой женщиной почувствовала себя даже белоснежная красавица – ангорка Санта.

Лика завязала кошке праздничный голубой бант на шее, гармонирующий с цветом её глаз. Санта, совершенно отчаявшись в своих попытках избавиться от банта, всё-таки со временем смирилась с праздничным «прикидом» и без всяких ограничений наслаждалась «Кити-кэтом» с мясом кролика.

В праздничной кутерьме о вечернем инциденте все забы-

ли. Только через несколько дней бабушка вспомнила о букете, стоявшем за шторой, и, удрученно вздыхая и покачивая головой, выбросила увядшие цветы в мусор.

В школе Лика с ним практически не общалась.

Той весной он то ли прогуливал, то ли болел – она не вникала. Потом, решив поступать в военное училище, серьёзно занялся учёбой и спортом, а её демонстративно игнорировал. Она от этого не страдала, а после выпускного их пути разошлись окончательно.

Военная карьера у него складывалась успешно: училище, академия, полк. К тридцати пяти годам дослужился до полковника, испытывал новые модели сверхзвуковых самолетов, командовал эскадрилей. А в личной жизни так: его любили, он любил. Женился поздно. Подсознательно понимая, что женщинам без цветов никак нельзя, ни одного цветка больше никому так и не подарил. Просто подвозил дам к цветочному разноцветью и, щедро оплачивая букет, безразлично предлагал:

– Выбирай любые.

А потом, сосредоточившись на дорожной полосе, гнал автомобиль, жестко сомкнув губы, словно убегая от погони.

Любил лес, знал его законы. Часто бывал там с друзьями и семьей. В сложных жизненных ситуациях любил побродить по лесу один.

Восьмое марта считал обычным выходным, иронизировал по поводу Клары Цеткин и Розы Люксембург. Он считал, что обделенные мужским вниманием две феминистки вырвали из рук мужчин инициативу, ведь прерогатива в учреждении женского дня а priori должна принадлежать представителям мужского пола.

– А, вообще-то, зачем он нужен – «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ»? – в шутку любил говорить он. – «Что-то в этом есть похожее на городскую баню – женский день, мужской. Как коллективная помывка, – и громко смеялся, нежно обнимая жену. А отсмеявшись, серьёзно подытоживал:

– Если любишь женщину, хоть каждый день устраивай восьмое марта. Пока Ей не надоест. Ведь и праздники приедаются! Прелесть жизни – в её полосатости.

Жену сначала удивляла такая теория, потом она с ней согла-

силась, как, впрочем, и со всем остальным. Ей грешно было обижаться на жизнь.

Она искренне любила мужа, гордилась его успехами и была убеждена, что тоже любима. Все же бдительности не теряла, оставаясь всегда начеку, стараясь быть в курсе всех его дел, насколько это было возможно. Шестое чувство ей всегда подсказывало, когда муж увлекался новой феей. Обходилась без сцен ревности со слезами и упреками, хотя, конечно, на душе «кошки скребли». Собрав всю себя в кулак, еще крепче к нему прижималась, когда он возвращался домой «понятно откуда», и с напускной деловитостью снимая свои эполеты в прихожей, отрешенно смотрел поверх ее головы. В такие минуты она надеялась, а может быть, свято верила, что он раскаивается во всем содеянном и понимает, что лучшей женщины, чем она, на свете нет.

Утром, провожая на службу, стряхивала с погон мнимые пылинки. Уже у двери, встав на цыпочки, прижавшись к его щеке, шептала, как заклинание:

– Любимый... мой самый любимый... мой...

А потом, как обычно спрашивала:

– Что приготовить на ужин, милый? – абсолютно исключая вероятность его ужина где-то в другом месте.

Так в семью возвращалось счастье.

Однако кожей или своим шестым чувством она ощущала, что какая-то часть его души не принадлежит ни ей, ни их сыновьям, ни друзьям, ни работе, ни его боевым подругам. Довольствуясь всё же всем остальным, была счастлива вполне и не ломилась туда, куда ее не приглашали.

А что же Лика? Она тоже не жаловалась на жизнь – у неё был любимый муж, взрослые, состоявшиеся дети, престижная работа и дом, фасадом выходящий в небольшой палисадник, где с мая по октябрь благоухали, поражая своей красотой и чудным ароматом, прекрасные цветы. Муж, дети и самые близкие друзья знали, что, несмотря на увлеченность садовыми цветами, она еще очень любит белые подснежники.

Когда у нее появилась эта тяга к подснежникам, Лика не помнила. По крайней мере, не в студенческие годы, когда самыми прекрасными она считала алые розы и искренне вос-

хищалась разнообразием их оттенков и ароматов; и не после окончания института, тогда её сердце пленили изысканные хризантемы, терпко пахнущие прохладным морским бризом и напоминающие своими остроконечными лепестками щупальца обитателей подводного мира; и не тогда, когда муж одаривал её огромными букетами белых роз вперемешку с синими, жёлтыми и лиловыми голландскими ирисами – в подтверждение своей любви, в благодарность за рождение детей...

Это случилось намного позже. Уже бабушки не было в живых, уже были взрослыми дети.

Едва наступала весна, и солнце освобождало мир от зимнего застоя, в городе появлялись люди другой цивилизации – в высоких сапогах и куртках с капюшонами. Их отличал особый взгляд, который, вне зависимости от цвета глаз, излучал тепло, а неизменным атрибутом были большие плетеные корзины, доверху наполненные чистой могучей энергией пробудившейся земли.

Едва освободившись от зимней скованности, она тут же одаривала мир нежным белоснежно-трепетным чудом – подснежниками.

Лика всегда с нетерпением ждала этого вторжения и не могла пройти мимо «инопланетян» с их лесными трофеями. Погруженная в свои мысли, ходила она от корзины к корзине, как будто по лесу, не замечая продавцов, вдыхая свежесть первых цветов и любуясь их трепетно-нежной красотой. Затем долго выбирала, разглядывая и перекладывая букетики в корзине, пока не находила тот, который считала сорванным для себя. Отбирала три таких букетика и ехала домой, выключив мобильный, погруженная в свои мысли.

Старый хрустальный стакан помнил тепло бабушкиных рук, она любила ставить в него невысокие лесные цветы. Сегодня он в очередной раз послужит вазой для подснежников. Лика задумчиво сняла резинки, держащие цветы в букете:

– Бабуля, эти первые цветы – тебе, – прижала их к губам, закрыла глаза, на секунду ощутила себя маленькой любимой внучкой, почувствовала легкое бабушкино прикосновение и тепло её рук на своих волосах.

– Я так люблю тебя, бабуля. Мне всегда тебя не хватает. С весной тебя, любимая...

И первый букетик расправился, ожил в старинном изысканном стакане, в лучах солнца заиграли грани хрусталя, как будто улыбнулась бабушка.

– А ты, Вадим, прости меня за нелюбовь, – Лика опустила в стакан второй букетик, – эти цветы тебе. С весной тебя, будь счастлив и любим.

Третий букетик она прижала к лицу, глубоко вдыхая тонкий пьянящий аромат, ощущая кожей нежность и прохладу первых цветов.

– А это, Лика, тебе, – мысленно она обратилась сама к себе и со вздохом произнесла неожиданно промелькнувшую в мозгу известную есенинскую фразу: «Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок», – еще раз вздохнула и добавила букетик к первым двум.

НЕСЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

*«Не бывает случайных встреч.
Каждая из них – или испытание, или наказание,
или подарок судьбы».
«Жемчужина мысли», автор неизвестен.*

– Кого же напоминает мне эта женщина? – Александр Иванович внимательно посмотрел на вошедшую в кабинет и робко остановившуюся в дверях пациентку. На вид ей было не больше тридцати пяти. Взглянув на титульный лист амбулаторной карточки, Александр убедился, что не ошибся. Так и есть – тридцать пять. – «Глаз – алмаз», – промелькнуло в голове. Он бегло пролистал амбулаторную карточку, профессиональным взглядом выхватывая необходимую информацию, и ещё раз внимательно посмотрел на пациентку.

Итак, она звалась Татьяна. Татьяна Анатольевна Терещенко. Ничем не примечательная стройная шатенка, с лёгким беспорядком спускающихся до плеч пушистых волос. Быстрый взгляд доктора скользнул по чёрным лакированным лодочкам на невысоком каблуке, узкому голеностопу, безукоризненной формы голеням, заключённым в тонкую лайкру цвета мокко, изящным коленям. Слегка задержавшись взглядом в области коленей, быстро поднялся вверх по синей поверхности джинсовой юбки, плотно облегающей бёдра своей обладательницы, объёмному серому свитеру, беспощадно поглотившему верхнюю половину её туловища, по едва обозримой полоске белой нежной шеи, овальному подбородку, бледным, плотно сжатым губам и упёрся в светло-карий, грустный и слегка смущённый взгляд.

– Определённо, она мне кого-то напоминает... – он перебрал файлы своей памяти, пытаясь найти там ответ.

– Александр Иванович, – из смежного кабинета вышла рентгенлаборант Люда, – всё готово к обследованию. Можно начинать?

– Ну, что ж, раз всё готово, давайте начнём, – он улыбнулся пациентке. Та явно нервничала и, наверняка, боялась.

– Татьяна Анатольевна, рентген-обследование – это совершенно не опасная и абсолютно безболезненная процедура, – его голос звучал мягко и успокаивающе. – Людмила Петровна приготовила бариевую смесь, совсем немного – половину одноразового стаканчика. По моей команде Вы будете пить контраст маленькими глоточками, и дышать так, как я Вас буду просить. А сейчас плотно прижимайтесь спиной вот к этой стеклянной платформе, – рукой он указал на металлический подиум рентген аппарата, – обувь и одежду снимать не нужно. Расслабьтесь и представьте, что Вы купили билет на карусель, – и, перехватив недоверчивый взгляд пациентки, ободряюще добавил:

– Вы, Татьяна, даже не догадываетесь, насколько всё безобидно на самом деле. Возможности нашего оборудования позволяют сложнейшую диагностику провести легко, а для пациента – практически играючи. Ведь Вы же наверняка в детстве любили кататься на карусели. Сейчас тоже совершите нечто подобное. Наша «Опера» не спеша покружит Вас и сфотографирует, как в детстве мама. Вас, наверняка, фотографировала мама на карусельной лошадке или в карете, запряжённой парой симпатичных, бегущих по кругу гнедых в золочённых попонах?

– Да, конечно... – попыталась улыбнуться Татьяна. – Я не боюсь обследования, просто... просто... – внезапно дрогнувшие губы вытолкнули боль, которая переполняла и, с едва сдерживаемым криком, рвалась наружу: «Я недавно похоронила маму!»... – она прижала платок к глазам и обречённо опустилась на рядом стоящий стул, не в силах справиться с потоком слёз и осознанием утраты.

– Люда, воды! – он не ожидал такого поворота событий и вместе с медсестрой принялся успокаивать пациентку.

Спустя минут двадцать Татьяна окончательно успокоилась, и обследование было проведено в штатном режиме, без эксцессов. Диагностировали банальный гастродуоденит, рекомендовали обратиться на консультацию к терапевту. Вручая Татьяне снимки и рентген-заключение, Александр всё-таки не удержался:

– Татьяна, у меня такое впечатление, что раньше мы были знакомы.

– Вряд ли, Александр Иванович, – Татьяна улыбнулась доктору. – Мы всего лишь год живём в вашем городе, мужа перевели по работе. А вообще-то я родом из Тюмени, там теперь у меня никого больше не осталось, – её голос опять дрогнул.

В кабинете воцарилась тишина, которую спасительно нарушил французский шансонье из мобильного. Александр поспешил ответить, а Людмила Петровна, шепча что-то утешительное, вывела пациентку из кабинета.

Шло время. Неделя, едва начавшись загруженным понедельником, незаметно перетекла в любимую пятницу. В предвкушении двух выходных вечером можно было сколько угодно щёлкать каналы, в надежде разобраться, что же всё-таки происходит в стране? Майдан, вооружённые схватки, события в Крыму поражали своей циничностью, жестокостью и непредсказуемостью. У Александра было ощущение, что от его Родины, от его родной земли, свободу и независимость которой во время Великой Отечественной защищали дед Василий и дед Иосиф, дядя по материнской и отцовой линии, соседи и односельчане, теперь – безжалостной и костистой лапой оторвали шмат. И не просто – шмат! Крым! Не укладывалось в голову, что агрессором может быть Россия! Чтобы вот так, за просто – брат на брата!

После окончания средней школы Александр Артюх проходил военную службу на советско-афганской границе в Туркменистане, с особым уважением, как и все пограничники, относился к суверенитету и неприкосновенности кордонов любой державы. Вместе с ним служили русские, украинцы, таджики, эстонцы, белорусы, казахи. Это была дружная армейская семья – один за всех и все за одного. Бойца оценивали не по национальной принадлежности, а по наличию лучших человеческих качеств – честности, умению дружить, хранить тайну, ну и конечно – за успехи в физо, боевой и политической подготовке. С Виктором Медведём, Володей Вишневым, Толей Мисурой, Николаем Затульвитром, Сергеем Снисарем он до сих пор поддерживает дружбу, несмотря на изменившуюся внешнюю и внутреннюю политику вновь образованных го-

сударств и сложный визовый режим. Двадцать восьмого мая, отбросив все дела и надев зелёные фуражки, каждый год собираются друзья и сослуживцы в день пограничника, отбросив чины и ранги. Помянув ушедших из жизни товарищей, вспоминают свою молодость, радушный, гостеприимный туркменский народ и Советский союз. А ещё юношескую незыблемую уверенность в том, что все люди – братья и что жизнь – это бесконечная дорога, и «лучшее, конечно, впереди».

Вспоминают жаркое солнце Туркменистана, пятидесятиградусную жару днём и пробирающий до костей холод ночью, сладкие спелые персики, помидоры с тонюсенькой кожурой, лепёшки из тандыра, урюк в общественных садах, тотушку на каждом дереве – жёлтую, белую, красную, чёрную, ешь сколько хочешь, и всё бесплатно! А дыни и арбузы! Это настоящее туркменское чудо – огромные, эллипсообразные, весом до тридцати килограммов! Пропитанные горячими лучами солнца, внутри они прохладны в любую жару и, лишь вонзив зубы в сочную, нежную мякоть, ты почувствуешь и никогда не забудешь их необычный и неповторимый вкус.

В восьмидесятых Крым стал его второй Родиной.

Он, демобилизованный сержант – пограничник в парадной форме с аксельбантами, начищенными до блеска сапогах, новой зелёной фуражке, приземлился в Симферопольском аэропорту ранним июньским утром, купив билет из Ашхабада на ближайший рейс. Город значения не имел – лишь бы в Украину. В родное село из Симферополя нужно было ехать ещё ночь поездом, потом на попутках или ждать автобуса. Но быстрее – на попутках.

Чтобы убить время до вечера, решил побродить по городу, в котором ни разу не был. Осмотр начал с улицы Ленина, небезосновательно предположив, что именем Ленина названы самые главные и самые красивые улицы в любом городе. Именно улица Ленина привела Александра к небольшому парку, посаженному серебристыми тополями и платанами с уходящими в небо раскидистыми кронами и много повидавшими на своём веку, могучими соснами. В глубине парка просматривалось старинное двухэтажное здание, серый фасад которого украшал ряд стройных белых колонн. Во дворе было много

молодёжи. Одни сидели на скамейках и что-то сосредоточенно читали, другие пересматривали какие-то документы, третьи просто весело что-то обсуждали между собой, многие были в белых халатах.

– Наверное, мединститут, или больница – подумал он, и решительно направился к красивым кованым воротам. Интуиция в очередной раз не подвела пограничника. Это действительно был главный корпус Крымского мединститута. Парень прошёлся по двору, сел на лавочку и не спеша перекурил, пообщался со студентами, абитурирой, расспросил – что к чему. Затем вошёл в здание, вдохнул воздух храма медицинской науки. Что-то сжалось в горле, щёлкнуло в мозгу.

– Я хочу здесь учиться. Я буду здесь учиться! – таково было его неожиданное решение. Спустя десять – пятнадцать минут он уже справился с волнением, нашёл кабинет с табличкой «Председатель приёмной комиссии» и, отбросив сомнения, постучавшись – вошёл.

– Здравствуйте, профессор, – он лихо козырнул, звонко вздрогнув значками отличия на груди. – Разрешите обратиться! – и застыл по стойке «смирно» с приставленной рукой к виску под лихо сдвинутой набок зелёной фуражкой.

– Вольно, сержант, – профессор приветливо улыбнулся парню. – Присаживайся.

Они проговорили почти час, не обращая внимания на нарастающий гул за дверью, исходящий от постоянно увеличивающейся толпы абитуриентов, жаждущих собеседования. Анатолию Яковлевичу (так звали профессора) понравился храбрый сержант, чем-то напоявший его самого в молодости, и он долго не отпускал парня, расспрашивал о службе на границе, о боевых и тактических задачах, о поимке нарушителей границы, о солдатской дружбе и взаимовыручке, о родителях. Во время беседы выяснилось, что они почти земляки и даже имеют несколько отдалённо-общих знакомых.

Александр, польщённый таким вниманием к своей персоне, бойко рассказал профессору о командире, как образце для подражания, о товарищах, о «случаях» на заставе – он проходил службу в кавалеристском подразделении, на втором году службы – уже был командиром отделения.

– Наша пограничная застава находится недалеко от небольшого городка Кушки, – несмотря на «дембель», Саша душой оставался ещё там, в Туркменистане и о службе говорил в настоящем времени.

– Раньше это была самая южная точка Российской империи. Изначально – крепость для защиты южных границ державы. Поэтому, ещё при царе, на самой высокой сопке установили десятиметровый каменный крест, символизирующий незыблемость государственной границы. С этой сопки такой обзор открывается! – он от восторга аж зажмурился, но как настоящий пограничник, тут же сухо подытожил – местность просматривается на десятки километров.

Профессор, иногда уточняя подробности, слушал с большим интересом и вниманием, что, безусловно, вдохновляло юношу не останавливаться в своих воспоминаниях.

– Туркменистан особенно красив весной, – Саша успел искренне полюбить этот самобытный, не похожий на родную Украину, край.

– С конца марта степь начинает постепенно покрываться зелёным ковром трав, а в апреле зацветают и до неузнаваемости преобразуют зимнюю унылую картину тюльпаны, затем ирисы и, наконец, маки, – перед мысленным взором юноши ожили яркие картины бескрайних просторов Туркменистана. – Особенно красиво смотрится степь, когда зацветают маки, – от восхищения он даже привстал со стула. – Тогда кажется, что каждая сопка превращается в костёр и полыхает неугасимым алым пламенем на фоне величаво возвышающихся вдалеке заснеженных горных вершин Копетдага!

– Сержант, да ты прямо поэт, – пошутил профессор, – ну, а врачом, когда решил стать, и почему? – его вопрос застал парня врасплох и моментально перенёс из знойных степей Туркменистана в священные и величественные стены Крымского мединститута.

На секунду парень задумался.

– А и в самом деле, – почему? – ведь родителям обещал выучиться на агронома, поднять урожайность зерна в районе, стать таким известным, как сам Гиталов!

Глубоко вздохнул, откашлялся...

– Скажу по правде, даже не знаю, как правильно сформулировать! – он вытер вспотевший лоб. – Зашёл в институтский двор, в само здание и понял, что это – моё, родное что ли... Как будто раньше я уже был здесь... Вроде многое знакомо. С ребятами пообщался... студентами. Хочу быть таким, как они, – он набрал воздух в лёгкие, как перед погружением, затем шумно выдохнул и сказал:

– Ощущение такое, что других профессий не существует. Как будто я всегда хотел быть врачом, но только сейчас это осознал, – он смахнул рукой выступившие капельки пота на лбу, вытер вспотевшие ладони о брюки, задумался на мгновение, – в общем, не знаю – как решил, но знаю, что решил твёрдо, что не передумаю! Я хочу и буду врачом. Вот.

– Ну, что ж, раз твёрдо решил, молодец. Для меня тоже – других профессий не существует, – веско сказал профессор. – Если все документы при тебе, иди в приёмную комиссию. Понадобится помощь, обращайся. Чем смогу – помогу, и пошутил: – «мы ж земляки».

Родителей удивило неожиданное решение сына поступать в медицинский, но отговаривать не стали, в этом не было смысла, они хорошо знали его характер – если что надумает, обязательно сделает, чего бы ему это не стоило. Переживали, когда он сдавал экзамены, радовались, когда поступил.

Учёба давалась тяжело. Не хватало базовых знаний, катастрофически не хватало времени, ведь каждую двойку нужно было «отрабатывать» после занятий. А чего только стоил научный коммунизм и конспектирование трудов классиков?! К больным не водили, настоящая медицина вообще не просматривалась в обозримом будущем. Не таким он представлял себе обучение в мединституте. Особенно тяжело давались латынь и английский, он решил изучать его с нуля, услышав где-то, что полмира говорит на английском. А в школе изучал немецкий. Да и «изучал» – это громко сказано!

Сейчас неожиданно выручило донорство. За каждые двести пятьдесят кубиков донорской крови полагался один законный выходной, кроме дня сдачи крови, бесплатный обед – наваристый борщ, второе с хорошим куском мяса, стакан сметаны и стакан гранатового сока. Хлеба бери – сколько хочешь. Но са-

мым отрадным было то, что «англичанка» очень уважала доноров. Ходили слухи, будто в молодости она попала в ДТП и чуть не умерла от массивного кровотечения, от смерти её спасла донорская кровь. Студенты знали, что предьявитель донорской справки автоматически становился другом кафедры, «закрывал» свои «НБ» и двойки сразу на четвёрки. Для Саши это был шанс, поэтому каждые три месяца он безвозмездно сдавал свою молодую, горячую кровь на станции переливания, спасая тем самым жизни незнакомых ему людей и одновременно получая четвёрки по пока непостижимому для него, но такому популярному во всём прогрессивном мире, «инглишу».

Но если бы только проблемы с английским! Парню, закончившему сельскую школу и отслужившего срочную службу в армии, трудно было вписаться в плотный формат занятий мединститута, угнаться за золотыми медалистами и учащимися спецшкол, имеющими хорошую базу, продвинутых родителей и крымскую прописку.

Кроме того, его сердце пылало любовью к симпатичной, скромной девушке, своей землячке. Каждую субботу всеми мыслимыми и немыслимыми способами он старался вырваться домой, чтобы хоть несколько часов провести вместе с Галочкой. Она провожала его в армию, дождалась возвращения и теперь стала самым главным человеком в его жизни.

В течение первых месяцев обучения, неожиданно для себя, Саша «нахватался» двоек и «НБ» и находился в весьма «подвешенном» состоянии. Но случайная (а может, не случайная) встреча в деканате с Анатолием Яковлевичем положила начало их многолетней дружбе и уберегла парня от «вылета» из института. Опытным глазом педагога профессор без лишних объяснений оценил критичность состояния совсем поникшего студента и решил дать ему шанс. Помог с отработками и койко-местом в общежитии, поддержал морально и рассказал притчу, серьёзно повлиявшую на мироощущение юноши и всю его дальнейшую жизнь.

«Приходит ученик к Учителю и говорит:

– Учитель, я устал! У меня такая тяжёлая жизнь, такие трудности, такие проблемы! Я всё время плыву против течения, у меня больше нет сил... что мне делать?»

Учитель вместо ответа поставил на огонь три одинаковых ёмкости с водой. В одну бросил морковь, в другую – положил яйцо, а в третью – насыпал молотые зёрна кофе. Через некоторое время вынул из воды морковь и яйцо, налил в чашку кофе.

– Что изменилось? – спросил ученика.

– Яйцо и морковка сварились, а зёрна кофе растворились в воде, – ответил ученик.

– Нет, сказал Учитель, – это лишь поверхностный взгляд на вещи. Посмотри – твёрдая морковь, побывав в кипятке, стала мягкой и податливой. Хрупкое и жидкое яйцо под влиянием кипятка стало твёрдым и крепким. И, хотя внешне они не изменились, но под влиянием неблагоприятных факторов, которыми в данном случае является кипяток, кардинально изменилась их внутренняя структура.

Так и люди... Сильные внешне – могут расклеиться и стать слабаками, там, где хрупкие и нежные – лишь затвердеют и окрепнут.

– А кофе? – спросил ученик.

– О! Это самое интересное! Зёрна кофе полностью растворились в новой агрессивной среде и изменили её – превратив обычный кипяток в великолепный ароматный напиток.

А МОРАЛЬ, Саша, вот в чём: «Есть особые люди, которые не изменяются в силу обстоятельств, а сами превращают их в нечто новое и прекрасное, извлекая пользу и знания из ситуации и той среды, в которой они находятся».

Рассказав притчу, профессор строго посмотрел на притихшего парня:

– Комментарии нужны?

– Нет, я всё понял, – густо покраснев, сдавленно произнёс юноша.

К концу второго курса Александр уже твёрдо стоял на ногах. Он женился на Галине и в семейной жизни, и в жизни вообще, во всём старался быть похожим на её отца – Василия Николаевича – очень порядочного, ответственного и доброго человека, к тому же врача, что называется, от Бога.

Семья не может быть помехой в учёбе для настоящего мужчины, учил Сашу тесть. И тот засел за учебники, стал учиться «на стипендию», периодически, когда заканчивались деньги,

ночами разгружал вагоны, а ещё – играл в футбол за сборную института, готовился к летнему трудовому десанту в Тюмень в составе стройотряда. За несколько дней до отлёта заскочил на кафедру к Анатолию Яковлевичу, чтобы обсудить некоторые детали поездки и попрощаться до осени.

– Саша, у меня к тебе будет просьба, – неожиданно сказал профессор. – Я приготовил небольшую посылку в те края, сможешь передать?

– Какие могут быть сомнения? – выполнить просьбу профессора – было для него делом чести.

– Я тут написал адрес и номер телефона, – он вручил парню пакет, завёрнутый в белую бумагу. – Созвонишься и вручишь лично Беловой Анне Ильиничне. И после того, как передашь, перезвони мне. Хорошо?

– Конечно, Анатолий Яковлевич, – Саша бережно взял пакет из рук профессора. – Второго утром мы будем в «Рощино» и, как только доберёмся до города, я сразу позвоню Анне Ильиничне. Что-то передать на словах?

– Скажешь так: «Анна Ильинична, вас поздравляет с днём рождения Анатолий Яковлевич из Симферополя». – И спроси, куда привезти подарок.

– Будет исполнено, – он по-солдатски «козырнул», пытаясь за лёгкой бравадой скрыть удивление, вызванное неожиданной просьбой своего наставника. Александр хорошо знал жену профессора, она преподавала биохимию в их институте и производила впечатление властной, энергичной и, как ему казалось, любимой женщины.

– Сашка, ты шутики брось, – строго сказал Анатолий Яковлевич, словно усомнившись в надёжности своего ученика. – Дело деликатное, как ты понимаешь. Меня с Анной Ильиничной связывают годы дружбы и общая научная тема. Второго у неё день рождения. Хочется порадовать её сюрпризом, понимаешь?

То, как поменялся голос Анатолия Яковлевича, когда он произнёс, – «Анна Ильинична», как мягко засветились его глаза и то волнение, которое исходило от него, – утвердило парня в уверенности, что эта женщина действительно очень значимый в жизни профессора человек, возможно даже не просто друг и коллега.

– Не волнуйтесь, Анатолий Яковлевич, подарок доставлю в кратчайшие сроки и сразу отзвонюсь, – заверил он напрасно разволновавшегося профессора.

Как только студотряд прибыл в Тюмень, Саша тут же ринулся к телефонной будке, по памяти набрал нужный номер.

– Анна Ильинична? Здравствуйте! Меня зовут Александр Артюх, я студент Анатолия Яковлевича, – выпалил он, услышав приятный женский голос.

– Анатолия Яковлевича? – удивлённо переспросила Анна Ильинична.

– Да, профессора Усенко Анатолия Яковлевича из Симферопольского мединститута. От его имени я поздравляю Вас с днём рождения. Желаю счастья, здоровья, успехов во всём, – добавил для солидности, уже от себя. – Анатолий Яковлевич передал Вам подарок. Скажите, куда доставить.

Они встретились через час в небольшом сквере на улице Металлургов. К Александру подошла высокая, спортивного вида женщина лет тридцати пяти-сорока. Она была значительно моложе профессора и вполне могла в прошлом быть его студенткой. Но разве профессора передают подарки ко дню рождения своим бывшим студенткам и при этом смущаются и краснеют, как мальчишки?

Саша спешил, поэтому не очень-то задумывался над тем, кем является для Анатолия Яковлевича Анна Ильинична, и без лишних слов, выполнил своё поручение – передал пакет и вздохнул с облегчением. Затем отзвонился профессору и на всех парах помчался догонять стройотрядовцев, выдвинувшихся на место своей дислокации.

Потом несколько раз по просьбе Анатолия Яковлевича он встречал Анну Ильиничну в Симферопольском аэропорту, когда та прилетала на отдых в Крым. А после окончания мединститута по распределению уехал работать рентгенологом к себе на родину. Однако связь с профессором не потерял, по-прежнему оставаясь преданным учеником и другом Анатолия Яковлевича. Ежегодно бывал у него в гостях, радовал профессора своими первыми успехами и просил совета в трудных жизненных ситуациях. А таких случаев было немало: рождение доченьки Анечки, первые шаги в профессии, затем, как гром среди ясного неба – развод!

Растерянность, одиночество, безысходность...

Помогла притча, которую когда-то рассказал профессор. Пришлось начинать всё сначала, сохранив самое дорогое из прошлой жизни – любовь дочери, уважение Галины, себя в профессии.

Теперь у него новая, счастливая семья – жена Ирина, дети – Настя и Егор, престижная, интересная работа, уважение коллег. И в помощи нуждается сам профессор. Ему далеко за восемьдесят. Тринадцать лет назад умерла Лина Трофимовна. После её смерти Анатолий Яковлевич сразу ушёл из института, жил один. Детей у них не было, родственников уже тоже, поэтому единственным близким человеком оставался только Александр. Ситуация усложнилась после присоединения Крыма к России, а теперь ещё и осада... Электричество по часам, перебои с водой, продуктами, выплатой пенсий, телефонной связью... Но Александр умудрялся хотя бы раз в несколько месяцев навестить своего учителя, обеспечить продуктами, прибраться в квартире.

В этот раз таможенный контроль был особенно пристрастным. Ввоз продуктов и предметов обихода в Крым запретили. Пришлось почти всё оставить на таможне. Хорошо, что достаточно быстро пропустили машину. Миновав КПП, Александр нажал на газ, за двое суток выходных нужно было многое успеть.

Спустя несколько часов, он уже открывал своим ключом дверь квартиры профессора. Анатолий Яковлевич гостей не ждал, он сидел за своим огромным дубовым письменным столом и через лупу рассматривал старые фотографии. Увидев в дверях Александра, радостно помахал рукой. Тот подошёл к столу. Перед ним расстилалась чёрно-белая, уже изрядно пожелтевшая жизнь Анатолия Яковлевича.

Вот фронтовые фотографии: молодые, поджарые солдатики в длинных шинелях присели на снегу возле орудия, Анатолий Яковлевич – в центре, а вот – у костра. А это – парадная фотография – он с наградами в два ряда с обеих сторон! Александр аж присвистнул:

– Да, пришлось Вам повоевать, Анатолий Яковлевич!

– А то! – без пафоса ответил профессор, задумчиво перебирая снимки.

А вот несколько студенческих фоток профессора. Какой же он был худой и длинный! А это они с Линой Трофимовной – счастливые, юные, оба в военной форме, а это – на море – уже совсем другие, загорелые, весёлые, с выцветшими на солнце волосами. Вот – симпозиум, профессор в президиуме, вручение награды за изобретение, здесь – профессор читает лекцию, принимает экзамен...

А это кто на фотографии? С чёрно-белого снимка на Александра смотрели знакомые глаза. Вглядываясь в изображение, он пытался вспомнить, кого напоминает ему эта женщина. Анатолий Яковлевич взял у него снимок, и глубоко вздохнув, неожиданно произнёс: – «Аннушка, великая любовь всей моей жизни, моя самая сокровенная тайна».

– Аннушка, Анна Ильинична! – вдруг озарило Александра. Всё-таки любовь! А как скрывал...

– А Вы мне ничего не рассказывали о своей любви, Анатолий Яковлевич, – он придвинул ближе к столу кресло в надежде услышать необычную историю.

– Да я сам себе боялся в этом признаться! – Анатолий Яковлевич резко вскинул голову и как-то отчаянно посмотрел Александру в глаза.

– Понимаешь, Саша, сдурел я тогда, встретил ЖЕНЩИНУ и пропал! – глаза профессора вспыхнули живым огнём, на бледных впалых щеках проступил румянец.

– Но сейчас уже, наверное, можно рассказать.

– Сейчас уже можно, – согласился профессор. – Слушай.

– Мне тогда было чуть больше пятидесяти, – он не выпустил фотографию из рук, словно считывал информацию с лица женщины, запечатлённого на снимке. – Поехали мы по обмену опытом в Тюменский мединститут, там я и встретил Аннушку. Она была аспиранткой на кафедре. Высокая, стройная, как берёзка, волосы тёмно-русые водопадом! А глаза! Как две звезды из тёмного янтаря! Как увидел – меня так и «прошибло», стал сам не свой. Тремор какой-то внутри появился, спасу нет. Не сплю, не ем – только о ней и думаю. В общем, тотальное умопомрачение. Как-то отдалённо понимаю, что ничего хорошего у нас с ней выйти не может, но с собой ничего поделаться не могу. Хотя до встречи с Аннушкой я действительно всю

жизнь любил Лину и ни о чём «таком» даже не помышлял... Ты же помнишь её? Лину Трофимовну, жену мою? Светлая ей память и царство небесное.

– Конечно, помню, – Александр вздохнул. – Вы были очень хорошей парой.

– Да, – согласился профессор. – Кроме того, ведь я обязан ей жизнью. В сорок третьем она – девчонка, почти ребёнок, вытащила меня раненого из-под пуль, прямо с поля боя. Выходила, поставила на ноги. Но я любил её не за это. Хотя всю жизнь был благодарен. Ты знаешь, Саша, я просто её любил, любил, как своё второе «Я», как неотъемлемую часть себя, любил, как лучшую из женщин.

До встречи с Аннушкой мне и в голову не приходило, что я могу увлечься другой. Я считал себя редким индивидом – однолюбом. Но тебе доказывать не надо, что в природе для особей мужского пола моногамия – противоестественна. А я наивно полагал, что являюсь исключением, – профессор глубоко вздохнул, словно сожалея о том, что полигамен, как и все мужчины. Александр спрятал улыбку в высокий ворот свитера и кивнул в знак согласия, внутренне удивляясь откровенности обычно немногословного Анатолия Яковлевича.

– Как ты понимаешь, при таком самоощущении Лине я никогда не изменял, а в пятьдесят с гаком об этом и не помышлял, да и возможности не те уже были. Ну, ты понимаешь, о чём я... – Ну, не скажите, – хотел возразить Александр, однако Анатолий Яковлевич его перебил:

– Но тут – совсем другой коленкор, – он, загадочно улыбнувшись, и как-то приободрившись, после небольшой паузы добавил:

– В общем, насчёт своих возможностей я здорово ошибался! Когда мы поняли, что не можем сопротивляться той силе, которая притягивала наши тела и души навстречу друг другу, во мне такой вулкан проснулся... Эх...! – он поднялся, вышел из-за стола, прошёлся по комнате и снова сел, закрыл глаза, откинувшись в кресле.

Александр терпеливо ждал продолжения рассказа. После затянувшейся паузы Анатолий Яковлевич в упор посмотрел ему в глаза и вдохновенно произнёс:

– Когда всей душой любишь женщину, любишь и свято, и грешно, как только может любить мужчина – безоглядно, безрассудно с полной самоотдачей, – он на мгновение перевёл дух, – и если она отвечает тебе тем же, то между вами такие энергии начинают резонировать, такие чувства просыпаются, что вы перестаёте быть жителями земли. Вам открывается что-то большее, божественное. Для вашей любви перестают существовать пределы. No Limits! Наступает безумие, сметающее здравый смысл ... и – неопишуемая радость!.. Счастье! Полёт! – он мечтательно закрыл глаза, погрузившись в воспоминания.

– По крайней мере, у нас было именно так, – сказал он после небольшой паузы.

Александр взял фотографию и ещё раз внимательно посмотрел на запечатлённую на ней женщину. Память наконец-то выдала ему аналогичный снимок из настоящего. Он был шокирован своим открытием.

– Скажите, Анатолий Яковлевич, а чем закончилась ваша история? Как правило, такую любовь и страсть обычно венчает, если не свадьба, то беременность и рождение ребёнка или... – он не закончил фразу, теряясь в догадках.

– К сожалению, ни Линочка, ни Аннушка, не подарили мне этого счастья. Ты же знаешь, Бог не дал мне наследников. А тогда, в Тюмени, я не представлял, как дальше смогу жить без Аннушки и начал даже подумывать о разводе с Линой.

Сказал об этом Ане, но она и слушать не хотела. А я не решился настаивать, ведь был значительно старше её и боялся, что не смогу долго поддерживать нужный градус отношений, не смогу ей дать всего, чего она достойна. Кроме того, ведь в Тюменском мединституте меня кафедра не ждала, нужно было что-то искать, кого-то подвигать. У меня многое было тогда завязано на Симферополе, а у Аннушки – вся жизнь впереди, как чистый лист бумаги. Я боялся испортить ей будущее, – он глубоко и печально вздохнул.

– Мы тяжело расстались, хотя после моего отъезда ещё долго поддерживали отношения, даже несколько раз встречались. Она прилетала в Крым на отдых, я снимал квартиру и был несканно счастлив в те дни... она – тоже.

– А у Аннушки, (извините) муж был? – Александр мысленно складывал только ему одному известные пазлы.

– Был. Вроде бы был. Но она не сразу вышла замуж после нашего расставания, и как-то потом быстро развелась. В Тюмени я больше не был ни разу. Его не видел ни воочию, ни на фото. С Аней мы переписывались иногда, не часто. Во время встреч она о себе рассказывала мало. А я не спрашивал. У нас времени на разговоры особенно то и не было. В те недолгие часы, что были отпущены нам судьбой, мы не могли разжать объятия...

А потом изнурительно медленно тянулись месяцы и годы ожидания. Да... – профессор тяжело вздохнул и понуро склонил голову. Воспоминания забрали у него много сил. Он как будто угас, сожалея о безвозвратном.

В этот раз Александру было особенно тяжело оставлять его одного. Он понимал, что Анатолий Яковлевич слабеет, утрачивая смысл своего существования. Преклонный возраст и одиночество – не самые лучшие спутники в жизни человека. Перед отъездом он обнял учителя и пообещал скоро вернуться, тот только слабо улыбнулся в ответ.

Утром в понедельник Александр первым делом решил «расставить все точки над i».

– Люда, ты можешь вспомнить фамилию той Татьяны, что боялась обследования? Она ещё говорила, что недавно похоронила мать, – ему нужно было встретиться с этой женщиной, и притом – немедленно.

– Кажется, Терещенко, – ничего не забывающая Людмила Петровна взяла толстый «Журнал рентген обследований» и быстро пролистала его до нужной фамилии.

– Да, точно, Терещенко Татьяна Анатольевна, тридцати пяти лет, Покровская, 121, квартира 15. «Хронический гастродуоденит, обострение», – чётко и без промедления выдала нужную информацию.

– А что случилось? – она вопросительно посмотрела на доктора.

– Пока ничего. Но мне нужно срочно увидеть Татьяну Анатольевну. Александр снял халат и быстро вышел из кабинета.

Он застал Татьяну дома. Женщина не могла скрыть удив-

ления и беспокойства, увидев доктора на пороге своего дома. Однако, справившись с волнением, пригласила войти.

– Татьяна Анатольевна, – начал Александр без предисловий, присев на стул у круглого стола в гостиной, – наверное, мой визит Вам покажется странным, но я хочу, чтобы Вы взглянули на фотографию одной женщины. Возможно, она Вам знакома. Более того, – он сделал паузу, но не закончил предложение. – И, если Вы это подтвердите, – я расскажу удивительную историю, к которой Вы, возможно, имеете непосредственное отношение.

Он достал из бокового кармана куртки старую пожелтевшую фотографию и положил её перед Татьяной. Та взяла в руки снимок и, вздрогнув от неожиданности, с удивлением посмотрела на гостя.

– Мама?.. Откуда у вас это? – она прижала фотографию к груди.

Александр облегчённо вздохнул: – «Слава, Богу! Наконец-то всё сложилось! – Он широко, от всей души улыбнулся смущённой, совершенно обескураженной женщине.

– Танюша, Вы даже не представляете, каким открытием я хочу с Вами поделиться! – и во всех подробностях рассказал всё, что знал о любви Анатолия Яковлевича и Анны Ильиничны.

Татьяна, не скрывая чувств, плакала и смеялась, затем рассказала о матери, о своём детстве, о том, как складывалась их жизнь в Тюмени, внося в историю любви двух сердец недостающие подробности.

Как оказалось, Анна Ильинична никогда не выходила замуж и всю жизнь любила только отца Татьяны, «лётчика – испытателя, погибшего накануне их свадьбы при исполнении»... По удивительному совпадению, его тоже звали Анатолий Яковлевич Усенко. Умирая, она так и не рассказала дочери всей правды. Видимо, у неё были на то свои основания, и правду она унесла с собой в могилу, так ничего и не рассказав дочери...

А неделю спустя Александр, Татьяна и Анатолий Яковлевич пили чай на просторной кухне в Симферополе. Совсем охмелевший от счастья и рюмки хорошего коньяку профессор, называл дочь именем матери – Аннушка и было не понятно,

что это – оговорка или нежелание смириться со смертью любимой женщины? А может, удивительное сходство матери с дочерью совсем сбilo его с толку, и он потерял ощущение реальности...

Его никто не поправлял и не пытался докопаться до истины. Зачем? Главное, что теперь он был счастлив.

Я НИКОГО НЕ СМОГУ
ЛЮБИТЬ БОЛЬШЕ,
ЧЕМ ТЕБЯ

*Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу...
Агния Барто «Игрушки»*

Ольга, Ника и Лиза уже не помнили, когда появилась у них традиция – раз в месяц, несмотря на любые жизненные перипетии, собираться в парилке часиков, этак, на четыре-пять. Брали с собой морскую соль, высушенную кофейную гущу, мёд, ягоды по сезону, косметические масла, кремы и лосьоны – для тела. И, конечно, бутылочку-другую десертного вина, травяной чай, сыры и фрукты – для души. Уважительной причиной для отсутствия могли быть вторая половина беременности (хотя и условно), рождение ребёнка, и короткий послеродовый период, непредвиденные командировки, болезнь членов семьи или одной из подруг. Тогда, посещение фитнес-клуба «Клеопатра» переносилось на ближайшую свободную субботу.

Эти субботы были дороги подругам не только часами, которые они выкраивали из полотна жизни для себя. Они были дороги им ещё и тем, что без внешних помех женщины могли поговорить по душам, искренне поделиться новостями, слегка посудачить, поддержать или пожурить друг друга, дать мудрый совет, найти правильное решение в сложных жизненных ситуациях.

Собравшись за неделю до Нового года, измотанные обилием предпраздничных забот подруги удобно расположились на тёплых, широких, источающих приятный древесный аромат полках парной, предварительно плеснув пару ковшиков воды, сдобренной пихтовым маслом и настойкой эвкалипта, на разогретые крупные камни, экзотическим хаосом лежащие в углу. Незамедлительно поднявшиеся клубы пара заполнили небольшое помещение и мягким покрывалом окутали распластанные тела, покрыв их лёгкой испариной, создавая иллюзию жаркого летнего дня в сосновом бору перед дождём. Женщины, рас-

слабленно сомкнув веки, погрузились каждая в свою «нирвану». Затем, неохотно выйдя из неё, нагишом поплавали в прохладной, бирюзовой воде бассейна, наслаждаясь её нежными, обволакивающими прикосновениями. Покинув бассейн, расположились в удобных кожаных креслах, цвета слоновой кости, с удовольствием и знанием дела провели целый ряд очищающих, питательных и освежающих процедур и, сбросив груз проблем и немножечко веса, ощутили себя младенцами, только что родившимися на свет.

Спустя некоторое время, закончили привычный и обязательный ритуал возрождения и, облачившись в белоснежные махровые простыни, ощутили себя Афродитами, вышедшими из пены морской.

– Девчонки, какие вы у меня красавицы! – восхищённо глядя на подруг, сказала Лиза, удобно устраиваясь в широком кресле у празднично накрытого, небольшого дубового стола.

– Ты на себя посмотри, – озорно ответила Ника, мастерски откупоривая бутылку шампанского, – «белолица, черноброва, нраву кроткого такого...»

– И жених сыскался ей. Люди молвили – Матвей! – поддержала подругу Ольга, слегка перефразировав известные пушкинские строки.

– Ничего подобного, – рассмеявшись, парировала Лиза. – У него более изысканное имя, – она игриво посмотрела на подруг и, растягивая, как бы смакуя имя, по слогам произнесла: «Ти-мо-фей».

– И, главное, редкое, – едко заметила Ольга, подражая матери Жени Лукашина из «Иронии судьбы».

Тут пробка, как артиллерийский снаряд, вылетела из бутылки, и шампанское золотистой, прохладно-шипучей струёй окатило радостно взвизгнувших подруг, торопливо подставляющих под струю свои бокалы.

– С наступающим Новым годом вас, девчонки! – торжественно произнесла Ника.

– Ура!!!

– Стоп, ещё стихи!

– Давай!

– С годом доброй кошки я вас поздравляю! Счастья и здоро-

вья, и любви желаю! Святости, лукавства – в меру чтоб всего. Радости, удачи, чтоб нам всем везло. Мяу!

– Мяу! Мяу! – смеясь, дружно ответили Лиза и Ольга и, звонко чокнувшись хрустальными бокалами, залпом выпили за счастье и везение в новом году.

Обсудив подарки и сюрпризы для домашних и коллег, новые наряды, приготовленные согласно астрологическим рекомендациям для встречи Нового года, приблизились к главной теме встречи – мужчине по имени Тимофей.

– Елизавета, колись, – Who is Тимофей? – первой не сдержалась Ника, преподающая английский в одном из технических вузов.

– This is a man. He is fine man! He is 42, – в шутку, как школьница, коротко ответила Лиза.

– Лизка, прекрати паясничать, – вмешалась Ольга. Она была продвинутым невропатологом и, по долгу службы, привыкла чётко задавать вопросы и так же чётко и конкретно на них отвечать. Этого она требовала и от окружающих, ведь, «кто ясно мыслит, тот чётко излагает!»! Ничего не поделаешь – бытие определяет сознание.

– Сколько можно томить! – строго обратилась она к подруге. – Рассказывай, что за птица?

– Высокий, спортивный, – мечтательно начала Лиза. – Не красавец, но о-очень приятной наружности. Шатен. Глаза серые, небольшие, выразительные, нос великоват. Был женат, давно, в молодости. Прожили три года, развелись. Детей нет. У него строительный бизнес.

– Олигарх?

– Нет, политикой он не занимается, просто бизнесмен. Сейчас его фирма строит какое-то предприятие вместе с испанцами. Я не очень в этом разбираюсь.

– Любит?

– Любит.

– А ты?

– Вроде бы – да.

– Так вроде или – да? – уточнила Ольга.

– Не знаю... думаю, да. Ой, девочки, всё не просто...

– Лизуня, только не нужно усложнять. Твой бывший, нашёл

себе двадцатилетнюю пустышку и носится с ней, как с писаной торбой. Ему – «просто»! Забыл обо всём на свете, будто и не было тех двенадцати лет счастья! А ты всё страдаешь, ушёл и Бог с ним, – Ника, глубоко вздохнув, участливо посмотрела на подругу:

– И ты открой душу для новой любви, осчастливь Тимофея, стань счастливой сама. Да и Славке отец нужен!

– У него есть отец! – вспыхнула Лиза.

– Не обижайся, ты же понимаешь, о чём я, – сбавила обороты Ника.

– А как Тимофей к Славике относится?

– А никак. Хочу их познакомить на Новый год. Тимофей мне уже все уши прожужжал. А я не знаю, как отреагирует ребёнок на чужого мужчину в моей жизни. Он так тяжело пережил наш развод с Игорем, не мог смириться с его новой женой. Вбил себе в голову, что папа его теперь не любит. Начал шалить на уроках и хуже учиться. Меня перестал слушаться. Теперь вроде успокоился, в школе подтянулся. Подружился с Ариной. Они берут его на выходные, развлекают, как могут, балуют подарками. На Новый год обещали новый компьютер подарить. Я в душе страшно ревную, но стараюсь держаться, чтобы Славик не понял, как мне тяжело даются его походы в папину семью, его дружба с Ариной. Там для него – несколько часов праздника и вседозволенности, а дома – обязанности, уроки. Не отпустить к ним не могу – Славик так любит Игоря. Боюсь нарушить это, если можно так сказать, благополучие и снова травмировать душу ребёнка. Да, кстати, нужно позвонить, как они там?

Лиза достала мобильный и, набрала номер бывшего мужа.

– Сегодня они собрались в лес на лыжах, но я не успела передать ребёнка из рук в руки, выскочила из дома на полчаса раньше, нужно было завести пальто в химчистку. А Славка ещё с утра свитер и тёплые штаны надел и ни за что не хотел раздеваться, как я ни уговаривала. Всё лыжи салом протирал – для лучшего скольжения.

– Да, он у тебя основательный мужик, скоро десять лет стукнет. Что подарить ему на день рождения?

Лиза не ответила, прислушиваясь к телефонным гудкам.

Игорь не отвечал. Она взволнованно посмотрела на подруг. – Наверное, телефон застёгнут в кармане. Во время езды не слышно звонка, – попыталась она себя успокоить.

– Набери Славика, – посоветовала Ника.

После нескольких длинных гудков Лиза услышала тихий, поникший голос сына:

– Мам, он не пришёл...

– Сынок, ты где? Не клади трубку!

– Я дома, приезжай... – Славик всхлипнул и нажал отбой.

Подруги всё поняли без слов. Наспех собрав вещи, вызвали такси и довольно быстро домчались к Лизе домой.

Славик, в шапке, сдвинутой на затылок, тёплой куртке и лыжных ботинках, с опухшим от слёз лицом, сидел в прихожей на маленьком белом стульчике, зажав в руках лыжи, как готовые взлететь, две красные ракеты. Рядом, на полу, лежал мобильный телефон.

– Сынок, ты что, почти шесть часов сидишь одетый? Что ж ты мне сразу не позвонил?

– Деньги на счету закончились...

– Как?

– Понимаешь, мам, я долго папу ждал и, чтобы время быстрее прошло, Ярику позвонил и заболтался. Я просто забыл, что у него другой оператор... деньги на счету закончились и всё... – он глубоко и удручённо вздохнул, склонив голову и изо всех сил сдерживая слёзы.

– Но я писал СМС... Тебе и ...папе...

Подруги, переглянувшись, немедленно принялись раздевать ребёнка, у которого, как оказалось, уже поднялась температура. Под руководством Ольги Лиза и Ника уложили его в постель, напоили успокоительными и жаропонижающими, дружно пытались шутить. Но состояние мальчика ухудшалось, температура не падала, он не мог и не хотел говорить, пить и есть. Ночью Лиза вызвала «Скорую». Оказалось, что у Славика ангина. Им предложили немедленную госпитализацию в стационар в связи с тяжестью состояния ребёнка.

Утро Лиза встретила в больничной палате, ни на минуту не сомкнув глаз за ночь. Славик, безучастно переживший несколько капельниц и уколы, беспокойно спал, с напряжённым

выражением бледного лица, маленький и беспомощный. Она поправила одеяло, потом сбившиеся волосы на лбу сынишки. Температура спала, лоб был влажный.

– Что тебе снится, малыш? – склонившись над сыном, она нежно поцеловала его в висок. А потом, неожиданно для себя, легко дунула ему в ухо и прошептала:

– Пусть тебе снится тёплый весенний день, зелёный луг, голубая река. Ты с папой запускаешь яркого, воздушного змея. Вместе с вами бегают и резвятся огромный белый пёс по кличке Магнум. А я готовлю угощение на большом красно-жёлтом клетчатом пледе, расстеленном на траве. Вы подбегаете ко мне, хватаете то кусочек сыра, то колбаски, то печенюшку. Едите сами, угощаете собаку. Хвастаетесь своим змеем. Нам весело и хорошо.

Слово «хорошо» она произнесла уже сквозь слёзы, крупными жемчужинами, покотившимися по щекам. А Славик улыбнулся во сне.

Подойдя к окну и глядя на заснеженный больничный двор, Лиза дала волю слезам.

Через час позвонил Игорь.

– Привет, Лиз! Вчера я не смог приехать. В пятницу ночью у Арины началось кровотечение – угроза выкидыша.

– Арина беременна?

– Слава Богу, да! Я сутки от неё не отходил, поднял на ноги всю медицину, но сейчас опасность миновала, можно вздохнуть спокойно. Утром сегодня просмотрел журнал звонков, нашёл твой и Славкины СМС-ки и вспомнил о нашем договоре.

– И что?

– Думаю, в ближайшее время буду занят. Ты же понимаешь... В общем, я не могу надолго оставлять Арину одну... Скажи Славике, что вылазка не отменяется, а переносится! Мы обязательно пойдём с ним на лыжах, но позже...

– Когда закончится зима?

– А ты злая, Лиз!

Лиза не ответила, отключила телефон. Игорь не перезвонил.

Через двое суток интенсивного лечения Славик пошёл на поправку. Лиза всё время была с сыном. Придумала историю

со срочной командировкой Игоря в Чехию. Заверила, что папа очень переживает о том, что сорвалась вылазка. Что они обязательно вместе поедут в лес и вообще, попутешествуют. Славик поверил, отогрелся душой.

Она читала ему смешные истории, играла с ним в морской бой, разгадывала кроссворды. Всё необходимое им привозили девчонки и Тимофей, которого Лиза представила сыну как своего друга. Тимофей был заботливым и внимательным. Он так смотрел на Лизу! Кажется, Славик начинал о чём-то догадываться. Уже перед самой выпиской из больницы, засыпая, он спросил мать:

– Тимофей тебя любит?

Вопрос застал врасплох, но соврать ребёнку она не смогла.

– Он очень любит меня и тебя, сынок. Ты же не будешь возражать, если мы будем жить вместе?

– Значит, папа не вернётся?

– Нет, Чижик, не вернётся, – она нежно взъерошила сыну волосы, крепко прижала к себе.

– У него другая семья, но он тебя любит так же сильно, как и я. Больше всего на свете. Только живёт не с нами. Ну, и что? Сейчас так многие живут. Когда он вернётся из командировки, он сразу придёт к тебе, или ты пойдёшь к нему в гости. Как захочешь, так и будет. Вот увидишь!

– А ты не будешь любить Тимофея больше, чем меня? – осторожно спросил Славик, прижимаясь своим исхудавшим тельцем к матери.

– Солнышко моё, я просто никого не смогу любить больше, чем тебя. Понимаешь? – она нежно поцеловала сына.

Немного помолчав, прислушиваясь к стуку сердца матери, Славик тихо произнёс:

– И я больше никого не смогу любить больше, чем тебя.

Лиза улыбнулась, ещё крепче обнимая своё сокровище.

Немного помолчав, Славик добавил:

– И папы.

Новый год встречали вместе – Лиза, Тимофей и Славик. Перед самым боем курантов Лиза специально вывела сына во двор, чтобы посмотреть в небо и загадать желание, пока Тимофей подготовится к вручению подарков. Когда они вернулись,

под ёлкой Славик нашёл инструкцию к компьютеру, от которой стрелками был указан путь дальнейшего следования. Немного попетляв по квартире, мальчик забежал в свою комнату, где Тимофей устанавливал навороченный «Apple» последнего поколения. А рядом с монитором стояла плетёная корзина, из которой забавно жмурясь, выглядывала сонная мордочка белого щенка, который со временем должен был вырасти в точную копию того могучего, умного пса по кличке Магnum из придуманного Лизой сна.

– С Новым годом, сынок! – Лиза обняла и поцеловала сына.

– С Новым годом, герой! – Тимофей легко поднял мальчика и, подняв над головой, поставил на пол.

– Принимай подарки!

– Спасибо! – Радости ребёнка не было предела. Он то суетился возле своего «компа», то тискал и подкармливал Магnumа, пытаясь немедленно дать щенку первые уроки дрессуры. А тот так и норовил спрятаться под кроватью.

Наотрез отказавшись от продолжения праздничного застолья, Славик остался в своей комнате наслаждаться подарками.

Потом, далеко за полночь, когда компьютер был «с боем» выключен, а Магnum мирно посапывал в своей корзине – рядом с кроватью Славика, Лиза и Тимофей зашли пожелать мальчику доброй ночи. Обняв сына, она нежно прошептала:

– Видишь, Чижик, под Новый год что ни пожелаешь, всё сбывается. Ведь всё, чего ты хотел – сбылось?

– Угу, – соврал Славик и крепко прижался к матери.

– Мамочка моя! Ты самая лучшая!

Он решил не говорить ей, ЧТО ОН НА САМОМ ДЕЛЕ ЗАГАДАЛ этой ночью, изо всей силы вглядываясь в новогоднее звёздное небо.

ПЕРЕД ПАСХОЙ

*Посвящается светлой памяти моей бабушки.
«Се, стою у двери и стучу:
если кто услышит голос Мой
и отворит дверь, войду к нему,
и буду вечерять с ним,
и он со Мною».
(Откр. 3:20)*

Перед самой Пасхой вспомнилось Клавдии Павловне, как однажды хлопотала она на маленькой жаркой кухоньке. В тот год ей исполнилось тридцать, а выглядела не старше, чем на двадцать пять – невысокого роста, тоненькая, как тростинка, синеглазая, с длинной косой, плотно заплетённой и уложенной вокруг головы в виде короны. Непослушные, воронова крыла завитки лёгким кружевом ниспадали из-под белой косынки на высокий лоб, нитка коралловых бус обвивала высокую, тонкую шею.

Накануне праздника, с ночи, замесила тесто и, пока оно набирало силу, готовила творожную и ливерную начинку для пирожков, красила яйца и отглаживала праздничную одежду к заутрене детям и себе. Спать не ложилась. Куда там! Разве всю работу переделаешь – когда одна с тремя маленьким детьми, без мужа и вообще без какой-либо помощи. И дома, и на трёх своих работах нужно успеть, чтобы прокормить всех, одеть, обусть. Ведь дети растут.

Муж ушёл воевать с первым призывом. До конца не успев осознать происходящее, в самом начале войны получила она похоронку – «исполняя воинский долг, пал смертью храбрых при форсировании реки Днепр».

Наплакавшись, с ненавистным треугольником пошла к гадалке, так хотелось верить, что это – ошибка, что Юра жив. Ведь бывали случаи, что там, на войне, путали фамилии и имена и ошибочно присылали похоронки на живых.

Гадалка долго и тщательно раскладывала карты, затем произносила какие-то заклинания, производила над похоронкой

пассы руками, входила в транс, а потом, выйдя из него, твёрдо заявила, что действительно, солдат жив, но в настоящее время находится в госпитале или плену, домой обязательно вернётся, когда будет опадать листва – значит, ждать нужно осенью. А Клавдия ждала каждый день, каждый час, каждую минуту...

В первый послевоенный год жила с детьми очень бедно, впрочем, как и все вокруг. Но к Пасхе, отказывая себе во всём, начала готовиться задолго до праздника, считая её одним из самых главных праздников в году. На маленьком кухонном столике в холодных сенцах ждали своего часа кружочек кровяной колбаски, наваристый борщ, узвар, пшённая каша в чугунном казанке, небольшой кусочек свиного сала, бережно завернутый в белое холщёвое полотенце, и три разноцветных леденцовых петушка на палочках – подарки сыну Володе и двум доченькам – погодкам Валюше и Любочке. Ей так хотелось побаловать детей вкусной едой, наконец-то накормить их досыта, а ещё – дать почувствовать огромную радость воскресения Мессии, присутствие Бога в каждом хорошем деле, в каждом добром намерении, ощутить возможность чуда, невзирая на все проблемы и тяготы жизни.

Хлопоча у плиты, она и не заметила, как начало светать. А за окном ей уже приветливо помахивала ветками яблонька, пробудившаяся от зимнего оцепенения. Кошка Багира шелковистой лапкой настойчиво умывала сонные глаза, чтобы не «прозевать» чего-нибудь вкусенького.

В тесной, побеленной известью кухне «впритирку» расположились выкрашенные голубой краской стол-тумба и два табурета, а напротив – плита с весело пляшущими внутри яркими огоньками пламени, просвечивающимися через неплотно закрытую дверцу.

На Клавдии довоенная белоснежная блузка с кружевным круглым воротничком и коротким рукавом-фонариком, зелёная юбка в крупную чёрную клетку, поверх – пёстрый ситцевый фартук. Её крепкие, присыпанные мукой ладошки, как две юркие рыбки, окунаются в блюдо с растопленным маслом, затем ловко и бережно управляют с тестом, раскатывая и разминая его на большой отшлифованной деревянной доске. Когда тесто из неоформленной рыхлой массы превращается

в желтоватую пластичную субстанцию, напоминающую гибкое человеческое тело, и начинает дышать и расти, Клавдия формирует из него шарики – колобки, раскладывает их в смазанные маслом формочки и осторожно, перекрестившись, отправляет в духовку, после чего аккуратно притворяет заслонку. Колобков получилось четыре. Три – по возрасту детей: один маленький, для Любочки, средний – для Валюши и чуть побольше – для девятилетнего Володи. И ещё один, немножко больше Володиного. Из него получится семейный кулич. После освящения Клавдия отрежет от него по кусочку детям и себе, они разговееются, а оставшуюся часть оставят на следующее воскресенье, чтобы помянуть родных и близких.

А сейчас – не дай Бог, стукнуть или грюкнуть – тесто сядет, тогда все старания – насмарку.

Дети спят в соседней комнате. Клавдии хочется, чтобы они спали подольше, пока она управится с куличами. Ведь это особое тесто – оно не любит шума, возни, сквозняков, даже плохих или унылых мыслей не любит. Ещё в детстве от своей прабабушки она слышала, что, перед тем, как начать стряпать куличи, нужно тщательно помыться, причесаться, нарядно одеться, потом попросить у Господа благословения и всё время, пока печёшь, думать о чём-то светлом и радостном. Только в этом случае тесто получается лёгким, пышным и приобретает огромную жизненную силу, которая передаётся хорошим людям во время праздничных пасхальных застолий. Преисполненная важностью происходящего, Клавдия старалась даже утишить биение сердца. Затем, усадив куличи в печь и убедившись, что всё сделано правильно, она осторожно присела на край табурета, расправила фартук на коленях, вздохнула с облегчением и трижды, для верности, перекрестила разгорячённую печь, а затем и себя.

Приняв ценный груз, печь важно, низко загудела, давая понять хозяйке, что волноваться не стоит, что всё получится, как нужно.

Под ликующий перезвон церковных колоколов, зовущих народ в Храм, Клавдия завершала последние приготовления к выходу, рядом вертелись недавно проснувшиеся дети – уже умытые, причёсанные, празднично одетые. Из почти «ненадѣ-

ванной» сорочки мужа она сшила белую рубашечку для Володи и кофточки с рюшиками для девочек. Поглядывая на детей, с гордостью думала: «Мои – самые красивые». А грустные мысли не впускала в голову.

Резкий стук нарушил семейную идиллию. Клавдия вздрогнула от неожиданности: быстрый, удивлённый синий взгляд на дверь, взметнувшаяся вверх крутая чёрная бровь. Сердце замерло в ожидании чуда. А вдруг это Юра с войны вернулся?!

Затаив дыхание еле слышно произнесла:

– Входите, открыто.

Дверь открылась. На пороге стоял высокий худощавый мужчина в просторной одежде и с холщёвой сумкой через плечо. Таких много тогда ходило по дорогам. Война разрушила не только дома, но и жизни, и души. Иногда среди них встречались и те, кто грабил, убивал, насиловал...

Длинные, неопределённого цвета волосы и вровень им борода скрывали большую часть лица, поэтому возраст пришельца сразу определить было невозможно. В светло-голубых глазах читались усталость, голод и одиночество. Тонкая рука с длинными пальцами покоилась на дорожном посохе.

– Христос Воскрес, хозяйюшка, – почти беззвучно трижды произнёс он.

– Воистину Воскрес! – подавив испуг и удивление, трижды сдавленно ответила Клавдия, крепко прижимая к себе рядом стоящих детей. Резко освободившись от материнских объятий, Володя сделал шаг вперёд, давая понять незваному гостю, что в доме есть мужчина, который будет защищать свой дом, свою мать, своих малолетних сестёр.

– Не бойтесь меня, пожалуйста, – в облике мужчины не было агрессии. Он понял, что здорово напугал хозяйку и её детей, и старался говорить как можно мягче. – Я иду издалека. Устал, замёрз, проголодался – три дня ничего не ел. Не хватает сил дойти к Храму. Помогите, чем можете.

Клавдия, ещё крепче прижимая одной рукой дочек, второй – привлекая к себе сына, огляделась по сторонам. Взгляд упал на стол, на котором в утреннем солнечном сиянии, струящемся из занавешенного окна, стояло всё, что было припасено и приготовлено к празднику. А в центре этого великолепия – на

белом вышитом рушнике, торжественно возвышались наполненные её любовью и огромной жизненной силой румяные куличи. Один – самый высокий – семейный, в белоснежной белковой шапочке, присыпанной разноцветным крашеным пшеном. С ним она собиралась идти в Храм, и три – поменьше, тоже красивые, ровные, тоже в белоснежных, как альпийские снега, белковых шапочках. Только Володин – присыпан синим пшеном, Валюшкин – розовым, а Любочкин – ярко зелёным. Сердце на секунду дало сбой, затем, кажется, остановилось, в ушах прозвенела тишина. Она посмотрела в вопросительно-испуганные, поднятые на неё глаза детей, потом в спокойные, пронзающие лучом, глаза мужчины...

Как во сне подошла к столу, достала большой кухонный нож из бокового ящичка стола и... аккуратно разрешила семейный кулич почти напополам. Большую часть положила на чистое полотенце. Туда же отправились сваренное в луковой шелухе терракотовое яйцо, кусочек сала, два пирожка и кусочек умопомрачительно пахнущей кровяной колбаски. Как сквозь сон услышала, как голодные дети громко сглотнули резко накопившуюся слюну. В эту минуту она старалась не смотреть на них. Всё собранное богатство аккуратно завернула в полотенце и без сожаления отдала путнику. Затем, вернулась к столу, чтобы налить узвара в большую алюминиевую кружку. Когда обернулась – мужчины уже в доме не было. Вышла на крыльцо – никого. Даже Володя не мог понять, куда он делся...

Тот год оказался самым счастливым послевоенным годом для Клавдии и её детей. Ведь не обманула гадалка – в первых числах сентября вернулся муж, а месяцем раньше почти рядом с домом, где они жили, открыли детский сад, куда она определила Валюшку и Любочку, а чуть позже – туда же устроилась воспитателем и сама.

В тот год Володя впервые получил грамоту за успехи в учёбе, а на маленьком огорожке за домом они собрали небывалый урожай картошки... Всю зиму ели сами, ещё и соседей периодически выручали...

Погрузившись в воспоминания, девяностолетняя Клавдия Павловна вновь и вновь переживала события незабываемого первого послевоенного года. Кто был тот мужчина, постучав-

шийся ранним Пасхальным утром в её дверь? Просто путник или ...?

Однажды, много лет назад, она услышала поверье, что перед Пасхой сам Господь спускается на Землю и в разных обликах ходит среди людей, одаривая их своей благодатью.

Может, и в её дверь тогда постучался именно он?

Иначе, чем тогда объяснить те хорошие перемены, происшедшие в жизни её семьи после прихода путника? И тот, вдруг оживший, неиссякаемый источник любви, каждый день наполняющий её сердце, несмотря на все, выпавшие на её длинном жизненном пути, трудности и невзгоды? Любви, сметающей на своём пути все преграды, любви, дающей силы жить и верить, радоваться каждому дню, творить добро и, конечно (Клавдия Павловна загадочно улыбнулась своим мыслям), – любви, от которой, рождаются такие родные, такие бесценные и неповторимые малыши.

Этой великой любовью она заботливо окутывала своё семейство, бескорыстно делилась с окружающими и, как бесценный клад, передала по наследству своим детям, внукам, правнукам...

Шум и возня в прихожей отвлекли её от нахлынувших воспоминаний. Она с интересом посмотрела в сторону открывающейся двери и тут же радостно подалась навстречу правнучке Сашеньке, только что приехавшей с детьми и мужем по давно заведенной семейной традиции, встречать светлый праздник Пасхи в родовом гнезде.

– Христос Воскрес, бабулечка!

– Воистину Воскрес, дитя моё! – ласково обняла Клавдия своё сокровище, нежно прижавшись сердцем к любимой щеке.

ГОД КОШКИ

Приближался Новый год. Исходя из китайского календаря двенадцатилетнего животного цикла, его хозяином должен быть не Кролик, а Кот, вернее не Кот, а Белая Металлическая Кошка. Народу хотелось верить, что мифическое животное принесёт достаток и уют в каждый дом, гармонизирует отношения в семьях, каждому «намурлычет» счастье, здоровье, любовь.

Инга давно перестала верить в эту предновогоднюю чушь и с нескрываемой иронией наблюдала, как вполне солидные люди (не говоря уже о студентах и школьниках), толпились у прилавков магазинов и киосков, заставленных сувенирными котами и кошками всех мастей и пород. Наконец, став обладателями нескольких таких экземпляров, с облегчением вздохнули, свято веря, что талисманы весь год будут оберегать их самих, а так же родных и близких от всех жизненных перипетий.

Взрослая дочь Инги так же самозабвенно придерживалась рекомендаций китайских астрологов, и вот сейчас, предпоследним в старом году декабрьским утром, смачно прихлёбывая ароматный чай вприкуску с горячими тостами, пыталась просветить мать:

– Ты знаешь, мам, есть интересная легенда о возникновении китайского календаря. Ей более четырёх тысяч лет. Вот послушай: «Однажды Будда пригласил к себе всех животных, которые только захотят прийти. Пришли далеко не все звери: время стояло холодное, а чтобы попасть к Будде, нужно было переплыть широкую реку. Каждому из пришедших в порядке живой очереди Будда подарил по одному году правления. Первой пришла мышь путём обмана, конечно. Во время заплыва она незаметно заползла по хвосту буйвола к нему на спину и он, сам того не ведая, перевёз хитрюгу на противоположный берег. Как только буйвол вышел из воды, мышка спрыгнула на землю и изо всех сил завопила: «Я первая, я первая!» И была так убедительна, что никто не заподозрил обмана. Поэтому ей и достался первый год двенадцатилетнего цикла. Так она была вознаграждена за оперативность и умение пользоваться обстоятельствами. Буйвол оказался в очереди вторым, чуть-чуть от

него отстал Тигр, которому достался третий год.

Болельщики, увлечённые соревнованием между Буйволом и Тигром (они с тех пор и в жизни соревнуются друг с другом), толком не рассмотрели, кто пришёл четвёртым – Кот, Заяц или Кролик. За давностью лет истину установить невозможно, и у разных восточных народов так и осталось разночтение относительно хозяина четвёртого года. Однако, – Надюшка смешно скосила глаза влево, готовясь приврать, – доподлинно известно, что этот год несёт в себе уют, дипломатичность, гостеприимство и теплоту. Как известно, кошка – что ни говори, самое домашнее животное на свете. Поэтому год будет способствовать покупке новых домов и квартир, а также созданию новых семей и укреплению семейных уз, в уже существующих.

– Хотелось бы верить, – иронично заметила Инга, невольно переводя ход мыслей дочери с пересказа легенды к реалиям сегодняшнего дня.

– Мамуль, а какое желание ты загадаешь под бой курантов?

– Чтобы вся наша семья весь год была здорова и счастлива. И ещё, чтобы ты в этом году поступила в аспирантуру.

– Нет, неправильно. Нужно загадать что-то важное именно для себя. Написать желание на листе бумаги, а когда начнут бить куранты, поджечь её (как ты же понимаешь, листик должен быть маленьким и тонким, чтобы успел сгореть до окончания боя), высыпать пепел в бокал с шампанским и быстро выпить. Если успеешь всё завершить с последним ударом курантов – желание обязательно сбудется.

– Точно сбудется? Ты обещаешь? – шутливо спросила Инга, подливая в белую чашку дочери новую порцию янтарного, дивно пахнущего чая.

– Обещаю, – твёрдо и многозначительно ответила Надюшка, с удовольствием хрустнув румяным тостом. – «Кошка нас не подведёт»!

Женщины весело расхохотались.

– Ну, и придумщица ты у меня! А сама что загадаешь? – Инга с еле уловимой доброй иронией и нежностью, посмотрела на дочь.

– А ведь Надюшка стала красавицей! – Она невольно залюбовалась своей «малышкой». Высокий лоб в обрамлении

густой тёмно-русой чёлки, аркой спускающейся к нежным розоватым мочкам изящных ушек, миндалевидный разрез искрящихся зеленовато-карих глаз, красиво очерченные губы, прямой узкий нос, придающий лицу благородство и утончённость. Как она стала похожа на молодого Костю, – она подавила невольный вздох. – Правда, ушки мои, – уголками губ улыбнулась своему наблюдению.

А вот наш первенец Гоша – вообще ни на кого не похож: глубокие серые глаза, густые смолянисто-чёрные ресницы и брови, большой нос с горбинкой, высокая, гибкая, чуть сутулая фигура. Костя, шутя, часто называл его грузинским князем Георгием. И так же, в шутку, спрашивал меня, кто на самом деле настоящий отец ребёнка? А я по-настоящему обижалась на мужа, иногда даже плакала. Он тут же принимался утешать меня, извиняться, а потом, спустя время, опять так же глупо шутил. Видимо, ему доставляла удовольствие эта глупая игра. Ведь он прекрасно знал, как я его люблю и, думаю, не сомневался, что для меня других мужчин, кроме него, вообще не существует.

– Мама, ты меня слушаешь? – захваченная врасплох среди своих размышлений, Инга вздрогнула от неожиданности.

– Конечно, слушаю, – она внимательно посмотрела на дочь. – Но ведь ты сама так ничего и не сказала о своём заветном желании.

– Нельзя говорить, а то не сбудется.

– А зачем же ты у меня выпытывала?

– Понимаешь, мамуль, твои мысли нужно направить в нужное русло. Ну, чтобы ты решила, чего ты больше всего хочешь для себя... не для всех нас, а только для себя! – сказала Надюшка многозначительно и нарочито серьёзно. А затем, допив одним глотком остывающий чай, порывисто поднялась из-за стола.

– Ну, всё. Я побежала. Куча дел! Спасибо за завтрак. Со звонимся завтра, ближе к обеду. А у тебя есть время подумать и определиться – чего же ты всё-таки хочешь лично для себя?! – она с особым ударением произнесла «лично» и «для себя» и, на прощанье, чмокнув мать в щёчку, стремительно направилась в прихожую.

– А, и в самом деле, чего я больше всего хочу для себя?

Проводив дочь, она задумчиво присела к столу, подперев рукой подбородок.

– По большому счёту, у меня есть всё. Прежде всего – дети. Умные, красивые, талантливые. Взрослые, в конце-концов. Гоша – замечательный детский хирург. Надюшка – педагог от Бога, без пяти минут аспирантка, потом – кандидат наук. С её способностями и пробивной силой и до докторантуры недалеко. Зять, невестка, внук и внучка – это тоже мои дети, любимые и неповторимые.

Потом, у меня есть дом. Пусть это всего лишь трёхкомнатная квартира, в обычной «сталинке», но для меня и детей это – очаг, у которого всем членам семьи тепло и уютно.

Глубоко вздохнув, отпила глоток успевшего остыть чая. Воспоминания накатили неудержимым потоком.

– Какая же я была молодая и счастливая, когда Костя впервые меня сюда привёл! Нам было по двадцать, и этот дом стал нашим первым и единственным ковчегом. Думаю, стены всё помнят и, как всегда, помогают... Они, конечно, не забыли то светлое, солнечное майское утро, когда я провожала Костю в экспедицию, и уже загадывала, как мы отпразднуем встречу. Даже пошила себе новое шифоновое платье по случаю – светло-зеленое, с разбросанными букетиками полевых цветов по фону. И, конечно, помнят тот страшный, чёрный, дождливый вечер, когда я узнала о его трагической смерти...

Погиб он неожиданно и нелепо.

Раскопки древнего поселения в Крыму проходили успешно. Было много интересных находок, экспедиция работала почти без выходных. Костя, как обычно, выкладывался по «полной», всё время был «на подъёме». Но, даже энтузиазм настоящих фанатов своего дела не мог устоять перед изнуряющей жарой. Как потом рассказывали ребята, чтобы немного отдохнуть, расслабиться, Костя предложил устроить пикник на природе – с бараньими шашлыками и ухой из свежельовленных бычков. Сам занялся шашлыками. И, когда замоченное в сухом, красном вине и нанизанное на шампуры, вперемешку с сочными, крымскими помидорами, жёлтым перцем и фиолетовым луком парное мясо покрылось румяной корочкой, и запахло так остро ипряно, что можно было захлебнуться слюной, Костя

снижал большие, дымящиеся куски на металлическое блюдо и плотно прикрыл их свежими петрушкой, базиликом и кинзой. Воспользовавшись небольшой паузой перед началом пиршества, решил по-быстрому окунуться в море. Компанию ему составил аспирант Паша. Оба с разбега нырнули в прохладные волны прибоя...

Когда Паша вынырнул, Кости рядом не было, не вынырнул он и через несколько минут. Паша заволновался, бессчётно нырял, пытаясь найти шефа под водой... затем позвал ребят, к нему присоединилась вся экспедиция, но всё напрасно... Тело Кости спустя три дня нашли недалеко от берега рыбаки соседнего посёлка... Острая сердечная недостаточность... Просто остановилось сердце. Под водой. Врачи говорили, что произошёл спазм коронарных сосудов сердца от резкого перепада температур.

Инга смахнула слёзы, навернувшиеся на глаза, и в очередной раз ощутила острую, нестерпимую боль от утраты любимого человека, подарившего ей так много звенящего счастья, трепетной нежности и душевного тепла.

– Однако ж, нельзя забывать, что у меня осталась любимая работа, я там востребована на все 100! – спустя время, она глубоко вздохнула, в очередной раз закрывая дверь в безвозвратно ушедшее прошлое. – Благодаря реформе – на пенсию ещё не скоро. Да и вообще, о какой пенсии может идти речь? – она попыталась настроиться на реалии сегодняшнего дня. – В душе я моложе многих своих студентов, – подошла к зеркалу и грациозно поправила причёску – аккуратное каре тёмно-каштанового цвета. Со всех сторон внимательно осмотрев себя, приветливо улыбнулась своему отражению: – молодая, красивая, обеспеченная женщина. Что ещё нужно?

– Но... – одинокая... – противно констатировал внутренний голос.

– «Независимая», – тут же парировала в ответ. – И – «свободная»!

По инерции взглянула на старинные настенные часы, считающиеся семейной реликвией. Их приобрёл кто – то из родственников мужа около двухсот лет назад. С тех пор часы передавались по наследству от отца к сыну, как гарант крепости

рода. Инга дорожила реликвией и планировала в ближайшее время торжественно передать её сыну Гоше.

До лекции оставалось чуть больше часа. Чтобы не опоздать, женщина решила изменить своей привычке – ходить пешком, собралась без спешки и вызвала такси.

Выйдя на площадку и закрыв дверь на ключ, она уже готова была сбежать по лестнице вниз, но остановилась, как вкопанная. Навстречу ей спокойно, с поразительной наглостью поднималось усатое чудовище – огромная, облезлая серо-чёрная кошка с невероятно-оранжевыми, почти красными немигающими глазами и грубо оборванными кончиками чёрных ушей.

Здесь нужно отметить, что Инга с детства не любила и побаивалась кошек. В пятилетнем возрасте она опрометчиво попыталась достать из коробки новорожденных котят, за что была изрядно поцарапана и напугана возмущённой кошкой Нюсей. С тех пор она старалась избегать любого взаимодействия с кошками, испытывая к ним откровенную неприязнь.

– А-а-а... – тонко взвизгнула Инга и, вжавшись в закрытую дверь, замахнулась на кошку сумкой. Та ошетибилась, сгорбилась и угрожающе зашипела, не двигаясь с места. Женщина ещё раз замахнулась, закрыв от страха глаза, и приготовилась к самому худшему. Но кошка, сохраняя невозмутимость, нагло расселась на верхней ступеньке и зловеще уставилась на Ингу своими глазищами. Женщину такое положение дел совсем не устраивало, ведь она спешила на работу.

– Пошла вон! – собравшись с духом, отчаянно крикнула она, и швырнула сумку в красноглазую морду. Кошка, оглядываясь, неохотно сошла вниз. Инга быстро подняла сумку и с опаской начала спускаться по лестнице, где у подъезда её уже ждало такси. Но, как назло, на площадке между первым и вторым этажом кошка заняла оборонительную позицию.

– Мама-а-а! – Инга стрелой взлетела на третий этаж.

Из окна были хорошо видны серебристый «Шевроле» и пожилой водитель. Он, в ожидании пассажира, вышел из машины и сосредоточено осматривал колёса своего авто. Инга должна была срочно решить, как вырваться из неожиданного плена. Раздумывать было некогда. Она достала из сумки мобильный и, не выпуская из поля зрения нижний лестничный

пролёт, набрала номер оператора такси. В это время широкая, немигающая морда, с обгрызанными ушами снова появилась в лестничном пролёте и медленно, с поразительной невозмутимостью стала двигаться вверх. Не раздумывая, Инга легко вскочила на невысокий подоконник и изо всех сил прокричала в открытую форточку:

– Водитель!

Через минуту она была спасена, хотя шофёр, честно говоря, так и не понял, от кого. Кошки он не видел, та словно сквозь землю провалилась. Однако, за долгие годы, проведённые за баранкой, он привык к странностям пассажиров, сохранял невозмутимость и противно, еле слышно, насвистывал себе под нос что-то отдалённо знакомое. Инга раздражённо попросила прекратить свист. Он тут же прекратил и, видимо проникнувшись неординарностью случая, тактично хранил молчание весь оставшийся путь к университету.

Женщина сгорала со стыда, отчётливо понимая, что она – взрослая тётка, мать семейства, доцент кафедры, с тридцатилетним стажем педагогической работы и, наконец, многоопытная бабушка, так оплошала. Фактически – испугалась кошки! Это не поддаётся никакому анализу и даже не смешно! Да в это никто и не поверит! (Но воспоминания об инциденте всё ещё приводили её в ужас и вызывали мелкую внутреннюю дрожь).

Немного успокоившись, впервые за много лет она вдруг остро почувствовала себя очень беззащитной, слабой и маленькой. И ей так захотелось заплакать, уткнувшись в чьё-то крепкое плечо, ощутить хоть каплю любви, сопереживания, защищённости. Но ничего такого судьба по каким-то неведомым причинам ей не приготовила. Она краем глаза покосилась на спокойное, словно высеченное из мрамора, лицо водителя и с раздражением передёрнув плечами, подумала: «Может, он манекен»? И, не найдя ответа, печально посмотрела в окно.

А на улице, за окном лёгкие снежинки кружились в предпраздничных хороводах. Народ толпился у торговых лотков и, напоминая ожившие пёстрые полотна художников – импрессионистов, сновал по расчищенным тротуарам улиц. Витрины магазинов наперебой красовались украшенными на все лады, новогодними ёлками, Дедами Морозами и другими, соответствующими Ново-

му году атрибутами. Предпраздничная, суетливая, яркая жизнь проплывала мимо. Чтобы не разрыдаться прямо в такси, она воспользовалась не раз выручавшим её, испытанным средством:

– Господи, помоги! Господи, помоги! Дай мне силы не разреветься! Укрепи меня! Сохрани меня!, – а потом: – Отче наш, иже еси на небесах, да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя... – не уставая вновь и вновь повторять простые слова молитвы, всем сердцем взывала она к Богу, обретая с молитвой силу, покой и утешение.

Не прошло и десяти минут, как автомобиль затормозил на университетской парковке. Она сдержанно поблагодарила водителя и, расплатившись, проследовала к центральному входу. Твёрдой поступью без опоздания вошла в лекционный зал. И теперь ни одна живая душа не смогла бы узнать в спокойной, строгой преподавательнице, со знанием дела твёрдым голосом излагающей основы Римского права ту, другую, маленькую и беззащитную девочку, до дрожи в коленях испугавшуюся голодной бродячей кошки, искренне взывающей к помощи Бога всего двадцать минут назад.

Домой вернулась к вечеру, уставшая и разбитая. Опасаясь новой встречи с кошкой, полчаса «бодро» мёрзла на снегу во дворе, дожидаясь кого-то из соседей, чтобы с ними войти в подъезд. Затем, «под прикрытием» ничего не подозревающего соседа Алика, бросила тоскливый взгляд на пустой подоконник и прилегающую к нему территорию между вторым и третьим этажом, где утром она, скорее всего, оставила свой новенький iPhone.

Дом встретил звенящей тишиной и дискомфортом замкнутого пространства.

– Неужели мобильник настолько важен человеку, что лишившись его, тут же начинаешь ощущать себя потерявшейся в пространстве и во времени, буквально вырванной из жизни? – Инга обречённо опустила на диван.

– Как мы раньше обходились без него?.. И как ХОРОШО мы обходились без него! – попыталась она себя успокоить, листая старую записную книжку и помечая там нужные фамилии и номера телефонов. Пролистав всю, она с сожалением поняла, что та действительно безнадежно устарела, сохранилось всего только пять нужных номеров!

– Но ведь завтра Новый год! Ко мне же никто не сможет дозвониться! А мне как быть с поздравлениями? Самые важные номера у меня в мобилке... Конечно, кое-кого я смогу поздравить с помощью рассылки компьютера, но ведь в целом – это не решает проблему! Что же делать? Что делать? – мысли с бешеной скоростью пролетали в голове.

– Скорее всего, телефон мне никто не вернёт. Если б его кто-то нашёл из соседей, то по фоткам сразу бы догадались – кто хозяин и уже, наверное, вернули. Значит, его нашёл кто-то чужой. А, может, не все сильны в технике, кто-то не может пользоваться сенсором? – версии пчелиным роем клубились у неё в голове.

Вдруг её осенило. Она быстро нашла фломастеры, на формате А-4 красным цветом в нескольких экземплярах написала поздравления с наступающим Новым годом для соседей, а внизу – большими буквами – свою огромную просьбу – вернуть телефон хозяйке, если кто-то нашёл его сегодня утром между вторым и третьим этажом. Ниже она указала все параметры iPhone, включая цвет и дату выпуска.

Естественно, тому, кто вернёт пропажу, было обещано достойное материальное вознаграждение. Затем осторожно, опасаясь новой встречи с кошкой, оглядываясь по сторонам, она быстро расклеила объявления на всех этажах и только после этого почувствовала облегчение. Легла на диван, зябко закуталась в клетчатый плед, включила телевизор и стала ждать...

Вечер и утро прошли без новостей. Смирившись с обстоятельствами, она старалась не думать о телефоне, настроившись на предновогоднюю волну, занялась приготовлением праздничных блюд и уборкой квартиры.

Ближе к обеду в дверь позвонили. Это был новый сосед с четвёртого этажа. Нынешним летом и осенью они иногда встречались по утрам в сквере, расположенном недалеко от дома. Он выгуливал свою любимицу – спаниэльку по кличке Черри, а Инга – совершала утренние пробежки.

– Добрый день, Инга Юрьевна, – слегка смутившись, поздоровался сосед. С наступающим, Вас!... Войти можно?

– Конечно, конечно, – Инга с надеждой взглянула на гостя, приглашая его в дом.

– Я, собственно, по поводу вашей пропажи... Вы нашли мобилку?

– Нет, – с сожалением ответила Инга, в глубине души надеясь, что Олег Николаевич сейчас вытащит из кармана потерянный телефон, но сосед не спешил, словно решаясь на что-то. Пауза затянулась.

– Наверное, Вы нашли его? – Инге хотелось верить в чудо.

– В некотором роде, да.

– Это как понять «в некотором роде»? – она насторожилась. Что-то не нравилось ей в неопределённости соседа.

– Вот, жук! – быстро пронеслось в голове. – Наверное, не может определиться с размером вознаграждения. Сейчас как запросит сумму в стоимость iPhone, воспользовавшись, что «на носу» Новый год и телефон в такое время – предмет первой необходимости.

Однако Олег Николаевич, как-то смущаясь, достал из внутреннего кармана куртки пропажу и протянул Инге.

– Ваш?

– Мой! Конечно, – мой! – от сердца отлегло, васильковые глаза вспыхнули ликующим блеском.

– Спасибо, – она с любовью прижала телефон к груди. – Ещё раз – спасибо! Вы же понимаете, какую ценность теперь имеет мобилка! – она с нежностью посмотрела на дисплей и, словно спохватившись, перевела благодарный взгляд на Олега Николаевича:

– Что я Вам должна?

– Включите телефон.

– Конечно... – она нажала кнопку включения. Засветился дисплей.

– Ой, ... это не мой... – разочарованию не было предела.

– Это теперь Ваш, вернее мой, мой подарок Вам, Инга, к Новому году. Считайте это нелепым предложением дружбы.

Женщина, потеряв дар речи, с нескрываемым удивлением смотрела на Олега Николаевича.

– Инга, Вы мне давно нравитесь... кх... кх... сразу, как только я Вас увидел, – после небольшой паузы неожиданно произнёс сосед, смущаясь и потирая аккуратно подстриженные, слегка тронутые сединой, тёмные усы. – Я знаю, что много

лет назад Ваш муж трагически погиб на раскопках и с тех пор Вы одна.

– Что? – она не ожидала такого поворота и, как клинком, полосонула соседа взглядом.

– Кх... Кх... Я имею в виду – замуж не вышли. – Откашлявшись, он шумно набрал воздух в лёгкие, вытер широким жестом испарину на лбу:

– Я тоже вдовец. Моя жена много лет серьёзно болела, а в позапрошлом году её не стало. Мне одному было тяжело жить в большом доме, где всё напоминало о ней. Спустя год дом я продал, купил квартиру и таким образом стал вашим соседом. Вчера вечером, когда мы с Черри возвращались с прогулки, я увидел ваши объявления и, извините, глупо решил воспользоваться шансом – познакомиться поближе. Сегодня утром мне посчастливилось в «Фокстроте» найти точную копию вашего телефона (судя по описанию), коробку с документами я сейчас принесу.

– Однако... – резко побледнев, еле слышно произнесла Инга, протягивая мобилку Олегу Николаевичу, – как Вы правильно заметили, то, что Вы решили, мягко говоря, выглядит довольно глупо. Олег Николаевич, Вы, наверное, не поняли, что мне нужен мой телефон, а не утешительный приз. К тому же, хочу заметить, что iPhone – весьма недешёвая вещь, такой подарок я не могу принять от незнакомого мужчины, пусть даже соседа, и даже с учётом ваших благих намерений. Да и в чём он мне поможет без телефонной книги и моего номера. Думаю, зря я всё это придумала с объявлениями, – она вздохнула и, словно избавившись от тяжкой ноши, уже совсем другим тоном, просто и искренне сказала:

– Я, когда обнаружила пропажу, страшно расстроилась, ведь остаться без связи в канун Нового года – врагу не пожелаешь. Ничего подходящего в голову не пришло, а идея с объявлениями не сработала в силу своей абсурдности. В общем, Олег Николаевич, извините за доставленное вам беспокойство и спасибо, что хотели мне помочь. Буду Вам очень благодарна, если Вы немедленно снимете эти дурацкие объявления. Если, конечно, Вам не тяжело.

– Конечно, конечно... Собственно говоря, я снял их ещё вчера вечером. – Олег смущенно переминался с ноги на ногу,

но позицию не покидал. Инга приняла решение прервать эту затянувшуюся и неприятную ей сцену одним махом.

– Ну, тогда – тем более – спасибо. Возьмите телефон, и с наступающим, Вас, – сказала голосом, не терпящим возражений, открывая настежь входную дверь.

Олег, сбивчиво принося «тысячу извинений», машинально взял телефон и поспешил выйти.

– Вот те раз, – Инга взволнованно прижала прохладные ладошки к вдруг раскрасневшимся щекам. В душе что-то неприятно сжалось...

Олег со скорбным видом вошёл в свою квартиру. Навстречу, радостно повизгивая и виляя хвостом, выбежала Черри.

– Твой хозяин, малышка, разбит, как швед под Полтавой, – грустно произнёс он, присев на корточки и глядя в умные, карие, как крупные переспелые вишни, глаза своей любимицы. Уловив в тоне хозяина что-то неладное, Черри тут же уселась на задние лапы, склонив голову набок, и, слегка поскуливая и виляя коротким хвостом, кажется, приготовилась слушать. Однако хозяину говорить не хотелось. Ласково потрепав животное по загривку, он подошёл к окну.

А за окном царила зима. Полуденное бледное солнце серебрило облака. С вечера и всю ночь шёл снег и покрыл землю, деревья, лавочки во дворе, детскую площадку толстым, искрящимся пушистым ковром. Малейшее дуновение ветра закручивало снежную пыль в лёгком предпраздничном хороводе, замечая чёткие иероглифы птичьих следов, выписанные под окном на снегу, как на листе бумаги. На детской площадке резвились краснощёкие ребяташки. Одни безуспешно пытались из сухого снега слепить снежную бабу, другие с визгом и смехом скатывались с оледеневшей горки. Взрослые, кутаясь в воротники и шарфы, нагруженные сумками и пакетами с подарками и всякой всячиной, быстро пробежали по двору, каждый – в тепло своего домашнего очага.

– Подходящая погода для прогулки, – не без самоиронии подумал Олег. – Черри, гулять! – скомандовал он своей любимице и вышел из дома, надеясь отвлечься от грустных мыслей на свежем воздухе.

На крыльце столкнулся с двумя парнями в ярких куртках и в глубоко надвинутых спортивных шапочках, зябко прячущих лица в шарфы.

– Да, мороз крепчает, – первое, что пришло на ум, когда за ними закрылась дверь подъезда. Он поднял воротник, засунул руки глубже в карманы и направился в сторону небольшого сквера, где любил гулять с Черри.

Инга вынимала из духовки румяный пирог, когда в прихожей раздалась заливиная трель звонка.

– Наверное, Надюшка забыла ключи, – пронеслось в голове. Быстро управившись с пирогом, на ходу вытирая руки о пёстрое кухонное полотенце, она открыла дверь. На пороге стоял молодой человек и дружелюбно улыбался.

– Здравствуйте, с наступающим Вас!

– Добрый день. Чем обязана?

– Это Вы вчера потеряли мобилку? – В тоне юноши женщина уловила обнадёживающие нотки.

– Я, а что?

– Да нашёл я вчера Ваш iPhone на подоконнике. Вот пришёл за обещанным вознаграждением.

– «Сначала стулья», – пошутила Инга.

– Войти-то можно? – в тон ей ответил гость.

– Входите, конечно. Парень робко переступил порог и, не спеша, как бы испытывая терпение хозяйки, достал из кармана куртки...

Инга зажмурилась от резкой жгучей боли в глазах, поперхнувшись глотком воздуха, и погрузилась в темноту...

Мороз действительно крепчал. Черри, бодро пробежавшись по расчищенным дорожкам, зябко прижималась к ногам хозяина, погружённого в раздумья.

– Старый дурак, – думал он с горечью, вновь и вновь прокручивая в памяти разговор с Ингой. Это ж нужно быть идиотом, чтобы такое «отчебучить»! А ещё – настоящий полковник! Как кадровому офицеру спецназа, ему «посчастливилось» по-

бывать не в одном десятке горячих точек – Афганистан, Югославия, Спитак, Вьетнам, Чернобыль (это только так, для начала), но сейчас он не мог припомнить случая, когда б ему было так стыдно за решение «поставленной задачи». Вдруг неожиданно в памяти всплыли те два парня в спортивных куртках, кровь горячей волной ударила в голову. Олег резко развернулся и, не замечая колючих порывов встречного ветра, помчался к дому. Нажав на кнопку звонка он, не дожидаясь, когда откроют, толкнул дверь и сразу всё понял.

Инга без сознания лежала на полу в прихожей. Из-под волос на паркет вытекала тонкой струйкой кровь, образовав небольшую лужу.

– Инга Юрьевна, что же Вы? – не раздумывая, Олег быстро и туго стянул голову пострадавшей полотенцем, лежавшим тут же на полу, затем, бережно перенёс женщину на диван, вызвал скорую. – Сейчас, милая, сейчас... и, чтобы не тратить время на поиски, побежал домой за нашатырным спиртом.

Когда он вернулся, Инга уже пришла в себя, и с недоумением осматривалась по сторонам.

– Олег Николаевич, – спросила она, едва шевеля губами и морщась от резкой головной боли, что Вы здесь делаете? Что со мной?

– С Вами всё в порядке, – как можно оптимистичнее, с нескрываемой дрожью в голосе, глупо улыбаясь, ответил он. – Сейчас приедет «скорая», а пока мы будем её ждать, можно я с Вами посижу и введу в курс дела.

Инга не возражала.

II

Новый год она встретила на больничной койке в неврологии. Дети и внуки, символически проводив с ней старый год, разъехались по своим компаниям встречать Новый, а она лежала одна в тёмной палате и наблюдала за стремительным кружением снежинок вокруг фонаря за окном.

– Говорят, как год встретишь, так и проведёшь, – думала она с грустью. Хорошее начало, ничего не скажешь... но ведь можно же было остаться дома! Ну и что, что сотрясение мозга,

что стресс, что рана головы, что капсоцин из газового баллончика вызвал воспаление слизистой глаз?! Ведь ничего из этого не угрожает жизни! Так нет же, Надюшка и Гоша единогласно решили, что мне в больнице будет лучше! Ну конечно, они всё знают лучше! Ведь встречать Новый год на больничной койке – «замечательный Фен-Шуй», всё по китайскому гороскопу! – из жалости к себе Инга всплакнула, сиротливо свернувшись калачиком под одеялом.

– А ведь я даже и не заметила, когда решения вместо меня стали принимать повзрослевшие дети. Они почему-то решили, что лучше меня знают, как мне нужно жить и что делать, а я, преисполненная материнских чувств, немного (для порядка) поворчав, всё делаю так, как хотят они...

События сегодняшнего дня вновь и вновь всплывали в памяти:

– Мамуль, собирайся в больницу, ну что ты будешь дома одна? Мы будем волноваться, вдруг тебе станет хуже. Будешь там под наблюдением, сегодня до семи Александр Иванович дежурит, ты же знаешь, он – «светило». Посмотрит тебя, определится с лечением. Пару-тройку деньков полежишь, и «с чистой совестью на свободу», – пытался придать лёгкость разговору Гоша.

После смерти Кости сын стал главным мужчиной в её жизни, к его мнению она прислушивалась и только в крайних случаях оспаривала принятые им решения. Он рано повзрослел, в семнадцать лет взял на себя заботу об убитой горем матери и младшей сестрёнке. В то страшное лето он как раз поступил на первый курс мединститута, и Инге стоило большого труда и нервов заставить его всё-таки начать учёбу. Со свойственным молодости максимализмом он планировал устроиться в транспортное агентство водителем-дальнобойщиком и содержать семью. Такой необходимости не было, Инга получала приличную зарплату, занималась репетиторством, но Гоша не хотел ничего слушать и настаивал на своём. Понимая, что такой неожиданный поворот событий может погубить судьбу сына, благодаря своим связям, она нашла более-менее хорошо оплачиваемое место в компьютерном клубе, где он проработал три года, совмещая работу с учёбой. А с четвёртого курса и до

окончания института Гоша подрабатывал ночами в нейрохирургии областной больницы – медбратом. Ему нравилось приносить матери заработанные деньги, класть аккуратную пачку купюр перед ней на стол и слышать привычное: «Ты мой добытчик любимый!» А потом в почтительном поклоне немного склонить голову, чтоб она, как в детстве, нежно взъерошила ему волосы. При этом он даже представить себе не мог, каких душевных сил ей стоило сдержаться и не заплакать, не закричать:

– Костя, посмотри, до чего я дожилась!

Но она «держалась», а сын не догадывался.

Инга знала все его «нычки», они всегда опустошались перед праздниками, и это означало, что подарки для неё и Надюшки уже куплены и где-то спрятаны в доме в ожидании события. Он старался во всём походить на отца, которого свято помнил, любил и боготворил одновременно. Женившись сразу после окончания института, Гоша не перестал заботиться о матери и сестре, не забывал одаривать их своей нежностью и любовью, решал их бытовые, технические проблемы, поддерживал материально и нейтрализовал острые жизненные ситуации стратегически чётко, с правильной расстановкой сил, и с тонким юмором и всякими прибаутками, которых знал несчётное количество.

– Мамочка, слава Богу, что так всё хорошо закончилось, – суетилась Надюшка, когда Ингу привезли в больницу. Ты жива, и это – главное. Гоша с Александром Ивановичем договорился – будешь лежать, как королева, в отдельной палате. Там все условия. А мы завтра придём, проведем тебя, потом приберёмся в квартире. Не забывай, – нам ещё нужно встретиться с милицией. Кстати, как нам найти твоего спасителя? Он должен дать свидетельские показания. А тебе нельзя волноваться. Ну, не дуйся, пожалуйста. Ведь мы не можем тебя оставить одну в обворованной квартире без телефона, без телевизора! И к нам тебе сейчас нельзя – малыши, галдёж, возня, а тебе нужен покой.

– Да, да, конечно, вы правы. Одной, в обворованной квартире... и потом... Я совсем не хочу испортить вам праздник...

– Да при чём тут «испортить»? Просто мы о тебе переживаем!

– А может... В глазах Инги мелькнула мольба, потом боль, потом надежда, что дети отменят свой вердикт. Но их лица выражали непреклонную решимость. Глубоко вздохнув, Инга подчинилась их воле.

– Надюшка, детка, помоги мне собраться, – произнесла она не свойственным ей тихим, упавшим голосом. – А ты, Гоша, поднимись в двенадцатую квартиру, поговори с Олегом Николаевичем насчёт свидетельских показаний...

А потом, уже в палате, оставшись одна, вступила во внутренний диалог сама с собой:

– Ну, а в чём они не правы? Если разобраться, они приняли единственно правильное решение. Но почему же мне так больно, так обидно? Ведь я сама испортила себе праздник: стыдно сказать, испугалась кошки, оставила мобилку на подоконнике, а потом развесила объявления, в которых практически пригласила бандитов к себе домой за вознаграждением – фирменной бытовой техникой, норковой шубой, кошечкой, золотыми украшениями. Надюшка права, слава Богу, хоть жива осталась. Да и Олегу Николаевичу спасибо, вовремя подрос, а ведь если бы я отнеслась к нему по-человечески, пригласила бы на чай, то всего этого могло бы и не быть. – Инга с сожалением глубоко вздохнула, постепенно засыпая.

Однако заснуть ей не удалось – сначала она услышала какой-то шум и возню за дверью, затем включили свет, и медсестра ввела в палату огромную (по крайней мере, Инге так показалось), как шкаф, женщину и уложила её на пустующей койке напротив.

Раздражение, негодование, обида полосонули Ингу по горлу и скатились комком в область солнечного сплетения, закипев слезами на глазах:

– Кто, кто посмел побеспокоить? Ведь Гоша договорился с Александром Ивановичем, что вторую, свободную койку занимать не будут! Я сейчас же позову дежурного врача, и пусть переводят эту тётку куда хотят! Мне нужен покой.

Едва она это подумала, как врач – миниатюрная женщина, в коротком белом халате и высоких белых сабо – быстро вошла в палату и властно и безапелляционно произнесла:

– Придётся Вас побеспокоить, Инга Юрьевна – поступила тяжёлая больная.

Инга демонстративно – резко натянула на голову одеяло и отвернулась к стене, не сразу справившись с распиравшим её негодованием. А потом, чуть поостыв, попыталась себя успокоить:

– Ведь это же городская больница, а не частная клиника – думала она. – А если бы меня, не дай Бог, привезли сюда среди ночи, тоже могли б кого-то побеспокоить, тогда бы я совсем не комплексовала из-за этого.

Краем уха, невольно прислушиваясь к разговору врача и медсестёр, она поняла, что у её соседки – что-то не так с мозговым кровообращением и высокое давление, видимо, после перенесённого нервного стресса, что ей подключили капельницу и будут «капать» медленно, то есть – до утра. Смирившись с обстоятельствами, не меняя позы, чуть ли не уткнувшись носом в холодную, покрашенную светло-бежевой краской стену, Инга всё же попыталась уснуть.

Спала она плохо, всю ночь в палате горел свет, периодически к соседке подходили врач и медсестра, тихонько переговариваясь между собой. К утру всё стихло.

Инге приснился сон, будто идёт она одна по знойной пустыне, изнемогая от жары и жажды. Огромное оранжевое солнце нестерпимо печёт в голову. Горячий сухой ветер поднимает песок и дует в лицо, сбивая с ног. Она оглядывается по сторонам в поисках колодца или родника и замечает быстро скачущего навстречу ей всадника. Вдруг её слух улавливает журчание ручья, она бежит к нему и просыпается.

Открыв глаза, Инга увидела свою соседку, восседающую на сооружении, отдалённо напоминающем трон, который кто-то установил ночью, прямо напротив её койки. Журчание исходило оттуда.

– Я извиняюсь, конечно, – сказала женщина, трудно выговаривая слова заплетающимся языком, видя, что Инга проснулась и с удивлением смотрит на неё.

– Я писаю. Врачи ещё не разрешают ходить. – И в завершение процесса выдала «автоматную очередь газовой атаки».

Натянув на голову одеяло, Инга попыталась не дышать. Но сколько можно не дышать под одеялом? Быстро выбравшись

из своего укрытия и накинув халат, вышла из палаты.

– С Новым годом, Инга, – мысленно поздравила себя не без сарказма.

Вынужденно долго прогуливаясь по больничному коридору, она с грустью вспоминала дом, позднее пробуждение семейства первого января, традиционное: «Мы с прошлого года ничего не ели!» А ещё – запах ёлки и милую возню под ней в поисках подарков, оранжевые мандарины в большой хрустальной вазе, бутерброды с красной икрой, большой ананас, шампанское с пробкой – в потолок, и накрытый белой расшитой скатертью большой круглый стол. Он особый, этот праздничный завтрак – первый в Новом году, когда вся семья в сборе – когда верится, что завтра будет лучше, чем вчера, что всё задуманное исполнится, что Новый год – это сказочный ковчег, усевшись в который, ты поплывёшь в счастливую страну и рядом с тобой всегда будут те, кого ты любишь... В это время от телефонных звонков хочется спрятаться под большим пуховым одеялом!.. Телефонных звонков...

– Будете знать, Инга Юрьевна, как терять телефоны перед праздником, – грустно улыбнулась, подошла к окну, посмотрела на заснеженный двор.

– А всё же, как болит голова! – в очередной раз подумала она и, решив прилечь, направилась в палату.

– С Новым годом, Вас, – приветствовала её соседка со своей кровати, наворачивая за обе щеки «Оливье» из литровой банки в полуметре от накрытого белой пелёнкой биотуалета.

– О Боже, – пронеслось в голове. Я, наверное, не смогу съесть ни кусочка, пока ОН будет здесь, – Инга едва смогла скрыть рвотный рефлекс и своё возмущение увиденным, но всё же с лёгкой, почти незаметной долей сарказма, вежливо произнесла:

– И Вас – также. Желаю скорейшего выздоровления. – В эту минуту её самым большим желанием было заснуть, заснуть, забыться, чтобы больше не видеть этого кошмара.

– Скорее бы пришли дети и забрали меня домой. Ведь это не лечение, а настоящее мучение. (За свою жизнь Инга впервые попала в больницу, если не считать роддом, где она много лет назад рожала Гошу и Надюшку) .

– Будем знакомы, – как ни в чём не бывало, не замечая страданий и негодования Инги, – продолжила разговор соседка. – Меня Тамарой зовут. А Вас?

– Инга.

– Очень приятно, – улыбка у Тамары получилась немного перекошенной, но чистосердечной и искренней.

– Взаимно, – холодно прозвучало в ответ.

– Инга, хотите «Оливье»? Мне подруга принесла. Я бы и не ела, но вы же видите, что у меня речь пострадала. Парез, говорят. Значит, нужно язык разрабатывать. Я в курсе дела – уже третий раз здесь лежу. Значит, будем кушать и разговаривать, разговаривать и кушать.

– А когда Вам разрешат ходить в обычный туалет? – холодно полюбопытствовала Инга.

– Буду ходить без разрешения, потихоньку. Вы, наверное, думаете, что я ничего не понимаю, ну, в смысле, как Вам неприятно было... знаете, Инга, сама я очень стеснительная. Ну, а какой выход, если припёрло, а врачи не разрешают ходить?

Разговор прервала медсестра, предложив больным измерить артериальное давление. Тамара держалась молодцом, а у Инги были кризисные показатели, ещё хуже, чем при поступлении. Ей, после обхода, подключили капельницу, оптимистично пообещав, что в дальнейшем обязательно всё будет хорошо.

Приходили дети. Понятно, что вопрос о домашнем лечении не обсуждался, но Гоша пообещал «разрулить ситуацию» с одиночной палатой в ближайшее время. Инге же посоветовали не расстраиваться по пустякам и настроиться на скорейшее выздоровление.

После капельниц и уколов она много спала, практически не замечая присутствия Тамары, и проснулась на следующий день с просветлённой головой и в относительно хорошем расположении духа.

– Доброе утро, – приветствовала её соседка. Говорила она уже достаточно вятно, хотя бледность и тёмные круги под глазами свидетельствовали о том, что женщина провела не лучшие сутки в своей жизни.

– И Вам, доброе утро, Тамара, – ответила Инга спокойно и дружелюбно.

– Вот чудеса, – подумала она. – Чем же меня таким Александр Иванович напичкал, что в моём мозгу всё успокоилось? Даже Тамара, так раздражавшая меня вчера, сегодня кажется не такой большой и даже симпатичной, несмотря на свой потрёпанный вид. Взгляд самопроизвольно скользнул на то место, где стоял биотуалет. Перехватив его, Тамара рассмеялась:

– Да мой трон ещё вчера вынесли, я ж вам говорила, что потихоньку справлюсь сама. Инга благодарно кивнула.

Тамара, «разрабатывая речь», тараторила без умолка. Инга сначала отмалчивалась, внутренне сопротивляясь обрушившемуся на неё совершенно ей не нужному информационному потоку, затем, проникнувшись непростой судьбой женщины, её искренностью и глубиной чувств, слушала и сопереживала.

– По специальности – я закройщица, – рассказывала Тамара. Закончив учёбу в ПТУ, по направлению работала на швейной фабрике, а потом, после развала Союза и перестройки мы с подругой открыли мастерскую по ремонту и пошиву одежды, где трудимся по настоящее время. Живём не шикарно, но на хлеб с маслом хватает. Во время учёбы мы дружили втроём – я, Валюха моя напарница, это она мне передачи носит, и Людочка. Вместе ходили на занятия, в общежитии жили в одной комнате и замуж почти в один год повыскакивали, а потом стали брать друг дружку в крёстные матери своим детям. Я крестила Валюшкиного Сашку и Людочкину Ирочку.

– А у тебя дети есть? – легко перейдя на «ты», поинтересовалась Инга.

– А как же? Трое. Игорь – старший, ему прошлым летом тридцатник стукнул, Андрей – средний, они погодки. И младшая – Ирочка, ей двадцать пять.

– А твою Ирочку крестила Людочка? – улыбнулась Инга.

– Нет, у нас Ирочка одна – моя и Людочкина.

– Не поняла, – с удивлением сказала Инга.

– А тут и понимать нечего. Хотя, если б мою судьбу писателю рассказать, то знаешь, какая бы книга получилась! – вздохнув, продолжила Тамара, устраиваясь удобнее на кровати.

– С моим-то первым мы быстро разбежались. Я еле два года выдержала – пил, бил. Побил меня беременную на шестом месяце, случился выкидыш, потом кровотечение. Что-

бы меня спасти – врачи убрали всё по-женски. Ну, ты понимаешь, что. Неделю в реанимации лежала. Он приходил, прощения просил, на коленях стоял, говорил, что пить бросит, что на руках меня носить будет. А я не простила. Душа к нему как-то сразу остыла – не осталось в ней ни любви, ни ненависти, одна пустота. Мы тогда уже в малосемейке жили. Я так радовалась, когда её получили. С обрезков и неликвида такой интерьер забацала – закачаешься, несмотря на то, что поначалу мебели почти не было, только кровать, стол да три стула. Так я деревянные ящики из-под овощей так задекорировала, что все ахнули! Вся общага смотреть ходила. А ему – по барабану, лишь бы бутылка была. Потом по благу достала стенку румынскую, кухню, немецкий уголок. (Я в то время обшивала девчат из мебельного магазина, так что благу у меня был – то, что нужно!). Представляешь, какое по тем временам это было богатство! Я рассрочку пять лет выплачивала. А при разводе всё оставила ему. Забрала свои вещи и ушла на съёмную квартиру. Так-то... – Тамара глубоко вздохнула, помолчала, вытерла ладошкой слёзы, заблестевшие в глазах.

– А сыну моему, не родившемуся, в нынешнем ноябре было бы уже тридцать. Хотела назвать Михаилом, в честь бати моего и Архангела Михаила. Архангел Михаил – главный над всеми ангелами. Думала, вырастет сын, выучится – тоже начальником будет. В нашем роду все мужики башковитые, но из-за бедности выучиться никому не удалось. А я думала, костями лягу, но сына выучу и буду им гордиться. Я в мыслях называю сыночка Мишенькой, Мишуткой моим и до сих пор часто с ним разговариваю. Другой раз случится какая-то неприятность или обидит кто, приду домой, сяду в кресло и рассказываю ему всё, как на духу. И мне даже кажется, что он рядом, положил голову свою на мои колени, слушает и жалеет свою мамку. Наплачусь, один Бог видит, как. А потом легче становится.

Расчувствовавшись, Инга тоже прослезилась.

– А что ж твой второй муж, дети? – спросила она, немного успокоившись.

– А мой второй муж был первым мужем Людочки. Тут вот какая история приключилась.

Через полгода после рождения Ирочки Люду сбила машина, как врачи ни старались, спасти не удалось. Через неделю она умерла в реанимации. Виктор остался один с тремя детьми. Родни у них такой, чтоб могли помочь, не было, и мы с Валюхой по очереди стали помогать ему по хозяйству и с детьми управляться, а потом, спустя несколько месяцев, он говорит мне: «Тамара, переходи к нам жить. У Валентины своя семья, а она через день тут куховарит и за детишками присматривает. Какому мужу понравится? Хотя мы со Славиком и друзья, но и его терпение не безгранично. Ну, а ты одна скитаешься по съёмным квартирам. Ни кола, ни двора. Знаешь, как дети мои тебя любят, да и Иришке ты не просто тётя Тома, а крёстная мать... Может, и у нас со временем что-то сложится. А нет – будем как брат с сестрой. Захочешь уйти – удерживать не стану. Ни словом, ни делом не обижу. За помощь до конца дней благодарен буду. Пойму, если откажешься, но буду очень рад, если согласишься».

Выслушала я его и – к Валентине за советом. Та говорит: «Трудно будет. К детям привыкнешь, станут, как родные. А с Виктором – неизвестно как получится. Он в Людочке души не чаял. Сейчас от отчаянья и тоски места себе не находит. Но ведь и ты – живая душа. Тебе ж не только благодарность нужна, но и любовь. Может, твоя судьба где – то рядом ходит, а ты за благотворительностью, пелёнками да за уборками её и не заметишь. Своих детей поднимать нелегко, а чужих так и подавно. Ты – девушка свободная, симпатичная, молодая. Я ж вижу, как Игорь Горобченко вокруг тебя «павлином» ходит!

Мне и самой Игорь нравился. Но я сильно комплексовала из-за того, что не смогу больше родить. Не хотела хорошему парню жизнь испортить и самой быть «без вины – виноватой». Да и не известно ещё, женился бы он на мне, если бы узнал правду, что «пустая» я. Ты же знаешь, нет такого мужика, чтоб о сыне не мечтал. В общем, мы с Валентиной несколько часов проговорили, думали и так и сяк. В конце-концов, она говорит:

– Смотри сама. В этом деле советчиков быть не может. Я буду помогать Виктору по мере сил, сколько смогу, а ты не спеши, подумай. Ведь ты судьбу свою решаешь. А я на следующий день пришла к ним – мальчишки выбежали навстречу,

обхватили за колени, Виктор вышел с Ирочкой на руках и так посмотрел на меня, что я и не думала, а сказала: – «Ну, что? Примите меня к себе жить»? Вот так я решила свою судьбу.

– Ты вышла замуж за Виктора?

– Потом уже, когда дочку в первый класс записывали. А сначала жили так, без росписи. Витя очень тосковал по Людочке, хотя и пытался скрывать. Я, конечно, всё видела и жалела его. Сама ж вертелась, как белка в колесе. Детей полюбила, как своих. Они со временем стали называть меня мамой и любили, как мать. Когда мальчишки в школу пошли на продлёнку, а Ирочка в садик – стало чуточку легче. Я, наконец-то, обратила на себя внимание – сделала модную стрижку, волосы перекрасила в каштановый. Пошила пару юбок. Одну чёрную, строгую, другую – клетчатую, с бантовыми складками. Ещё – светлый брючный костюм на лето, платье бирюзовое с вырезом «лодочка» – выходное. Я в молодости симпатичная была! – Тамара кокетливо улыбнулась.

– Ты и сейчас симпатичная, забыв о первом впечатлении – сказала Инга. Тамара с удивлением на неё посмотрела, пригладила требующие мытья волосы. Не сговариваясь, женщины одновременно весело расхохотались.

Насмеявшись вдоволь, выпили сока – за крепкое здоровье в Новом году, потому, что – «будет здоровье, будет всё» и Тамара продолжила повествование своей жизненной истории:

– Однажды, дело было зимой (тогда мы уже больше года прожили под одной крышей), Витя простудился. Вызвали врача, тот назначил ему лечение, выписал больничный. На следующее утро я детей по школам – садикам развела, и бегом на работу. А у самой душа не спокойная, когда уходили, температура у Виктора была высокая, ломало всего. В обед я у мастера отпросилась (Петровна с пониманием ко мне всегда относилась, знала, что зря не попрошу) – отпустила без слов. Прибегаю, с порога зову: «Витя, как ты»? А он молчит. Я к нему. А он лежит бледный, с закрытыми глазами, и не отвечает ничего. У меня сердце чуть не остановилось.

– Господи, – думаю, – живой он или нет? – наклоняюсь к нему ниже, чтобы дыхание проверить, а он как схватит меня в охапку, как сожмёт, как поцелует! Я растерялась, не верю, что

всё это со мной происходит. Он меня, как я была – в шапке, пальто, сапогах, так и затащил в постель. Раздевал уже потом, как говорится – «по ходу следования»... На бледном лице Тамары проступил лёгкий румянец, она, мечтательно улыбаясь, в очередной раз переживая события того дня, даже счастливо зажмурилась.

– Вы с ним, что – больше года жили одной семьёй, вместе воспитывали детей и спали в разных постелях? – не поверила Инга.

– Брехухой я никогда не была, – обиделась Тамара. – Я, как пришла к ним, сразу сказала, что буду спать в детской. Он не возражал, а дети были рады. Понимаешь, во мне гордости много. Я в бабушку свою пошла. Мне, как и ей (а она мне много чего о своей жизни рассказала, когда была жива) мужик нужен весь, без остатка. А если не весь, то тогда и совсем не нужен. В этом я жадная, – безапелляционно произнесла Тамара.

– Сначала я Виктора вообще воспринимала как мужа покойной подруги, ни о чём даже и не помышляла, – после небольшой паузы, глубоко вздохнув, продолжила она свой рассказ. – Я видела, как он тоскует по ней, как страдает. Да и мне её не хватало, за годы дружбы мы сроднились, стали как сёстры. А он меня уважал за труд, ценил за мою любовь к детям, но как женщина, мне казалось, я его не интересовала. Ну а я, натерпевшись от своего первого, довольна была тем, что у меня теперь есть дети, что они меня любят, что рядом не пьяная морда, а нормальный мужик, у которого и руки растут, откуда нужно, и голова варит. А прыгать к нему в постель, чтобы он из благодарности или от тоски... нет, это не по мне.

– Я так и не поняла, он тебе нравился? – не унималась Инга.

– Нравился, конечно. Но, обжёгшись на первой своей любви, я остерегалась открыть сердце новой. А он тоже не мог меня понять и боялся проявить активность, чтобы я не сбежала. Ну, а после этого случая стали мы жить, как муж с женой. Хорошо жили, в любви и согласии, да не долго. В девяносто пятом он с двумя товарищами подался в Москву на заработки. Ты же помнишь, тогда предприятия закрывались, а на тех, что работали – зарплату по полгода не давали. А детей каждый день кормить нужно. Да и не только кормить, да и не только

детей. В общем, я осталась дома на хозяйстве, а он поехал на заработки. Устроился на стройку, там хорошо платили. Деньги нам передавал регулярно, иногда ненадолго приезжал. Вот благодаря этим деньгам мы с Валентиной и открыли мастерскую по пошиву и ремонту одежды, которая «кормит» нас по сей день.

– А Виктор, что ж, до сих пор в Москве работает? – поинтересовалась Инга.

– А Виктор в девяносто восьмом пропал без вести. Дело было в марте. Он к восьмому домой собирался приехать. У меня ведь день рождения восьмого марта. Позвонил, что шестого выезжает, и всё. Как сквозь землю провалился. Мужики, что с ним работали, говорили, что проводили его с чемоданами до такси. Больше никто его не видел. В Москве завели уголовное дело, меня пару раз вызывали, я ездила к следователю. Но так ничего и не прояснилось. Я даже в передаче «Жди меня» – писала, и до сих пор жду. Детей поднимала одна. Всем дала высшее образование, свадьбы справила. Уже дважды бабушка. Игорь и Андрей на инженеров выучились, работают на станции техобслуживания. На хорошем счету, зарабатывают прилично. А Ирочка – бухгалтер в супермаркете. В позапрошлом году я и её замуж выдала. Теперь живу одна. Нашу трёхкомнатную квартиру я продала, когда нужно было детям помочь обустроиться. Себе купила комнатку в малосемейке. Вот так. Откуда пришла – туда и вернулась. А мне больше и не надо. Лишь бы дети меня не забывали.

– Они тебя навещают?

– Когда им меня навещать? Праздники ведь. И в компанию нужно сходить, и с малышами – на утренники. Но все уже позвонили, поинтересовались, что мне нужно для выздоровления. А мне ничего не нужно. Ведь Валентина утром и вечером ко мне приходит. И в палату эту, блатную, меня определила, и лекарство приносит и еду. А мне лично больничная еда нравится. Лёгкий супчик, кашка, чай – что ещё нужно для поддержания фигуры? – с еле уловимой обидой в голосе пошутила Тамара, наливая в чашку апельсиновый сок, принесённый Валентиной. Инга с пониманием, кивнула.

– Слава Богу, что у меня дети не такие! – подумала она. Заботятся обо мне, переживают. И с Александром Ивановичем договорились, и всеми медикаментами обеспечили, а сколько деликатесов притащили! Рады выполнить любой каприз, лишь бы я скорее выздоравливала.

– Девушки, на уколы! – заглянула в палату молоденькая медсестричка, прервав беседу.

III

Олег Николаевич уже несколько дней не находил себе места. Активно помогая следствию, он каждый день встречался с Надюшкой и Георгием, искренне благодарным ему за спасение матери, и даже подружился с ними. Но чем бы он не занимался, непрерывно в мыслях возвращался к событиям тридцать первого декабря, считая себя виноватым во всём случившемся.

– Ведь Инга – наивная как дитя, – с горечью думал он. Испугалась кошки, развесила эти дурацкие объявления по всему подъезду, в домпустила неизвестно кого. А я то, я то – хорошо! Вместо того, чтобы предотвратить и обезвредить, носом к носу столкнувшись с преступниками, выше поднял воротник. Дескать, «мороз крепчает». Как мне ей теперь в глаза смотреть? Что говорить? Хорошо бы навестить её в больнице, но неизвестно, как она отреагирует. Всё же что-то нужно предпринять, что-то предпринять. Чем неприступнее казалась ему эта женщина, тем сильнее хотел он приблизиться к ней.

Однако было одно занятие, которое ненадолго отвлекало Олега от душевных переживаний. Утром и вечером он преодолевал вместе с Черри расстояние в полтора километра по заснеженному городу для того, чтобы покормить аквариумных рыбок в квартире своего друга, уехавшего на лыжный курорт – в Славское. Знакомы они были ещё с войны, а друзьями стали уже потом, на гражданке, после вывода наших войск из Афгана.

Их встреча произошла в Кабуле, в военном госпитале, где Дмитрий Сергеевич «латал» и «штопал» раненых солдат и офицеров. Олега привезли в госпиталь с пулевым ранением

в лёгкое, практически, в безнадежном состоянии. Дмитрий Сергеевич сотворил настоящее чудо – провёл успешную операцию, несколько суток не отходил от его постели. Однажды, когда Олег уже шёл на поправку, доктор заглянул в палату, чтобы поддержать боевой дух своего пациента, известного ратными подвигами. Как выяснилось во время беседы, они были земляками и почти ровесниками. Оба закончили ВУЗы в Киеве, имели общих знакомых. Но, что самое интересное, Олег и Дмитрий были заочно знакомы по той простой причине, что в одно и то же время, как оказалось, оба были влюблены в Таню Веткину, изящную, белокурую студентку Киевского ХИМТЕХа. Таня практически одновременно встречалась с обоими парнями и в каждого из них была влюблена. Но на летних каникулах окончательно определилась в своём выборе и, обманув ожидания Димы, выскочила замуж за Олега, без сожаления укатив вслед за ним, в беспросветную «тмутаракань», по месту назначения своего избранника.

Дмитрий долго переживал измену любимой девушки, придумывая разные способы расправы с соперником, но потеряв след влюблённых, спустя некоторое время «по залёту» женился на однокурснице. Ещё через несколько лет, в погонах старшего лейтенанта медицинской службы, преисполненный патриотических чувств, он прибыл в Кабульский военный госпиталь, считая, что здесь его врачебная деятельность будет наиболее востребована и полезна. К моменту встречи с Олегом Дмитрий Сергеевич уже был в чине майора и успешно возглавлял хирургическое отделение военного госпиталя.

– Да, пути Господни неисповедимы, – задумчиво сказал он, потрясённый неожиданной и такой нелепой встречей. Я, когда узнал, что какой-то там новоиспечённый офицер Татьяну «из под носа» у меня увел, думал – найду! Найду и зарежу, как собаку! А видишь, как получилось, майор, спасти тебя пришлось... – оба неловко и понимающе улыбнулись. – Ну, да ладно, дело прошлое, молодое, – доктор миролюбиво прикоснулся к плечу бывшего соперника. Ты, Олег, давай, поправляйся. Скоро домой полетишь долечиваться. Привет Татьяне передавай. Скажи, зла не держу. Желаю счастья.

– Бог даст, встретимся на родной земле. Будем рады с женой, если заедете к нам в гости, док. Ведь скоро этот кошмар закончится, скоро все будем дома, – не скрывая волнения, заверил Олег.

Следующую встречу судьба им приготовила опять в критическое время для Олега. Заболела Татьяна. Онкология. Нужна сложная операция. Посоветовали замечательного хирурга. Им оказался Дима, Дмитрий Сергеевич Козаченко.

Как странно устроена жизнь. Она постоянно преподносит нам испытания, сталкивая однажды с когда-то очень дорогими нам людьми, встречи с которыми давно уже не ждёшь и не хочешь. Эти запоздалые встречи теперь уже абсолютно чужих, порой даже – чуждых друг другу людей, связанных раньше незримыми прочными нитями, безжалостно разорванными разного рода неблагоприятными обстоятельствами, кроме душевного дискомфорта и раздражения, ничего не вызывают. И что самое неприятное, лишают нас прекрасного идеала, к которому так стремится человеческая душа, невзирая на обстоятельства и возраст.

Полчаса назад, вот в этом кресле напротив Дмитрия сидела Татьяна. От той девушки, которую он когда-то любил, и которая потом, много лет являлась ему во снах, практически не осталось ничего. Может, только голос... хотя нет, у той Татьяны голос был другой – высокий и звонкий, как и она сама. Теперь же перед ним сидела обычная женщина, с бледным, измождённым лицом и большими грустными глазами, диссонирующими с тем светлым обликом любимой девушки, который он хранил в своей памяти до сих пор. Неприятно резало слух уже им почти забытое, и такое раньше волнующее – «Димчик», произносимое с лёгкой хрипотцой и сбивчивое обращение на «ты».

– Впрочем, – размышлял он, – дело, скорее всего, не в том, что меня подсознательно раздражает, когда близкие знакомые, рано или поздно став моими пациентами, в этих стенах, как в неформальной обстановке, продолжают обращаться со мной панибратски, на равных. Им просто невдомёк, что возложенная на меня ответственность за их жизни наделяет меня властью, выводит из ранга просто друга. Сейчас меня раздража-

ет то, что нет уже той Татьяны – лёгкой, наивной, невероятно нежной и родной. И меня – молодого, влюблённого, полного планов и надежд – тоже нет. Есть больная, измождённая женщина, пациентка, нуждающаяся в моей помощи, просто жена моего сослуживца. Какое она имеет отношение к той, сбежавшей от меня девушке, к моей растоптанной любви? И есть я – «повидавший виды» военный врач, просто хирург, в совершенстве освоивший технику операций, подобных той, в какой нуждается сейчас она. Конечно, я сделаю всё, что от меня зависит. Вот и всё. И нечего мудрствовать, большего от меня не требуется.

После успешно проведённой операции Татьяна прожила ещё пятнадцать лет, на некоторое время вообще забыв о своих болезнях. А Олег и Дмитрий, часто общаясь во время болезни Татьяны, подружились по причине общей фронтовой молодости и общего хобби, коими являлись рыбалка и охота. По выходным или праздникам любили они посидеть с удочкой в утренней тишине или побродить с ружьём по хрустящей, тронутой первыми заморозками, пожухлой траве. Часто брали с собой подрастающих сыновей, пока те не обзавелись семьями и разъехались по другим городам. В своё мужское общество женщин, кроме любимых «девочек» – спаниелей Снуппи, а затем – Черри не принимали. Татьяна не возражала смекнув ещё в молодости, что при попытке «одомашнивания» мужа, риск его «потерять» возрастает в геометрической прогрессии.

Дмитрий же, к тому времени расставшись со своей первой женой, жил гражданским браком с молоденькой медсестричкой Катей, несколько лет назад оставившей работу в клинике и полностью посвятившей себя любимому мужчине, коим он и являлся.

Натерпевшись и наскитавшись в молодые годы, он, наконец, обрёл долгожданный покой, понимание и любовь молодой, эффектной женщины, устроенный быт. Теперь, почти забытое, неожиданное бегство любимой девушки чуть ли не из-под венца, война со всеми её «прелестями» и неизбежными потерями, работа в Кабульском госпитале, поспешная женитьба, закончившаяся разводом и другие жизненные перипетии, изрядно потрепавшие душу Дмитрия, спрятались куда-то так

глубоко, что он всё реже вспоминал об их существовании. Ему нравился уживчивый Катин характер, еда, которую она готовила для него и с таким изыском подавала, её смех и милые ямочки на щеках. Но больше всего его восхищало ночное перевоплощение, когда из милой непритязательной щебетушки она превращалась в фею страсти, неутомимую и властную, нежную и требовательную, взрывающуюся с таким высвобождением свободной энергии, что ею можно было бы растопить вечные снега Антарктиды. Наслаждаясь изысканными ласками, преданной любовью и трогательной заботой своей избранницы, он обеспечил ей полную материальную свободу и мало задумывался о её душевном состоянии, твёрдо полагая, что с ним она счастлива вполне.

Ожесточившись на войне, он научился сдерживать эмоции в мирной жизни. Своё кредо в отношении совместного проживания с Катей он озвучил вначале их отношений: «если что не устраивает – я не задерживаю». Тогда Катя рассмеялась и ответила в тон: «Я тоже», хотя больше всего ей хотелось расплакаться и убежать.

Со временем, когда на смену пылкой влюблённости пришла обыденность привычки, желание быть, а не казаться, Катя, продолжая любить, поняла, что её многое не устраивает. Прежде всего – взрывной характер Дмитрия, его фанатичная увлечённость работой, замкнутость. Но больше всего молодую женщину не устраивала неопределённость её положения. Замуж Дима её не звал, детей не хотел, а годы шли...

Однажды, дождавшись мужа с работы, Катя начала серьёзный разговор, к которому долго и мучительно готовилась:

– Дима, скажи, кто я тебе?

– Малыш, ты хочешь посориться?

– Нет, я хочу услышать, кто я тебе?

– Катюша, я устал. Давай поговорим завтра. Что у нас там на ужин? Чем так вкусно пахнет?

– А на ужин у нас – выяснение отношений! И пахнет у нас разрывом! – со слезами на глазах нервно прокричала женщина, преграждая Дмитрию путь на кухню.

Он обречённо вернулся в гостиную, сел в кресло, включил телевизор, демонстративно уставившись в экран. Катя в воин-

ственной позе стала перед телевизором, как перед амбразурой, надеясь закрыть её своим телом.

– Дима, так ты мне ответишь на вопрос: «Кто я тебе»?

– Ну что ты заладила, как попугай: «Кто я тебе, кто я тебе?» Ну, кто ты мне, Катя? Жена, конечно, – после продолжительной паузы, как бы невзначай заметил он, не отрывая глаз от узкой полоски экрана телевизора, видной из-за Катиной спины.

– Какая я тебе жена? По паспорту ты разведён, а я замуж вообще никогда не выходила, – она села в кресло напротив.

– Ты что Катя, замуж хочешь? – Дмитрий, наконец оторвался от экрана и с удивлением посмотрел в её сторону.

– Да, хочу!

– Чего тебе не хватает, Малыш? Что не устраивает? – он пытался сохранять спокойствие, приписывая всплеск эмоций критическим дням жены.

– Ты что, не понял? Я хочу быть твоей ЗАКОННОЙ женой! Понимаешь, не гражданской, а законной!

– Дорогая, ты должна помнить, что когда мы только собирались жить вместе, я сразу сказал, что жениться не собираюсь, я уже был один раз женат, мне этого хватило. И, кажется, до сегодняшнего дня тебя это устраивало.

– Я так любила тебя, что для меня это значения не имело!

– А теперь, что? Разлюбила? – Дмитрий, криво ухмыльнувшись, иронично, сверху вниз посмотрел на Катю.

Катя почувствовала, что её накрыла раскалённая лавина магмы. Как он посмел такое сказать? Я? Разлюбила? Да я один день без него прожить не смогу! Через несколько секунд к ней вернулся дар речи:

– Ну, и гад же ты, Дмитрий Сергеевич! Пропади ты пропадом со своими принципами, гениальностью и со своей грёбанной гражданской любовью! Всё, надоело! Хватит! Я ухожу от тебя! – прокричала она, неожиданно даже для самой себя, понимая, что ситуация выходит из-под контроля, но всё же в глубине души надеясь, что сейчас он изменит решение и примет её условия. Но Дмитрий угрюмо молчал. Тогда она пошла на крайность – резко вскочила и подбежала к шкафу, достала баул и стала собирать вещи.

– Малыш, давай поговорим спокойно, – Дмитрий подошёл к разгорячённой Кате и нежно обнял её за плечи, – ведь я никогда не обещал, что женюсь на тебе, – пытаюсь быть нежным, с придыханием, как она любила, прошептал ей в затылок свой, почти смертельный для Кати приговор.

– И ты никогда не возражала против этого, мы нормально жили все эти годы, считая, что не печать в паспорте сохраняет семью. А что теперь произошло? Какая муха тебя укусила? – он повернул к себе раскрасневшееся лицо любимой, пытаюсь губами найти нежную мочку уха, спрятавшуюся под русыми кудрями.

От таких «ласковых» слов Катя едва не задохнулась, потом к ней вернулся дар речи.

– Чёрт знает, что ты о себе возомнил! Это твоё личное дело, теперь меня это не касается! Но хочу, чтобы ты знал, Дима, мне надоело быть «никем», – бесцеремонно освобождаясь из его объятий, прокричала она с обидой и возмущением. Ведь в обществе, в котором мы живём, статус жены имеет колоссальное значение. Ты не Адам, а я – не Ева, и мы с тобой не одни во Вселенной, которой наплевать, официальные у нас с тобой отношения или нет. Посмотри, все твои друзья живут с законными, а не гражданскими жёнами, кроме Олега, конечно. Он, к сожалению, вдовец. Но и он не пользуется никакой женщиной похотя, для удовлетворения своего либидо и выполнения домашних работ просто по праву мужчины, без обязательств. В обществе законных жён твоих друзей я чувствую себя гадким утёнком. Они смотрят на меня свысока, и за их холодной вежливостью скрывается пренебрежение. Кроме того, в их обществе, несмотря на свою молодость и красоту, – Катя с чувством превосходства, сверху вниз, посмотрела на Дмитрия, – я чувствую себя второсортной, потому что я – никто в твоей жизни! – и неожиданно и беспомощно расплакалась, закрыв лицо руками.

– Вот оно, значит, что... значит Вы, Екатерина Валерьевна хотите быть статусной дамой, – пряча улыбку, он попытался привлечь её к себе, как капризного любимого ребёнка, недооценив глубину чувств женщины.

– Я женой хочу быть, любимой, настоящей женой, понимаешь? И матерью, – прокричала она, растирая слёзы по щекам и

не принимая шутки. Затем повалилась на диван, рыдая во весь голос, уткнувшись лицом в подушку.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание, прерываемое горькими всхлипываниями Кати. Ошарашенный Дмитрий присел рядом, пытаясь поцелуями и нежными объятьями успокоить разбушевавшуюся жену. Он уверял её в своей любви, абсолютной абсурдности её претензий и бессмысленности перемен. Спустя некоторое время, она действительно успокоилась, затихла, он вздохнул с облегчением.

– Катюша, тебе какого чайку принести – зелёного или чёрного с лимончиком?

В ответ Катя пристально посмотрела на мужа влажными, покрасневшими глазами и жёстко, без эмоций сказала: «У тебя есть сын, невестка, внучка. У тебя есть дом, друзья, работа. В этой жизни всё твоё. А у меня никого и ничего нет!»

– А я?

– А ты мне кто? – так же жёстко спросила Катя.

– Я думал, что муж.

– Индюк тоже думал!

– Я тебя к ноге не привязывал, – начал заводиться Дмитрий, – или я что-то пропустил? Может, кто-то молодой и успешный твоей руки добивался, а я, старый хрыч помешал?

– А кто меня мог замуж позвать, если у меня на первом плане ты – единственный и неповторимый! Я всё старалась угодить, «нагнуться», промолчать, «сделать вид» – лишь бы тебе было хорошо, уютно.

– Ты понимаешь, Катя, так устроен мир, что всё, что ты делала и о чём говоришь с таким надрывом, любящая женщина делает с удовольствием. Ты понимаешь – о чём я? Ей приятно угождать своему избраннику, она сама в первую очередь получает от этого удовольствие! Понимаешь, ей приятно, когда приятно ему.

– Да, я старалась угадать каждое твоё желание! Создать все условия, чтобы тебе было комфортно жить! – Катя смахнула слёзы и иронично продолжала:

– Ах, у Димочки был тяжёлый день! Ах, Дмитрию Сергеевичу нужно подготовиться к сложной операции! И везде Дима, Дима... «Но любовь прекрасна, когда взаимна!» Что ты сделал

для того, чтобы я чувствовала себя любимой? Ты о моих чувствах хотя бы один раз подумал? Ведь я – живая! Может быть, я что-то делала или понимала не так, как ты хотел. Но ведь я почти на двадцать лет моложе тебя, и не имею твоего жизненного опыта! Мог бы озвучить претензии. А я озвучила свои! Тогда бы ты узнал, что я тоже хочу, чтобы меня любили, чтобы заботились обо мне! А ты вместо того, чтобы ребёнка сделать – завёл этот долбаный аквариум и созерцаешь, созерцаешь... смотришь на меня через стекло и не видишь! Да и причём тут я? Ведь ты обдумываешь ход предстоящей операции, а может, анализируешь свои проколы! – Катя опять закрыла лицо руками и от жалости к себе и Дмитрию, которого не хотела так больно уколоть, громко зарыдала.

– Тебе что, Катюша, любви не хватало? Заботы? Нежности? – раздражённо спросил Дмитрий, уязвлённый в лучших чувствах.

– Да, не хватало! Потому, что всего этого не было и – нет! – гневно выкрикнула она, беспорядочно бросая вещи в сумку. – И не будет! Потому что – ты – эгоист, ты не способен любить женщину, ты любишь только себя и свою грёбаную работу! Тебе не нужна жена, тебе нужен обслуживающий персонал! И правильно сделала Светлана, что наставила тебе рога, что бросила тебя, такого великого, ради обычного прораба. Теперь живёт, как у Бога за пазухой – любимая жена крутого бизнесмена. Опять же, дочурку ему родила, а на тебя плевать хотела!

– Ну, всё, цирка достаточно! – Дмитрий, резко поднявшись, вплотную приблизился к Кате.

На побледневшем лице жёстко сверкнули серые, холодные глаза. Почти не разжимая губ, с каждым словом «опуская раскалённый молот ей на голову», он твёрдо произнёс:

– Ты всё сказала. Я всё понял. Я тебя не держу. Устраивай свою жизнь, как хочешь, выходи замуж, рожай детей. Желаю счастья. Но предупреждаю, если ты сейчас уйдёшь, между нами всё будет кончено. Навсегда. Поэтому я тебя прошу очень хорошо подумать. Я готов забыть всё сказанное. И, накинув пальто, вышел из дома.

Часа два он бродил по городу, обдумывая причины сегодняшнего скандала. Злость и раздражение постепенно сменя-

лись чувством вины перед женщиной, так много значащей в его жизни. Она была его тылом, кстати, очень симпатичным и милым, его музой, его вдохновением. Угадывая малейшее его желание, она любила преданно и бескорыстно, привнося в его однообразную жизнь суету, радость, комфорт, наполнение и насыщенность. Она, как бы играя, легко и незаметно решала все бытовые и не бытовые проблемы. Была прекрасной любовницей, хорошим другом и интересной собеседницей. Что плохого в том, что она хочет быть его законной женой и матерью его ребёнка? Это вполне естественное желание нормальной женщины, сохраняющееся на уровне генетической памяти. Он улыбнулся в усы, живо представив Катю в роли мамочки-квочки, неусыпно опекающей их любимых чад.

– В своих претензиях она отчасти права, – подумал с горечью. – Действительно, много времени и сил я уделяю работе, больным. Действительно, у меня взрывной и одновременно замкнутый характер. Может, я действительно произвожу впечатление бесчувственного чурбана. Но с Катей я всегда был нежным, щедрым. Мы провели вместе много счастливых часов и дней. Какая сила противодействия мешает мне повести её в ЗАГС, осчастливить наследником? Что удерживает меня от решительного шага? Любовь... Есть ли она на свете? Или её просто придумали люди, чтобы избежать одиночества? А если и так – что плохого в том, что мужчина и женщина, которым вместе жить комфортно, создают семью, рожают детей?

Не найдя ответы на мучившие его вопросы, он решил немедленно вернуться, надеясь, что Катя остыла, и как обычно, ждёт его дома. В остальном, он полагался на провидение. Как поведёт, так и будет.

Свернув с проспекта в тёмный двор, он обрадовался свету в своих окнах, не дожидаясь лифта, бегом поднялся на пятый этаж, запыхавшись, открыл дверь и, как обычно, с порога позвал: – «Катёнок»!.. А в ответ – тишина. – «Обиделась», – мелькнуло в голове. На ходу расстёгивая пальто, он прошёл в спальню, затем в гостиную, всё ещё хранящую энергетику сражения, затем в кабинет, кухню, заглянул даже в ванную, туалет, вышел на лоджию – везде звенящая пустота. Он подошёл к бару, налил себе стакан «KLINKOV» и выпил залпом,

не ощутив крепости напитка. Глубоко втянул носом воздух, интуитивно, по военной привычке, приложив сжатый кулак к губам и носу, рухнул в кресло. – «Вот Вам, бабушка, и Юрьев день», – криво и зло ухмыльнувшись, произнёс со вздохом.

– А, может, так и лучше...

Проведя без сна в кресле всю ночь, со «стеклянными глазами» встал по будильнику в шесть утра. В голове навязчиво вертелась евтушенковская фраза: «В душе так пусто, как в соборе, в котором овощи хранят». Чтобы справиться с поглощающей пустотой, он долго стоял под контрастным душем, постепенно осознавая, что ещё одна страница жизни прожита. «Что бы ни произошло, делай вид, что именно этого ты и хотел», – вдруг высветилось в мозгу, как лозунг.

Катя, вся в слезах, приехала к родителям, рассчитывая на их помощь и поддержку. Но, спустя несколько дней, родной, так нежно любимый с детства дом стал казаться ей чужим и недружелюбным. Родители жили своей, размеренной жизнью пенсионеров, их интересы в основном вертелись вокруг цен и скидок на продукты, лекарства и обсуждения сериалов. Катю они старались особо не травмировать расспросами, всё, что хотела, она уже рассказала при встрече. Да и что они могли посоветовать дочери, привыкшей всё решать по-своему? Только переглядывались и вздыхали, очень надеясь на то, что Дмитрий одумается, поймёт, что лучше Катюши ему жены не найти. И они ещё успеют понянчить внуков. Но Дмитрий не звонил и не приезжал.

Спустя неделю переживаний, Катя позвонила первая. Он предложил встретиться. Как оказалось, это была прощальная и печальная встреча в ресторане «Дикая орхидея». Оба поняли, что их пути безвозвратно разошлись. Дмитрий мотивировал разрыв тем, что он уже стар для свадьбы и рождения ребёнка и что не имеет права лишать Катю счастья быть матерью и женой. Она больше молчала, чтобы не плакать. Не возмущалась, ничего не просила и не требовала. Всё же в конце вечера, к обоюдному удовлетворению, им удалось договориться поддерживать дружеские отношения в дальнейшем. После ужина он отвёз её к родителям, нежно поцеловав на прощанье.

Мучительно пережив ещё одну потерю, Дмитрий Сергеевич совершенно разочаровался в женщинах как в спутницах жизни и серьёзных отношений с ними решил избегать.

Катя вскоре уехала в Чехию. Там она неплохо устроилась по линии Красного Креста. Перед отъездом заскочила попрощаться, оживлённая и полная надежд. У Дмитрия что-то защемило и шевельнулось в сердце. Захотелось, как когда-то, сгрести своего Катёнка в охапку, зацеловать до самозабвения и никуда не отпускать. Наверное, если бы «сгрёб» или просто предложил остаться и начать всё сначала, она бы согласилась. Но он этого не сделал, в глубине души сожалея о случившемся и всё же искренне желая обрести ей семью и познать радости материнства в той, другой жизни, где ему уже нет места.

Неплохо устроившись в Либерце, Катя иногда звонила, справлялась о его здоровье, поздравляла с праздниками, интересовалась новостями. Он отвечал ей тем же.

IV

Новый год Дмитрий Сергеевич встретил на горнолыжном курорте в Славском в компании старых друзей. Спускались на лыжах с заснеженных Карпатских гор, принимали СПА-процедуры, допоздна засиживались в колыбах. Не обошлось и без лёгкого флирта, особо не затронувшего душу, но освежившего гормональный фон не желающего стареть мужчины. После Рождества вернулся домой – на загорелом лице стальным блеском светились живые серые глаза, высокая поджарая фигура излучала энергию и внутреннюю силу, аккуратная тёмно-русая эспаньолка, подёрнутая лёгкой проседью, выдавала в её обладателе решительную натуру, любящую жизнь, драйв и, конечно, женщин. Олег и Черри встречали Дмитрия на вокзале. Издали, заметив знакомую красную куртку и вязаную чёрную шапочку, Олег помахал рукой, а Черри радостно взвизгнула.

Через полчаса они были уже дома. Привычно расположились за круглым столом на просторной кухне Дмитрия, из запотевшей бутылки налили по рюмочке «Хреновухи», выпили за приезд, удовлетворённо крякнули, дружно хрустнув солё-

ным огурчиком. Потом, чтобы муха не пролетела, ещё по одной – за встречу. И, не откладывая в дальний ящик по третьей – «за баб-с» – по-офицерски – стоя и с локтя. Закусили квашеной капусткой и жареной картошкой с мясом и грибами – фирменным блюдом Олега, приготовленным по случаю, в честь прибытия друга. Отведали карпатские гостинцы – мутноватую, настоящую на меду «Хреновуху», нежнейшую, тающую во рту брынзу, дрогобычские колбаски и волшебным пахнущую чесноком рульку.

Утолив голод, согревшись и расслабившись, Дмитрий без юмора рассказал о своём отдыхе в Карпатах, в очередной раз, восхищаясь дивной природой этого края и неповторимым, самобытным колоритом народных гуляний.

– Ну, теперь ты рассказывай, как вы тут хозяйничали с Черри? – обратился он к другу, разливая по чашкам густой, пряно пахнущий кофе.

– Спроси у своих рыбок, они довольны? – пошутил Олег.

– Спрошу, спрошу, не переживай. Ты лучше расскажи, как праздники провёл, – Дмитрий с чашкой в руке удобно разместился в своём любимом кресле и приготовился слушать. Черри улеглась у ног хозяина, расположившегося напротив, желая участвовать в разговоре.

– Ты знаешь, Димыч, праздника у меня не было. Я перед Новым годом так влип, что не знаю теперь, как жить дальше.

– Что случилось? Мы же тридцатого утром виделись, когда я тебе ключи от квартиры отдавал. У меня сложилось впечатление, что ты пребывал в добром здравии и благодушии. Если мне не изменяет память, мы хорошо посидели в кафешке. Я провёл инструктаж по уходу за рыбками, а ты рассказал о своих планах на ближайшие дни. Планы были весьма радужные. А если существовали проблемы, зачем скрывал, почему ничего не сказал?

– Не сказал потому, что говорить ещё было нечего. Канитель завертелась тридцатого вечером. – Олег глубоко вздохнул, собираясь с мыслями и начал издали.

– Ты же знаешь, мне давно и очень нравится соседка с третьего этажа – Инга Юрьевна. Она живёт одна, муж погиб много лет назад.

– Да, помню, был такой разговор. Ты у меня ещё спрашивал совета, как бы с ней поненавязчивей познакомиться. Всё-таки нашёл подход! Молодец! Ну-ну, рассказывай, нашёл подход? Свадьба скоро?

– Дмитрий, прекрати, какая свадьба! – всё плохо с точностью до наоборот! – Олег не мог скрыть раздражения и волнения. Собравшись с мыслями, после небольшой паузы он решил поделиться с другом проблемой.

– Тридцатого мы с Черри возвращались с вечерней прогулки, смотрю – на первом этаже висит написанное Ингой объявление, что утром она оставила свой iPhone на подоконнике между вторым и третьим этажом. Ну, я...

– Стой! – Тридцатого, говоришь! – Дмитрий, шлёпнув себя ладонью по лбу, чуть ли не в прыжке достиг шкафа в прихожей и достал из кармана дублёнки новенький белый iPhone и на вытянутой руке занёс его в гостиную.

– Этот?

Олегу показалось, что на его голову обрушилась лавина магмы и, с бешеной скоростью прокатившись по всему телу, остановилась на уровне трахеи, лишив его возможности дышать. Он застыл в кресле, на резко побледневшем лице выступили холодные капли пота, широко открытые глаза выражали скорее ужас, чем удивление.

– Олег, что с тобой? – Дмитрий не ожидал такой реакции и, опасаясь за здоровье друга, не дожидаясь ответа, побежал на кухню за нашатырным спиртом и валидолом. Через несколько минут после проведённых реанимационных мероприятий к Олегу начало возвращаться сознание, но резкая слабость во всём теле не давала возможности даже пошевелиться.

– Как он у тебя оказался? – еле слышно прохрипел он.

– Сейчас, сейчас, всё расскажу. Давай только перейдём на диван. Дмитрий почти перенёс друга на диван, укрыл тёплым пледом, накапал успокоительного, затем напоил каким-то горячим травяным сбором, привезённым из Карпат. Когда Олег более-менее пришёл в себя, Дмитрий рассказал, что произошло тридцатого.

– Утром я заскочил к тебе домой, чтобы оставить ключи перед отъездом в Карпаты. Поднимаясь по лестнице, увидел

на подоконнике между вторым и третьим этажом безхозный iPhone. Чтобы дорогой мобильник не стал лёгкой добычей случайных прохожих, я бросил его в карман, чтобы передать тебе. Я был уверен, что ты без проблем найдёшь хозяина, вероятнее всего – соседа по подъезду. Но тебя дома не было, я поехал в скверик, где мы и встретились. Потом мы посидели в кафе, поболтали о том – о сём, я отдал ключи и напрочь забыл об iPhone. Затем поехал домой, переоделся, повесил дублёнку в шкаф, взял сумку и помчался на железнодорожный вокзал, где меня уже ждала вся компания. Сели в вагон, ну а дальше – как водится...

В Славском я о телефоне, естественно, и думать забыл. Но вот что странно, ведь должны же были звонить на этот номер, неужели ни разу не совпало так, чтобы ты в это время был у меня дома?

– Не совпало, – с раздражением констатировал Олег, пытаюсь включить дисплей. Но iPhone был разряжен и не проявлял никаких признаков жизни.

– Нужно подзарядить его, тогда мы точно убедимся, что это – техника твоей соседки, – Дмитрий всё ещё не мог понять, что так взволновало друга, но старался не форсировать события с расспросами.

– Это её iPhone. Быстро одевайся и поехали ко мне!

– К чему такая спешка, давай спокойно обсудим и найдём оптимальное решение возникшей проблемы, – Дмитрию не хотелось покидать тёплый уют дома, так и не узнав до конца сути происходящего. Но Олег уже надевал куртку и был неумолим:

– Быстрее, быстрее! Ты даже не представляешь, ЧТО по твоей милости произошло! И ЧТО могло бы произойти!

– Да ЧТО же всё-таки произошло? – в тон другу спросил Димыч, неохотно надевая куртку.

– Выходи, скорее, по дороге расскажу.

V

Рождество, как и Новый год, Инга встретила в больнице. Её беспокоили головные боли, головокружение, тошнота, пе-

репады давления и боли в сердце. Ночью снились кошмары, часто она просыпалась от ужаса в холодном поту. Александр Иванович и слушать не хотел её мольбы, и просьбы о выписке домой.

Это был удивительный доктор. Невысокого роста, с коротким бобриком седеющих волос на круглой, как мяч, голове и твёрдым, хрипловатым голосом властного человека, вступающим в противоречие с небесно-голубыми, почти детскими глазами. Было непонятно, как он умудрялся практически двадцать четыре часа в сутки находиться в отделении. По крайней мере, его зримое и незримое присутствие практически постоянно ощущали пациенты и сотрудники. Всё в огромном, размещившемся на двух этажах отделении проходило под его несусыпным контролем и руководством. Казалось, что он живёт в другом измерении и в его биологическом цикле не двадцать четыре часа, а – по меньшей мере – сорок восемь, так много он успевал сделать. Всегда в белоснежном накрахмаленном халате, поверх синего или голубого хирургического костюма, в белых мокасинах, он совершенно беззвучно передвигался по отделению и, иногда казалось, возникал из ниоткуда, одновременно в нескольких разных местах. Сотрудники привыкли к такой его особенности и всегда были готовы к встрече с вездесущим заведующим, которого побаивались и уважали за высокий профессионализм, любили, как «отца родного», но всегда были начеку, опасаясь попасть под его горячую руку.

А Ингу поначалу немного шокировали его неожиданные материализации, особенно в самый неподходящий момент – то во время её телефонных переговоров, то во время чтения детективных романов или длительных променадов по больничному коридору. Эти занятия Александр Иванович не одобрял и настаивал на палатно-постельном режиме с ограничением всех видов общения и чтения любой литературы. Основами лечения неврологических больных, в том числе и Инги Юрьевны, кроме приёма медикаментов, он считал психический и физический покой, лечебную физкультуру и полноценный сон. И вот на эту основу, как на шампур, мастерски и со знанием дела, он нанизывал свои предписания, настаивая на их неукоснительном выполнении своими паци-

ентами. Оставалось только подчиниться. Возражений он не признавал, возлагая на себя полную ответственность за ход лечения.

Спустя несколько дней с момента поступления в стационар, Инга начала замечать положительные сдвиги в своём здоровье и ей очень хотелось, как, впрочем, и всем остальным, пребывающим в сознании пациентам, чтобы Александр Иванович подольше задерживался в её палате. Как педагогу, привыкшему к обстоятельному разбору темы, ей так же обстоятельно хотелось обсудить свои ощущения, показания обследований, уточнить, что значит «мугу-мугу», «так-так» или «сегодня лучше, чем вчера». Но Александр Иванович, в семь утра стремительно материализовавшись в её палате, задавал несколько вопросов ещё сонной пациентке, скрупулёзно детализируя ощущения, в которых, едва проснувшись, она ещё сама не успела разобраться. Просил оскалить зубы, высунуть язык, попасть с закрытыми глазами в кончик носа и, как маг-волшебник, совершив над ней ряд необходимых пассов своим молоточком, поколов, постучав, спешил к другим ждущим его больным, чтобы потом так же быстро и неожиданно, появиться в палате вновь – для уточнения какой-то важной детали.

Смирившись с необходимостью пройти полный курс лечения, Инга всё же очень скучала по дому, по детям, по работе. До сессии оставалось всего ничего, а у неё ещё две непрочитанные лекции и зачёты в пяти группах.

– Гоша, ты можешь, как коллега спросить у Александра Ивановича, когда он планирует отпустить меня домой? – в очередной раз обращалась Инга к сыну в надежде, что Гоша уговорит доктора выписать её в ближайшее время. – Я себя хорошо чувствую, мне нужно на работу.

– Мамуля, я каждый день спрашиваю! – беззастенчиво лгал Гоша, как врач, понимая, что раньше, чем через три-четыре дня об этом не может быть и речи. – Тебе ещё осталось три капельницы, несколько уколов. Спешить некуда. Закончишь курс – и «с чистой совестью – на свободу!» – в обычной своей манере шутил сын, нежно обнимая мать.

Увлечённые беседой, они не заметили, как в палату вошёл Александр Иванович.

– Это кому здесь лечиться надоело? – глядя на Ингу, с напускной строгостью спросил он и незаметно подмигнул Гоше.

– Александр Иванович, у меня уже ничего не болит. Давление нормализовалось, чувствую я себя хорошо, сплю всю ночь, как пожарник, на одном боку, не просыпаясь! – Слегка кокетничая, Инга с мольбой посмотрела в глаза доктору. – У меня сессия на носу, меня студенты ждут!

– Да, ситуация... Что там у вас на носу, можно взглянуть? – пошутил Александр Иванович и сел на свободный стул у окна. – Говорите, сессия на носу... да, это аргумент. – Он задумчиво почесал затылок неврологическим молоточком, затем положил его обратно в карман халата, – но вы же знаете, Инга, что вам пока противопоказаны физические и умственные нагрузки, эмоциональное напряжение. А сессия – есть сессия. Без нервов не обойтись. «От сессии до сессии живут студенты весело!» Справедливо, Георгий Константинович? – судя по всему, доктор был настроен благодушно.

– Абсолютно с вами согласен, Александр Иванович, – живо поддержал Гоша коллегу, начиная догадываться, чем может закончиться эта беседа.

– А если подойти к проблеме с другой стороны, то вас можно понять. Я вас понимаю – авторитетно заметил доктор. – Я сам стараюсь не подводить коллектив и не одобряю тех, кто так поступает.

– Александр Иванович, миленький, отпустите! – Инга с мольбой сложила ладони перед грудью. – Александр Иванович задумчиво посмотрел в окно. Там тихо шёл снег, замечая недавно расчищенные дорожки. Потом резко повернулся к Инге.

– Ну-с, давайте посмотрим, что мы имеем в настоящий момент. Какое утром было давление?

– Сто тридцать на восемьдесят, уже несколько дней.

– Извините, Александр Иванович, к вам пришли, – в палату заглянула молоденькая сестричка Анечка.

– Аня, скажи, пусть подождут. Я смотрю больную.

– Сказали, что срочно.

– Кто сказал?

– Козаченко. Говорит: «Аня, срочно найди мне Александра Ивановича, дело серьёзное».

– У нас тоже дело серьёзное. Ну-ка, посмотрите сюда, Инга Юрьевна, – он достал из кармана халата свой молоточек и в обычной своей манере, не спеша осмотрел больную.

– Ну, что ж, Инга, давление у вас нормализовалось, неврологический статус тоже, – оставив без внимания реплику медсестры, невозмутимо констатировал доктор. – Капельницы с завтрашнего дня я вам отменю, уколы нужно закончить. Дома сможете обеспечить выполнение манипуляций, Георгий Константинович?

– Конечно, Александр Иванович, – радостно заверил Гоша.

– Вот и хорошо. Завтра, голубушка, поедете домой под полную ответственность Георгия Константиновича. И никаких волнений, переживаний, домашних дел. Неукоснительное выполнение моих предписаний и положительные эмоции, витамины, прогулки на свежем воздухе в первой половине дня. Я понятно выражаюсь?

– Конечно! Конечно! – Инга не верила своим ушам.

– Ну, хорошо. Завтра мы об этом ещё поговорим. А за сим, разрешите откланяться, дела, – уже у двери произнёс Александр Иванович и растворился в тишине больничного коридора.

Открыв дверь своего кабинета, он чуть ли не лбом столкнулся с Дмитрием, своим давним приятелем и неизменным соперником в шахматных турнирах, скрашивающих тяготы ночных дежурств.

– Саша, здравствуй, у тебя лежит Казанцева Инга Юрьевна? – протягивая ладонь для приветствия, взволнованно спросил Дмитрий.

– Да, а что? – отвечая на рукопожатие, поинтересовался Александр Иванович.

– Как она?

– Нормально. Собираюсь завтра выписывать. А что, собственно говоря, случилось?

Дмитрий, шумно и с облегчением выдохнул и сел на диван, резко расстегнув замок на спортивной куртке.

Только сейчас Александр Иванович заметил, что они не одни. С дивана поднялся высокий мужчина, плотного сложения.

– Олег, – представился незнакомец. В его твёрдом и креп-

ком рукопожатии ощущались хорошая физическая подготовка и решительный настрой.

– Александр, познакомься, это мой фронтовой товарищ – полковник Назарчук Олег Николаевич, – представил друга Дмитрий Сергеевич.

– Очень приятно. Ну, рассказывайте, господа офицеры, чем вас заинтересовала моя пациентка, – Александр Иванович с живым интересом и еле уловимым лукавством посмотрел на приятелей, усаживаясь в своё высокое кожаное кресло.

Дмитрий быстро и лаконично изложил суть вопроса и в завершении повествования, положил на стол перед коллегой вещдок – iPhone «Apple» в белом футляре.

– Ну, что сказать? Молодцы. Натворили дел. Нарочно не придумаешь, – глубоко вздохнув, задумчиво произнёс доктор, с преувеличенным интересом разглядывая iPhone. От благодушного настроения не осталось и следа.

– Не понимаю, что Вы от меня хотите?

– Ну, чтобы ты помог как-то смягчить наше объяснение с Казанцевой. Веришь, Саня, я за всю свою жизнь в такой дурацкой ситуации не был. – Дмитрий резко хлопнул себя ладонью по колену и с досадой произнёс: – Мне даже страшно представить, чем могла бы вся эта канитель закончиться! К тому ж Олег говорит, что Инга – женщина тонкая, ранимая. Не из тех, кто коня на скаку...

– Да хоть какая! – Александр Иванович стал пунцовым от возмущения и безжалостно констатировал: – «Ожёг слизистой глаз, рваная рана кожи головы, сотрясение мозга средней степени, стресс! – В потемневших голубых глазах доктора засверкали молнии. – И плюс ещё ограбление! Я слышал, что бандюги забрали у неё золотые украшения, дорогие вещи, технику и всё это – в канун Нового года, когда весь народ празднует и песни поёт...»

Александр Иванович перевёл возмущённый взгляд с Дмитрия и внимательно посмотрел на Олега.

– Мне кажется, я вас видел в отделении.

– Да, я навещал Ингу Юрьевну несколько раз, – сдавленно ответил тот.

– Ну, и как она с Вами? – негодование доктора постепенно сменялось чувством мужской солидарности и желанием найти оптимальный выход из сложившейся ситуации.

– Хорошо. Благодарна за то, что я скорую вызвал и детей... – Олег опустил голову и тяжело вздохнул.

– Благодарна... Да, женщины... Даже я не всегда понимаю, что у них там, в мозгах происходит, – и, словно спохватившись, поспешно добавил, – хотя, такое, говоря по правде, бывает крайне редко. Ну, вот что я Вам скажу, соколы, – он строго посмотрел на притихших мужчин, – сейчас, после курса терапии, Инга вполне адекватно оценивает ситуацию, и с себя вины не снимает. Сейчас успокоилась, смирилась с происшедшим. Об украденных вещах не жалеет, рада, что жива осталась и состояние здоровья не вызывает серьёзных опасений. Со временем восстановится полностью. Будет вспоминать этот Новый год, как кошмарный сон. Дети у неё хорошие. Поддерживают, как могут. Гоша мне говорил, что дома они порядок уже навели. Купили новый телевизор и всё такое, чтобы её возвращение домой было как можно менее травмирующим. Сейчас она спешит выйти на работу, зачёты принимать, экзамены. У педагогов свои заморочки. Ей бы пару деньков у меня ещё побыть, но боюсь передержать. Ты же знаешь, Дима – нельзя лишать организм возможности самовосстановления. В нашем деле – иногда лучше «недо...», чем «пере...». А вы тут со своими откровениями, как снег на голову свалились. Да...

Помолчали.

– Мне не хочется её сейчас волновать вашими признаниями. Честно говоря, я и сам не знаю, как лучше выйти из сложившейся ситуации... Нужно подумать. – В кабинете повисла тишина. Все трое напряжённо думали, и не услышали, как кто-то постучал в дверь и с удивлением уставились на Ингу, появившуюся на пороге кабинета.

– Извините, Александр Иванович, я не знала, что вы заняты. Я постучала, и мне показалось, что вы сказали: «Войдите».

– Инга Юрьевна, здравствуйте! – Олег рванул к ней навстречу.

– Здравствуйте, Олег Николаевич?

– Познакомьтесь, Инга, это мой товарищ – Дмитрий Сергеевич Козаченко. Он нашёл ваш телефон! – выпалил словно из

пулемёта, забыв о предупреждения доктора, Олег.

– Где? – Удивлённый, слегка рассеянный васильковый взгляд скрестился с взволнованно потемневшим, до черноты, серым.

– Милая Инга Юрьевна, присядьте, пожалуйста, вот сюда, – хрипловатый голос доктора, спустя несколько секунд, прозвучал как-то неожиданно, но участливо. Он придвинул стул и заботливо помог женщине сесть. – Сначала взгляните – это ваш телефон?

– Мой!.. Надеюсь, что мой. Олег Николаевич говорил, что...

– Вот и хорошо. Больше – ни слова! – Он положил телефон на стол перед Ингой.

– Вам нельзя волноваться. Иначе завтра я не смогу отпустить Вас домой. Нашёлся, и слава Богу.

Дмитрий Сергеевич и Олег Николаевич – доктор строго посмотрел на друзей, обязательно расскажут все интересующие Вас подробности. Обязательно. Потом. Позже. Когда Вы захотите.

– Я сейчас хочу, – робко произнесла Инга.

– Инга Юрьевна – Дмитрий решительно поднялся с дивана, собираясь повиниться во всём.

– Дмитрий Сергеевич, ни слова больше! Я Вас предупреждал, – Александр Иванович стал строг и безапелляционен, – воспоминания о событиях тридцать первого декабря могут самым негативным образом повлиять на здоровье моей пациентки, интересы которой я защищаю.

– Инга, – произнёс он нежно и очень бережно, взяв ладони Инги в свои, – милая моя! Забудьте Вы этот кошмар, не ворошите прошлое! Живите настоящим, устремляйте свои лучшие мечты в будущее и, как любил говорить старик Зигмунд Фрейд: «Будьте мне здоровы и счастливы»!

В кабинете воцарилась тишина.

Ощущение у всех было такое, что вот только сейчас прошёл весенний дождь, свежий и очищающий. Он смыл грустные мысли, нерешённые проблемы, тягостные воспоминания.

– Я уже забыла, зачем приходила, – Инга медленно поднялась, собираясь уйти. – Я возьму мобильный?

– Конечно! – одновременно ответили мужчины и, не сговариваясь, все дружно рассмеялись.

VI

Весна пришла по календарю. Ночные заморозки не могли остановить её стремительного вторжения. С первых чисел марта солнце весь день не покидало небосклон – и светило, и грело, и радовало.

Все выходные, предшествующие международному женскому дню, Инга провела в поисках подарка к юбилею Тамары. После долгих поисков и сомнений она остановилась на прекрасной шали из тончайшего китайского шёлка. Абстрактный рисунок был хорош плавными переходами чистых, сочных тонов салатного, бирюзы, розового и жёлтого. А по кромке, по всей длине – известные Инге своим написанием – фиолетовые иероглифы: счастье, любовь, удача, здоровье. Именно этого от всей души желала она своей новой знакомой, с которой у неё сложились хорошие, дружеские отношения после выписки из неврологии. Празднование юбилея было намечено на восьмое марта, ведь именно в этот день Тамаре исполнялось пятьдесят пять лет.

Изрядно устав от хождения по магазинам, но довольная результатом своих поисков, Инга решила подкрепиться чашечкой латэ здесь же, в кафе магазина. Размышляя о предстоящем торжестве она не заметила, как к её столику подошёл высокий, импозантный мужчина в белом свитере и черном кожаном пиджаке.

– Вы разрешите присесть за ваш столик?

– Дмитрий?

– Здравствуйте, Инга. Рад встрече. С весной Вас!

– Спасибо. И Вас с весной. А я задумалась и не заметила, как вы подошли.

– А Вас – нельзя не заметить.

– Что, я такая огромная?

– Нет, Вы такая красивая.

– Спасибо за комплимент.

– Это не комплимент, это – чистая правда.

– Вам трудно возражать.

– А Вы не возражайте, Вы соглашайтесь.

– Что, вот так сразу, не глядя? – Ингу начала забавлять эта словесная «чехарда».

– Да, вот так – сразу. И именно, не глядя – Дмитрий лукаво улыбнулся.

– После новогодних событий я стала более осмотрительной. – Инга искоса посмотрела на Дмитрия, пытаясь разгадать, к чему он клонит.

– Ох, простите, ради Бога! – Дмитрий понял, что невольно коснулся запретной темы, стал серьёзным, игривые искорки нырнули в глубокие колодцы зрачков и спрятались там.

– Я виноват перед Вами. Простите меня, пожалуйста.

– Не извиняйтесь, я Вам ещё зимой говорила, что не виню Вас и не держу обиды. Я сама во всём виновата. Если бы я не поспешила с объявлениями, ничего бы не было. Но это – была мне наука. – Инга грустно улыбнулась, помешивая кофе в белой высокой чашке. – К тому же, Вы столько для меня сделали «во – искупление...» – практически обновили всю мою бытовую технику, – она с благодарностью посмотрела на Дмитрия.

Взмах длинными крыльями ресниц и тёплая, синяя волна накрыла его с головой.

– Вы знаете, у меня и половины не было из того, что вы мне подарили, – не замечая перемены в его состоянии, продолжала Инга. – А о существовании некоторых приспособлений я даже не догадывалась. Вы значительно облегчили мою жизнь, – она мягко улыбнулась.

– Ну, надо же, никогда бы не подумал! – пошутил он и вместе с Ингой рассмеялся своей шутке.

– А как Вы себя чувствуете? – после небольшой паузы, заинтересовался он.

– Нормально. Александр Иванович говорит, что я восстановилась полностью.

– Вот и хорошо. Как известно, хорошо то, что хорошо заканчивается. В подтверждение того, что я действительно прощён, не откажете мне в любезности – пообедайте со мной. Ведь сейчас время обеда, а в двух минутах ходьбы я знаю тихий маленький ресторанчик с прекрасной французской кухней. Тамшний шеф повар – настоящий француз и мой хороший знакомый.

– Спасибо, я бы с радостью, но спешу...

– Инга, пожалуйста, прошу Вас, не отказывайте, это не за-

ймёт много времени. А после обеда я быстро доставлю Вас домой. Ведь «повинную голову даже меч не сечёт», – Дмитрий выразительно, с мольбой, посмотрел ей в глаза. Их взгляды опять встретились и повели между собой тихий, проникновенный разговор, удивляясь и радуясь встрече, восхищаясь и наслаждаясь полным совпадением. Им в одночасье открылись дивные миры и неведомые доселе ощущения лёгкости и полёта.

Инга вернулась в реальность первая.

Дмитрий, чуть задержавшись в её васильковом безбрежье, последовал за ней, не без сожаления прервав свой «полёт».

– Хорошо, давайте пообедаем вместе, – в её голосе появились новые, головокружительные оттенки и вибрации. – Только, прошу Вас, без помпезности. Меня, в самом деле, ждут дома.

– Как прикажете, мэм, – в шутовском поклоне он постарался скрыть смущение, которое не испытывал со времён юности.

Она не поняла шутки и раздражённо передёрнула плечами, сочтя такое поведение фиглярством. Он понял промах и смутился ещё больше.

Всё же обед в ресторане «Mon Ami» порадовал Ингу изысканностью блюд и располагающим к приятному общению истинно французскими шармом интерьера и галантностью обслуживания. После бокала «Божоле Вилляж Премьер» от Lois Jadot она окончательно поняла, чем отличается настоящее французское вино от вина вообще и поспешила поделиться своими соображениями с Дмитрием:

– Как всё-таки как отличается настоящее французское вино от вина вообще! – обворожительно улыбаясь, заметила она, грациозно накалывая на вилку гребешок морского петушка, придающего особую пикантность «Гурман-салату». – После нескольких глотков Божоле начинаешь ощущать, что внутри, где-то здесь (она прижала ладони к центру грудины), – зажигается большое солнце и начинает греть и светить, проникая своими длинными золотыми лучами во все клетки организма, зажигая в каждой по такому же, только маленькому солнцу. От этого ты сама начинаешь светиться и излучать. Сразу становится тепло, радостно и безумно весело. Хочется смеяться,

– и в подтверждение сказанного, рассмеялась, слегка склонив голову набок.

Дмитрий был удивлён и очарован своеобразностью и непосредственностью своей спутницы. Сегодня Инга открылась ему заново. За свою жизнь он повидал немало женщин, которые были красивее её и моложе, обладали тонким умом и невероятным шармом, и всё же ни одну из них он не поставил бы на одну ступеньку с ней. Она была восхитительна. Её васильковые глаза, казалось, не только смотрели на мир, а вобрали в себя весь этот мир.

То они мерцали колдовским, томным сапфировым светом, то становились озорными, с пляшущими в них яркими искорками, то беззащитными и наивно-детскими. Ему нравилась её ровная, как у Клеопатры, тёмно-каштановая чёлка, спускающаяся почти до бровей, и яремная ямка у основания шеи, украшенная круглым золотым кулоном. Как магнитом, притягивали нежная, плавно очерченная кисть и тонкие пальцы, держащие бокал, и лёгкий румянец на высоких скулах. Удивляли оригинальность мыслей, тонкий юмор, девичья смешливость, ну, в общем – ВСЁ! Он был пленён, очарован и счастлив от этого.

Однако она спешила.

Расправившись с традиционным французским «Тартаром из говядины» и закусив десертом они покинули гостеприимный «Мон Ами». К огромному огорчению Дмитрия, им не пришлось «стоять» в пробках по причине отсутствия последних, и он довольно быстро и без препятствий, доставил свою спутницу домой. Ему показалось так быстро, что, уже припарковавшись рядом с подъездом, всё никак не мог её отпустить, рассказывал какие-то байки, случаи. Захмелевшая Инга смеялась, периодически порываясь выйти из машины, но что-то останавливало её.

Ей было приятно общество Дмитрия. Он был интересным собеседником и волновал её, как мужчина. Рядом с ним она чувствовала себя легко и свободно и понимала, что тоже нравится ему, чувствовала его мощную энергетику, испытывая лёгкий трепет и истому во всём теле. Мысли пчелиным роем клубились в её голове, некоторые становились навязчивыми:

– Я хочу, чтобы он меня поцеловал... (Боже, что делает с людьми французское вино!).

– Я её не отпущу, пока не поцелую!

Они одновременно посмотрели в глаза друг другу и ... Это был самый нежный, самый страстный, самый упоительный поцелуй в жизни Инги и Дмитрия. Поцелуй, длиною в жизнь. Он продолжался даже тогда, когда она, смутившись, приоткрыла дверку «Вольво», пытаясь покинуть добровольный плен, в котором пребывала с таким удовольствием.

– Спасибо за приятный вечер, Дмитрий Сергеевич, меня уже заждались дома, – сказала она непослушными губами.

– Можно, я Вас провожу? – еле выговорил он.

Утром их разбудил монотонный, царапающий асфальт чих метлы, метущей двор: «Чиих-чиих-чиих».

– Пять утра, – сонно констатировала Инга, нежно прижимаясь к Дмитрию.

– Мсье, не могли бы вы чуть ускорить ритм, – в шутку, с графской галантностью обратился Дмитрий к виртуально-реальному дворнику за окном, – ласково покрывая поцелуями своё пробуждающееся ото сна, сокровище.

В половине седьмого она настояла на том, чтобы он ушёл в семь. Ей было как-то неловко и непривычно жить в его присутствии. Хотелось остаться одной, осознать, прочувствовать случившееся. После непродолжительных, шуточных пререканий, он согласился.

– Инга, мне кажется, я влюбился.

– Креститесь, Дмитрий Сергеевич, если кажется.

– Я не верю в Бога.

– Жаль. А я верю.

– Я буду по тебе скучать.

– Я тоже.

– Давай поужинаем где-нибудь в городе.

– Лучше приезжай домой.

– Куда?

– Ко мне домой.

– С радостью, но не раньше пяти, у меня сегодня операционный день. Что купить к ужину?

– Ничего, просто поскорее приезжай.

Дмитрий вышел из подъезда и полной грудью вдохнул свежий, прохладный воздух, наполненный солнечным светом и

звонящей энергией весеннего утра. На секунду блаженно прищурил глаза.

– Привет, Димыч! – голос был жёсткий, с хрипотцой.

– Привет, – быстро отреагировал Дмитрий и в упор посмотрел в потемневшие, ставшие чужими, глаза друга, возникшего, словно из-под земли. – Откуда ты взялся здесь в такую рань?

– Собственно говоря, я здесь живу. А вот что ты здесь делаешь в такую рань – это вопрос.

– Олег, нам нужно поговорить.

– А что тут говорить, всё и так ясно. Я твою машину с семи вечера стерегу.

– Ты что, спать не ложился?

– Да, так. Не спалось. Какое это имеет для тебя значение? Так о чём ты хочешь со мной поговорить?

– Никакого. Зря стерёг. У меня противоугонка.

– А у меня нет «противоугонки», этим всё сказано.

– Давай сядем в машину.

– Давай.

– Олег, как ты правильно понял, – включив двигатель для прогрева, начал Дмитрий, – я ночевал у Инги, вернее – провёл с ней ночь.

– Ну, и как?

– Мне нужна эта женщина, – сказал он, как припечатал, не реагируя на подколку, прозвучавшую в тоне, которым был задан вопрос.

– Хочешь освежить свою личную жизнь? Получить новые впечатления? Так найди себе двадцатилетнюю искусницу, покатай её на машине, свози к тёплым морям, купи что попросит! Оставайся самим собой! Только оставь в покое Ингу! Она и так нахлебалась в жизни. Ты хороший отец, настоящий друг, хирург – от Бога, но Димыч, не обижайся, ты не способен дать счастье женщине. Поверь, Инга не для тебя.

– Не тебе судить! – раздражённо парировал Дмитрий. – Олег, мне нужна Инга и мне наплевать, что ты думаешь по этому поводу. – От недавнего благодушия не осталось и следа. Голос Дмитрия стал жёстким и бесстрастным. Тело, как пуля, сжалось в комок.

– Когда-то ты увёл у меня невесту. Ну, что ж, значит – не судьба, не будем ворошить прошлое. Но ты понимаешь, что для влюблённого пацана – то был удар ниже пояса. Если хочешь знать, из-за этого у меня всё пошло в жизни наперекосяк. Тебя жизнь тоже не пожалела. Сегодня мы с тобой два одиноких старых волка, давай постарайся не стать врагами и не перегрызть друг другу глотки.

Не встречая явного сопротивления со стороны друга, он продолжал уже более мягким тоном.

– Ты понимаешь, Олег, Инга для меня – не очередная пассивка «от скуки». Я, когда впервые увидел её в больнице, под сознанием ощутил, что между нами есть какая-то связь. Но особо не придавал этому значения. Ты же знаешь, я – закоренелый холостяк, давно не иду на поводу у подсознания – берегу душевный покой. А тут, через время понимаю – не могу её забыть, не выходит она из головы. Ну, думаю, чувство вины и всё такое – через месяц другой забудется, пройдёт. Возместил ей материальный ущерб – а не попускает. Понимаю, что ничего не хочу менять в своей жизни, даже попытался обрадоваться, когда ты с ней наладил добрососедские отношения. А где-то в глубине – «жаба давит», зло берёт. В общем, весь на нервах. Ты ж сам замечал, каким я стал психованным.

– Угу.

Оба глубоко вздохнули, помолчали, глядя каждый в своё окно.

– Одним словом, – Дмитрий резко повернулся к другу, – вчера мы случайно встретились с ней в «Караване». Она сидела в кафе, а я пробежал мимо. Обрадовался, когда увидел. Подошёл. Она сидит такая красивая, такая необычная! Кофе ложечкой помешивает. Вся в себе, отрешённая от мирской суеты. А глаза подняла – прожгла насквозь! Я аж сел. Слово за слово – понимаю, что не могу уйти. Пригласил пообедать к Жану, она отказывалась, но я уболтал.

– Ещё бы, – хмыкнул Олег.

– Ну, а там я вообще обалдел от неё. Я вдруг понял, что на самом деле мне впервые в жизни по-настоящему понравилась женщина, а всё, что было до этого – было просто искушением. Потом я довёз её домой, напросился занести сумки.

– Воспользовался женской слабостью, – съязвил Олег.

– Может и так. Я рад, что мне это удалось. Ведь Инга – крепкий орешек... Ты знаешь. – Олег понимающе и грустно улыбнулся, слегка кивнув головой. Затем жёстко, с вызовом посмотрел на Дмитрия, в глазах читался самый главный вопрос. Дмитрий, погрузившись в воспоминания, медлил с ответом.

– Она не возражала, чтобы я остался. Это всё, что я могу сказать о ней. О себе скажу больше:

– За эти двенадцать часов она так вошла мне под кожу, проняла до мозга костей так, что я не знаю, как доживу до вечера, чтобы увидеть её снова. Верить мне?

В машине воцарилась тишина. Олег и Дмитрий сидели рядом на передних сиденьях, тупо уставившись в лобовое стекло.

– Что за чертовщина, – думал Олег. Почему сердце неподвластно разуму человека и для любви выбирает именно того, кого выбирает? А как объяснить тот факт, что я и Димыч всегда западаем на одних и тех же? (Катюха не в счёт). – Понятно было сразу, что Инга ко мне серьёзных чувств не питает, но ведь нам не по семнадцать лет, когда влюбляются и женятся за три дня. Со временем она бы оценила мою любовь, мою преданность, моё внимание и заботу. Я сделал бы её самой счастливой женщиной на свете. Моей любви хватило бы на двоих. Но она выбрала этого эгоиста и бабника. Нет, Димка не сказал, что она предпочла его. Просто он воспользовался её минутной женской слабостью. Я тоже тысячу раз мог бы воспользоваться, но никогда не позволял себе этого. Я не такой человек. Да и Инга во всех отношениях женщина достойная. Но всё-таки женщина. Выпила немножко, расслабилась, звёзды так расположились, а он и рад! Ну, ничего, посмотрим к вечеру, чего герой-любовник добился. А то, что она необычная – это правда, неудивительно, что проняла его до мозга костей, – он с сожалением, глубоко вздохнул.

– Говорит, не знает, как дожить до вечера. Я его таким ещё не видел. А я вот дожид до утра, прогуливаясь под окнами всю ночь, когда они там любовью занимались, и ничего!.. А, может «чего»? Может, в этом «ничего» и есть те самые гнусные признаки приближающейся старости? Ведь, не смотря на то, что я люблю Ингу и хочу её больше всего на свете, я всё-таки, могу

жить без неё, даже могу ходить под её окнами, понимая, что в это время она отдаётся другому! А Димка – не сможет. Точно – не сможет! – он искоса посмотрел на друга, погружённого в свои размышления...

– А ведь и я раньше не мог! Как-то приревновал Татьяну к майору Бойко, так утром сменившись после наряда, на своём «Ижаке» залетел на второй этаж общаги, прямо под родной порог. Между ними, конечно, ничего не было. Она целомудренно спала в нашей постели и здорово испугалась моей выходке. Долго «дулась». Я просил прощения, но не каялся. Ревновал всю жизнь. Да...

– Ладно, Димыч, твои чувства к Инге мне понятны, – Олег прервал поток мыслей. – А как она к тебе относится?

– Не знаю. Но ты же понимаешь, что она не из тех женщин, которые ложатся в постель с первым встречным?

VII

– Какой кошмар! Докатилась до ручки! Без раздумий легла в постель с первым встречным! – Ингу невыносимо мучили угрызения совести. – Чего мне не хватало? Я давно свыклась с отсутствием мужчины в своей постели и на своей кухне и не хочу, чтобы какой-то стареющий принц что-то менял в моей жизни. Зачем я пригласила его сегодня на ужин? Да простит меня Бог, хоть бы у него в районе пяти появился пациент, требующий немедленной операции и он вынужден был бы отменить встречу. А, может, он постарается сам найти повод, чтобы не прийти. Представляю, что он обо мне подумал! Напилась вина, привела в дом мало знакомого мужчину, несла какой-то бред, вела себя, как похотливая кошка. Кошка! Бр-р-р! – Инге вспомнилось красноглазое чудовище, так повлиявшее на её жизнь. Пытаясь отвлечься от самобичевания, она села в кресло, включила телевизор. Это был музыкальный канал. Пели о любви. Мысленно она перенеслась в события двухчасовой давности.

– Я буду по тебе скучать.

– Я тоже.

– Приезжай поскорее.

– Я буду после пяти – операционный день. Что купить к ужину?

– Ничего. Поскорее приезжай.

Сбросив лёгкое кимоно, легла в разобранную постель, ещё хранящую энергетику недавней ночи. Закрыла глаза, мысленно ощутила на своих губах его горячее дыхание и терпкость поцелуев. Он так хорошо целовался... Страстно, но без всяких вычурностей, не сохраняя баланс между тем, что даёт и что берёт. Он больше давал. Его объятия были такими крепкими, и такими нежными... Она игриво улыбнулась, вспоминая некоторые пикантные подробности. Потом обняла и поцеловала подушку, на которой лежала его голова. Потом передвинулась на его сторону. Ей физически его не хватало. Мысли были только о нём.

– А я, кажется, влюбилась... Угу... Нет, этого не может быть! Это – просто минутная слабость. Со мной ЭТОГО уже не может быть. Просто «Божоле» и в самом деле здорово ударило в голову. Потом – весна, гормоны. Он необыкновенный! Такой сильный, такой красивый! Но зачем он мне? Зачем лишние проблемы, зачем привыкать спать вдвоём? Опять стараться не перетягивать одеяло, чувствовать рядом чужие руки и ноги, засыпать под трансляцию бокса или футбольных матчей? – она улыбнулась, живо представив эту картину.

– Я свободная, независимая женщина, привыкшая самостоятельно принимать решения, разучившаяся подчиняться. Мне нравится жить так, как я живу. И я ничего не хочу менять.

Да и для него эта ночь, скорее всего, была просто приключением. Так иногда располагаются звёзды. Думаю, он осознает это уже по пути на работу. Ведь в его возрасте и с его положением – он – завидный жених. Не удивлюсь, если узнаю, что у него есть двадцатилетняя любовница, имеющая виды на его руку и сердце.

Инга с горечью вздохнула, вспомнив прочитанное где-то, что для того, чтобы найти идеальную партнёршу для мужчины зрелого возраста с высоким уровнем доходов, нужно разделить его возраст пополам, а затем прибавить к этой цифре семь. Так что Диме в партнёрши годятся подруги Надюшки, а не я. Да и он мне не нужен... Хорошо, когда душа и сердце свободны...

Господи, какой позор! А если бы невзначай нагрязнили дети! – в висках застучало от ужаса предполагаемой встречи. – Слава Богу, что это не произошло. – Она встала, пошла на кухню, сварила себе кофе, на автопилоте выпила его, вспоминая всё новые и новые подробности прошедшей ночи, и решила, чтобы не погрязнуть – немедленно прекратить отношения, для начала соврав, что ей срочно нужно уехать недели на две, а там – время покажет. Набрала его номер. – Хорошо, что абонент не отвечает. Значит на операции. Храни, Господь, его пациентов. Даже лучше, что не надо ничего объяснять. Пошлю смс: «Дима, мне срочно нужно уехать на неопределённое время – заболела тётушка. Не звони. Прощай. Спасибо за всё». Инга.

VIII

Олег готовился к свадебной церемонии: новый костюм от Воронина, туфли, рубашка, галстук – всё по – высшему разряду, ведь такие события случаются в жизни не часто.

А для Инги платье шила Тамара – строгий крой дорогих французских кружев цвета «Шампань», тёплого бежа туфли на невысокой шпильке и, конечно, букетик фиолетовых, белых и жёлтых ирисов – любимых цветов. Причёска – то же каре с длиной, ровной чёлкой. В общем, никакой помпезности. Свадебная церемония была назначена (по настоянию Надюшки) – на последний день уходящего года Белой Металлической Кошки. За столом уютного ресторана собрались самые близкие друзья и дети. Балом правили дети Инги и Дмитрия. Право первого тоста было торжественно предоставлено Надюшке:

– Дорогие молодожёны! Что ни говорите – кошка – самое домашнее животное на свете, и она нас не подвела! В этом году она принесла, вернее намурлыкала, нашим двум семьям огромное счастье и большую любовь для самых дорогих нам людей. Mamochka, Дмитрий Сергеевич – совет да любовь! Будьте всегда и безгранично счастливы!

– Мы вас очень любим и от всех детей и внуков дарим свадебный тур на Бали, – поднялись с бокалами Гоша, Андрей, Маша, Максим и Лера.

А ещё – самый главный подарок! – подхватил эстафету Максим, сын Дмитрия.

Под звуки фанфар и аплодисменты присутствующих, внуки вынесли небольшую плетёную корзину, украшенную волнами белоснежных кружев и розовыми бантами. Из корзины с опаской выглядывал зеленоглазый рыжий котёнок.

– Да, пути Господни неисповедимы, – Инга осторожно взяла малышку на руки и нежно прижала к груди. – Ты моя прелесть, – ласково прошептала котёнку на ушко и нежно погладила пушистую спинку, а затем громко добавила: – Я абсолютно уверена, что кошки – это самые милые существа на свете. Правда, дорогой?

– Конечно, – Дмитрий Сергеевич совсем недавно понял, что ему нравится всё, что нравится Инге и был счастлив от такого совпадения.

Он бережно принял ценный груз и передал его в надёжные руки до окончания банкета. Ведь младенцам, тем более из семейства кошачьих, не место в ресторане за свадебным столом. Кошки, что не говорите, самые домашние животные на свете.

После того, как объятия, смех и аплодисменты, вызванные необычным поздравлением детей, утихли, гости выпили и закусили, с наполненными бокалами, для приветствия молодожёнов поднялись Ольга, подруга Инги и, конечно, Олег. У них тоже что-то вроде бы начало намечаться.

ПОДАРОК ДЛЯ АЛИСЫ

*«Все мы любим так же, как понимаем мир.
История любви каждого человека – точный слепок
с истории его отношения к миру вообще».*
Ф. Сологуб

Наверное, ещё при рождении, а может быть и раньше, Всевышний одарил Алису светлой, бескорыстной душой. Вы можете не поверить, что такое бывает, но чем же тогда можно объяснить то неуёмное желание творить добро, ту неиссякаемую энергию, с которой она бралась за любое дело и делала его радостно, с наслаждением, совсем не ожидая благодарности и почёта. Была ли она жертвой своего дара в мире, где много лжи и лицемерия, где всё покупается и всё (или почти всё) продаётся? Конечно же, нет. Её мир был чист и светел. Зла и зависти она не замечала, вернее, рядом с ней зависти и злу места не было.

Просыпаясь по утрам, она радостно улыбалась себе, новому дню и всему, чем был наполнен её мир.

– Повезло тому, кто просыпался вместе с ней, – скажете Вы. И ошибётесь. Рядом с ней не было никого. Разве, что цветы на окнах... Алиса любила орхидеи. Лиловые, лимонные, ярко оранжевые, пронзительно белые – они цвели круглый год и восхищали своей неувядающей красотой.

Алиса умывалась, одевалась, варила кофе, причёсывалась, накладывала лёгкий макияж перед зеркалом и, как все нормальные люди, спешила на работу. А работала она продавцом в магазине «Подарки».

– Повезло человеку, – скажете Вы, – такая праздничная и весёлая работа. – Конечно, повезло, – ответила бы Вам Алиса. Ведь она очень любила свою работу и считала её смыслом своей жизни.

Наверное, никто не будет возражать, что выбор подарка – не

такое уж простое дело. Ведь подарок, как считает Алиса – это не «отмазка по случаю», – это дар, в котором дарящий выражает своё отношение к тем, кому подарок предназначен и, конечно, отражает степень уважения дарителя к самому себе. Подарок красноречивее всяких слов раскрывает сущность человека. Поэтому вариант «сброситься деньгами» для Алисы был совершенно неприемлем в большинстве случаев.

В идеале – подарок – это не гуманитарная помощь, не гонорар и не плата за праздничный обед. Подарок – это, прежде всего – эмоция, светлая, позитивная энергия. Он должен радовать глаз, вызывать восторг, приносить удовольствие и пользу обеим сторонам. Те добрые чувства, которыми обмениваются люди при дарении, дают им дополнительные силы, наполняют душу общей радостью и счастьем. А необдуманно подобранным подарком можно обидеть человека и даже морально уничтожить.

Глубоко познав все тончайшие нюансы своей профессии, она понимала огромную ответственность за те советы, которые давала своим покупателям и, не жалея времени и сил, старалась быть максимально полезной в таком важном и ответственном деле.

– Молодой человек, а какого цвета глаза у Вашей девушки? – Голубые? – Взгляните на эти бусы из отшлифованной бирюзы. – Бирюза – это один из красивейших камней и пользуется популярностью у модниц всех времён. Она приносит счастье. Греки считали бирюзу камнем Афродиты и дарили своим возлюбленным. Это служило своеобразным признанием в любви. А ещё бирюза притягивает богатство и почёт – обладатель бирюзы никогда не будет нуждаться в деньгах, его будут уважать окружающие...

– Я чем-то могу быть вам полезна? – справившись с очередной задачей, спешила она к другим покупателям.

– У вашего отца юбилей? Ему пятьдесят пять? Да, мужчина в расцвете сил. А что любит ваш папа, есть ли у него хобби? Он любит путешествовать? А фотографировать? Очень хорошо. Я бы предложила Вам эту новую модель фотоаппарата...

– Девочки, к какому наряду Вы подбираете аксессуары? Что собираетесь праздновать? Давайте подумаем вместе...

И так на протяжении целого дня и на протяжении многих лет.

Её магазин знали, к ней через весь город ехали за подарками, к её советам прислушивались и уходили радостные с изящно оформленными пакетиками счастья и любви «по случаю» или просто для выражения своих чувств. Одних она провожала сияющим взглядом, счастливая от того, что смогла помочь, к другим уже спешила, чтобы оказаться полезной.

– Как приятно дарить! – часто думала она, когда за довольным покупателем закрывалась дверь её магазина.

Особенно много работы было всегда перед Новогодними праздниками. Алиса предусмотрительно делала заказы и для своих постоянных покупателей, и в расчёте на случайных прохожих, поэтому в её магазинчике всегда толпился народ, никто не уходил без заветного свёртка.

В один из таких суматошных дней, закончив работу, она решила немного пройтись. Это был морозный вечер накануне Рождества. На тёмно-синем, почти чёрном небе ярко светила Луна в окружении золотистой россыпи звёзд, свежевыпавший снег похрустывал под ногами. Праздничное убранство города создавало ощущение сказочной страны чудес. Ветви деревьев, фасады домов перемигивались разноцветными огнями иллюминации, бегло расписывающий сугробы всеми цветами радуги. Из ярко освещённых витрин приветливо улыбались манекены в лыжных костюмах, вечерних платьях и дорогих шубах, сказочные персонажи, игрушечные Деда Морозы, Снегурочки. А от ярких, блестящих нарядов лесных красавиц просто захватывало дух!

Алисе нравилось чувствовать себя маленькой рыбкой в стае снующих в разные стороны рыб. Поддавшись общему настроению, не думая о маршруте, она пришла на городскую площадь к большой нарядной ёлке. Ёлка сверкала и переливалась разноцветными огнями. На зелёных раскидистых ветвях красовались разухабистые зайцы и цирковые лошадки, неуклюжие медвежата, шары, хлопушки, китайские фонарики и покрытые инеем шишки. Алиса с детским восторгом залюбовалась этим сказочным богатством. Подул ветерок, закружились в лёгком вальсе снежинки, закачались и зазвенели игрушки на ёлке. Вдруг из-под зелёной хвои на Алису весело взглянул

игрушечный серебристый Ангелок с хрустальной звездочкой в маленьких ручках. Алиса, как замороженная, залюбовалась этим почти прозрачным, неземным созданием и не заметила, как и когда и в её ладошке появилась маленькая хрустальная звёздочка, точь в точь такая, как у Ангелочка, укрывшегося в мохнатых зелёных объятьях ёлки.

– Подарок! – Алиса всё поняла без слов и долго, бережно сжимая звёздочку в ладошке, счастливая стояла возле ёлки, надеясь ещё раз увидеть своего Ангелочка и, когда его миниатюрная фигурка вновь мелькнула среди ветвей, она быстро и достаточно громко (чтобы он услышал) прошептала ему:

– Спасибо, милый Ангел! Я даже представить не могла, какое это счастье – получать подарки и... Она не успела договорить, кто-то легко коснулся её руки:

– Мне кажется, пани сказала: «Анджей», – из-под рыжей мохнатой шапки на неё смотрели весёлые серо-голубые и по-особенному красивые от холода, глаза незнакомца. Алисе вдруг показалось, что через её сердце вдруг пропустили электрический разряд, и, замерев на мгновение, оно забило в новом, незнакомом ритме. Слов не было. Пространство наполнилось глубоким, удивительным смыслом и звенящей тишиной, которые обычно предшествуют таинству сплетения судеб.

Видя её замешательство, мужчина широко улыбнулся и с лёгким акцентом произнёс:

– Анджей Бронски из Катовице, – он слегка поклонился.

– Мне кажется, пани сказала: «Анджей» и мне кажется, пани замёрзла, – продолжая улыбаться, то ли спросил, то ли констатировал он.

Не в силах произнести даже звук, Алиса, словно заколдованная, смотрела на Анджея своими лучистыми глазами, не чувствуя под ногами земли, не замечая ничего вокруг. Совершенно сбитый с толку этим молчанием и взглядом, окатившим его тёплой, бирюзовой волной, он смутился, жарко покраснел, снял и надел шапку. А затем наклонился и поцеловал Алисе руку, хотя в принципе, такой привычки не имел.

– Ангел – Анджей, – звенело в ушах Алисы.

– Всё не случайно. Кажется, я должна что-то ответить...

*Целуй, целуй меня крепко,
Как если бы эта ночь была последней...
«Besame Mucho»
Консуэло Веласкес Торрес*

На кардиомониторе – изолиния. Высокий, пронзительный писк аппарата, разрывая пространство, взывает о помощи, уверенный женский голос чётко даёт распоряжения:

- Кубик адреналина, два куба атропина!
- Атропин, адреналин – есть!
- Нет сердцебиения!
- Еще адреналин!
- Есть адреналин!
- Фибрилляция – заряжай!
- Отошли все – разряд!!!

Пряный кофейный аромат робко пробирался в Катину спальню. Сквозь плотно закрытые шторы просвечивали тонкие лучи бледного зимнего солнца и щекотали ресницы. Из прихожей доносились приглушённые голоса родителей.

– Как хорошо! – Девушка с удовольствием потянулась в постели, не открывая глаз. Рука случайно коснулась мобильного, лежащего под подушкой. Она быстро открыла глаза, взглянула на дисплей.

– Ура! Ура! Ура! – восемь непрочитанных СМС от него.

Сердце радостно запрыгало в груди, лицо осветила лёгкая улыбка. В СМСках Максим писал, что не может забыть последнюю встречу в «Мосте», полынный запах её волос, глубину глаз, и что с нетерпением ждёт сегодняшнего вечера и хочет при встрече сказать о чём-то важном.

Катя спрыгнула с постели, рывком раздвинула шторы, зажмурившись, улыбнулась солнцу и подошла к зеркалу. Оттуда на неё смотрела стройная, счастливая девушка в розовой фланелевой пижаме с забавным детским рисунком – голубыми мышатами, залихватски сидящими на янтарных головках

сыра, как на Луне. Пушистые русые волосы, беспорядочно разбросанные по плечам, преломляли солнечный свет и создавали вокруг её головы ощущение нимба. Зеленовато-серые глаза ликующе сияли от счастья и предчувствия любви.

– Хороша, – первое, что пришло ей в голову,

– Хороша? – Через мгновенье переспросила она себя, приближая лицо к зеркалу. И тут же кокетливо ответила:

– Над лицом нужно работать.

– Руки? – взглянула на тоненькие белые кисти с длинными пальцами и коротко подстриженными аккуратными розовыми ноготками. Катя озабоченно вздохнула.

– Нет, с такими ногтями на свидание не ходят, – она представила, как красиво будет смотреться её рука с длинным гелевым маникюром, держащая хрустальный бокал с рубиновым вином.

Решение было принято мгновенно: занятия в музучилище отменяются, а вот в салон нужно идти немедленно.

– Катюша, мы ушли, – послышался голос мамы из прихожей. – Смотри, не проспай занятия и теплее одевайся – на улице мороз! Шапку не забудь!

– Не забуду, – прокричала Катя, довольная тем, что теперь никто не помешает осуществить её планы и быстро стала собираться.

Зима в этом году выдалась необычайно снежной и холодной, Казалось, небеса разверзлись и из их бескрайности сыпал и сыпал белый снег, то пушистый и лёгкий, похожий на нежный пух, то, колючий и леденящий, словно легионы неизвестных насекомых, назойливо забирающихся под воротник, жалящих шею, щёки, уши.

Катя выскочила из подъезда, ветер тут же гулко захлопнул за ней дверь, отрезав тепло подъезда от заснеженного двора. Лавочки и карусели на детской площадке превратились в огромные сугробы, рядом с которыми, опёршись на деревянные лопаты, стояли две дворничихи, покрасневшие от мороза, в ярко-оранжевых телогрейках похожие на два гигантских апельсина, и не спешили разгрести снег. Громко, с матерком, они жаловались друг другу на свою опостылевшую жизнь, на пьющих мужей, на детей, которым «только дай», а

отдачи никакой, на депутатов, разъезжающих в лимузинах, на президента и кандидатов, погрязших в выяснении личных отношений и забывших «про народ». С трассы доносились шум и сигналы остановившихся в «пробке» автомобилей.

– Слышишь, Вера, как слуги народа на работу едут! По два часа стоят в пробках на каждом светофоре, пока доедут – уже обед. Пообедают, туда – сюда, обратно нужно возвращаться. Чем не жизнь!

– Да, развелось «джипов» да «ланкюзеров», как собак недорезанных. Только воздух портят, а толку никакого. Этих свиней даже свиной грипп не берёт, – живо поддержала подругу, острая на язык Вера

Проваливаясь в сугробы выше коленей, Катя вприпрыжку понеслась к салону, расположенному в соседнем доме. Шапку и варежки она, конечно, забыла, зябли руки, а волосы трепал и, как заправский цирюльник, по-своему закручивал ветер, щедро присыпая искрящейся алмазной пылью.

Катя поднялась на крыльцо салона. До открытия заведения оставалось 15 минут, в принципе, ждать осталось недолго. Однако персонал задерживался в связи с непогодой. Девушке пришлось согреться традиционным способом: попеременно подпрыгивать то на одной, то на другой ноге и хлопать в озябшие ладоши. Наконец, заветная дверь распахнулась, дохнув в покрасневшееся лицедевушки долгожданным теплом и запахом парфюмов.

Маникюрша, куртуазного вида женщина, с высоко нарисованными чёрными бровями и пышной грудью, на которой, как на взбитых пуховых подушках, проживала свою одинокую жизнь золотая головка Нефертити, явно была не в духе и к тому же, слегка простужена. Лишив себя в связи с опозданием привычной чашки кофе перед началом трудового дня, она не спеша готовилась к обслуживанию первой клиентки. Недовольно подёргивая плечами, подкашливала, драматично прикрывая глаза и вытягивая шею, шмыгала носом, и возмущалась резко возросшими ценами на лекарства и лимоны в связи с эпидемией «свиного» гриппа, вот уже две недели, если верить теленовостям, осаждавшего город. Однако справедливости ради нужно отметить, что Бэла Семёновна, так звали

маникюршу, была мастером своего дела и привыкла работать не только за гонорар, но и на совесть. А её недовольство можно было рассматривать как прелюдию, обязательную увертюру, предшествующую созданию шедевра. Поводы для недовольства рождались и множились в её голове, как рыбки Гуппи, вне зависимости от окружения и обстоятельств.

Когда-то, в далекой молодости она училась живописи в Суриковке и подавала большие надежды. Но, отчаянно влюбившись на третьем курсе в скромного еврейского паренька Веню, забросила учебу. В начале, всё складывалось, как нельзя лучше. Он писал полотна, а она окрылённая любовью, вкладывала все силы и средства, чтобы создать мужу имя в определённых кругах художественной элиты, к которой принадлежала её семья. Уверенная в его любви и не сомневаясь в гениальности, прощала неожиданно распоясавшемуся будущему Сальвадору Дали лень, пьянки, девок, считая себя, подобно Гала, единственной музой всей его жизни.

Но этот негодяй всё растоптал в один миг!

Однажды в стельку пьяный, он поздно пришёл домой и нагло заявил, что полюбил другую женщину, и та ждёт от него ребёнка!

– Веня, ведь любовь – это не исключительно постельное понятие. Ты хорошо подумал, прежде чем осчастливить меня этой новостью, – захлёбываясь слезами, спросила шокированная Бэла.

Он утвердительно кивнул и хрипло, не поднимая тяжёлой головы, сказал: «Да». А потом по-хамски добавил: «Бельченок, прости, если можешь...»

О чём тут говорить? Настоящая Женщина может простить!

Хоть и не сразу, может быть и не всё, и, может, не совсем, но ради семьи, ради детей, и «чтоб подлец не сдох под забором», может простить и ложь, и пьянство, и блядство... да что угодно! Но нелюбовь – НИКОГДА!

Мокрая от слёз, Бэла собрала подлецу чемодан, вызвала такси и, на прощанье, чтобы слышал весь подъезд, громко пожелала: – «Будьте вы, сволочи... счастливы!» – и гулко хлопнула дверью у иуды за спиной.

После этой катастрофы она решительно порвала все прежние контакты и ушла из большой живописи. Но это совсем не

означало, что её жизнь стала пресной чередой повторяющихся дней. В ней было всё – болезни и одиночество, находки и потери, падения и взлёты, провалы и успехи. Но неизменным оставалось только одно: рядом с ней всегда были успешные, обожающие её мужчины. Ах, как она крутила им головы! И не только головы. В любой своей ипостаси она самозабвенно вертела мужчинами, как цыган солнцем и получала максимум того, что они в силах были ей дать.

Но замуж так и не вышла, никто из пылких поклонников не осчастливил её маленьким Бельчёнком. Об этом она не любила говорить.

А что касается высокого искусства, то последние двадцать лет писала свои «шедевры» на ногтях клиентов, и на чём свет ругала современную живопись, называя её не иначе, чем «выжопись» и «вжопись», и с неизменным пафосом рассуждала о настоящих мастерах, к плеяде которых, не без основания причисляла и себя. Благодаря этим мини-лекциям и росписям на своих ногтях, постоянные клиентки Бэллы Семёновны весьма неплохо ориентировались в основных художественных направлениях и тенденциях.

Заслушавшись историей жизни Кацусико Хокусая, одного из самых знаменитых мастеров японской гравюры и пейзажа восемнадцатого века, Катя не заметила, как на её ногтях, наперекор зиме, на голубом, белооблачном фоне вдруг раскрыла нежные, розовые лепестки японская сакура. Счастливая, не чувствуя под собой ног, и крепкого мороза, она побежала готовиться к своему первому, настоящему романтическому свиданию с Максимом.

Перебрав свой гардероб, Катя остановилась на пушистом белом свитере и коротенькой серой юбке. Надев шубку, она красиво раскинула волосы по плечам и выскочила на улицу. Такси уже ждало её у подъезда, весело моргая желтой шашкой. Она назвала нужный адрес и, расположившись на заднем сидении, тут же оказалась в волшебном мире, сотканном из полумрака вкусно пахнущего салона, страстного пения испанского тенора и быстро мелькающих придорожных огней. – «Besame, besame mucho»... «Целуй, целуй меня крепко, как

если бы эта ночь была последней. Целуй, целуй меня крепко, ибо я боюсь тебя потерять навсегда...»

Мелодия обволакивала и пьянила. Катя представила себя в объятиях Максима и растворилась в них.

«Мост-сити» – громадный торгово-развлекательный комплекс в центре города – был переполнен людьми. Вечером здесь любили посидеть за чашечкой кофе или бокальчиком чего покрепче студенты и служащие близлежащих офисов. Катя с трудом нашла свободный столик. Нервно оглядываясь по сторонам, она искала знакомое лицо. Максима в кафе ещё не было. Несколько раз к ней пытались подсесть симпатичные парни, но каждый раз она твердо отвечала, что «место занято».

Спустя некоторое время девушке показалось, что в помещении стало холодно. Она набросила шубку на плечи, но согреться так и не смогла. Её знобило, болела спина. Стала тяжёлой голова и появилось ощущение, что на неё надели тесный свинцовый обруч. Её всё труднее было удерживать на плечах, хотелось лечь. Чтобы немного взбодриться, Катя заказала чашечку кофе с коньяком и заварное пирожное, которое очень любила. Кофе выпила с удовольствием, а пирожное, несмотря на то, что целый день ничего не ела, вызывало приступ тошноты. К нему девушка даже не притронулась. Она то и дело набирала знакомый номер, но вежливый электронный голос просил оставить сообщение абоненту, который в настоящее время был в зоне недоступности.

Рассеянно разглядывая расцветающую сакуру на ногтях, Катя с болью и обидой начинала понимать, что Максим не придет, но уйти самой уже не было сил.

Прошёл час ожидания, к столику подошла официантка, встревоженная бледностью и подавленным видом девушки.

– Что-то еще будете заказывать? – задала стандартный вопрос, но, разглядев девушку поближе, сочувственно спросила:

– Милая, что с тобой? – не в силах произнести даже слово, Катя отрешённо посмотрела на женщину затуманенными слезами взглядом.

– Заяц, не плач, – официантка присела на свободный стул и обняла её за плечи, прижала к себе, собираясь сказать что-то утешительное, но тут же вскочила.

– Боже, да ты вся горишь! – вскрикнула она, прижимая руку к Катиному лбу. В эту минуту девушке показалось, что её тело слеplено из ваты и невесомости, в ушах появился нарастающий, навязчивый и пронзительный звон. Стул, на котором она сидела, блюдо с пирожным, встревоженное лицо официантки, веточки цветущей сакуры – всё начало кружиться в быстром темпе и вдруг кануло в темноту.

Катя почувствовала, будто её тело оторвалось от земли и воспарило в пространстве, затем резко опустилось на что-то жёсткое. Потом появилась давящая боль в плече. Откуда-то издалека к ней донёлся вой сирены, в котором с бешеной скоростью понеслась она среди огней, звуков и обрывков гулких фраз.

Когда девушка начала осознавать себя, ей показалось, что на её веках лежат тяжёлые гири, мешающие открыть глаза. Слух улавливал нарастающие, плачущие звуки, похожие на сигналы точного времени на радио.

– Который час? – спросила она себя и безуспешно попыталась разомкнуть глаза. Наконец-то ей это удалось: перед ней простиралось бесконечное белое облако, в котором окружающие ее предметы начали приобретать очертания. Девушка увидела белый потолок и стены, большое незанавешенное окно и широко расставленные, цвета чая, обрамленные длинными черными ресницами глубокие глаза, которые смотрели на нее с тревогой и надеждой...

Максим проснулся в приподнятом настроении – он был влюблён и счастлив.

Катя... вспоминались её улыбка, мимолётно брошенные фразы, поворот головы, маленькая родинка на виске...

Сегодня он решил признаться ей в любви, но не в кафе, а у себя дома. Конечно, для такого важного дела необходимо было создать соответствующую романтическую атмосферу в своей холостяцкой квартире, заваленной книгами, дисками, спортивным снаряжением – начиная от теннисных ракеток и заканчивая горными лыжами. Весело насвистывая, принялся разгребать завалы.

От работы его оторвал телефонный звонок. По рингтону Максим понял, что это мама.

– Добрый день, сынок, – услышал он взволнованный голос Ирины Александровны.

– День добрый, мамуля. Ты что-то сегодня не в голосе.

– Ты знаешь, Макс, я сегодня всю ночь не сомкнула глаз, – выпалила она без предисловий. – Нора оценилась. У нас пять прекрасных щенков, а вот с Норочкой что-то не ладно – отказывается от еды, нос горячий. С утра не хотела тебя будить, но вижу, что сама не справлюсь. Приезжай. Я хочу, чтобы ты посмотрел её, заодно и малышняй полюбуйся.

– О, мамуля, поздравляю с пополнением семейства, – Максим умышленно проигнорировал ключевое слово «приезжай»...

– С Норой ничего страшного случиться не может. Чай, не впервой рожает! – шуткой он хотел отвлечь мать от надуманных переживаний. Они спят?.. Вот и хорошо. И ты ложись, отдохни немного.

По напряжённому молчанию в трубке, Максим понял, что матушку не устраивает такой вариант. Спустя несколько секунд он услышал её обиженный голос:

– Мать, конечно, на последнем месте, но с этим я давно уже смирилась. Хоть собаку пожалей. Ей щенят кормить нужно!

– «Возражать бесполезно», – подсказал внутренний голос.

– Хорошо, я буду через час, – во избежание конфликта пообещал он, с сожалением понимая, что уборку сегодня уже не завершит. А это значит, что романтический ужин при свечах, скорее всего, откладывается. Придётся Кате всё сказать в кафе.

Зима сыпала и сыпала снегом. Максим простоял в пробках около двух часов, и как назло, в мобильном сел аккумулятор. Зарядку он, естественно, оставил дома.

К матушке добрался не скоро. Состояние здоровья любимой таксы и новорожденных щенков не вызывало опасений. Однако Ирина Александровна скучала по сыну и старалась задержать его у себя подольше. Сначала она подробно рассказала ему обо всём, что касалось родов Норы и их предвестников.

Потом настояла на обеде в семейном кругу и по полной нагрузила новостями, как местного, так и международного значения.

Максим же, в свою очередь, рассказал ей о Кате, с которой познакомился несколько месяцев назад, признавшись, что именно такую девушку он искал всю жизнь. Пообещал в скором времени их познакомить.

Ирина Александровна осталась довольна визитом сына.

– Тебе уже давно пора жениться, я внуков хочу – в шутку назидательно сказала она и попросила немедленно обратить внимание на свой внешний вид – сменить, наконец, объёмные свитера и джинсы на приличный костюм и светлые рубашки с галстуком, а так же немедленно сходить в парикмахерскую.

– Мамуль, я уже взрослый мальчик, позволь мне самому решать, что носить, и как стричься, – он обнял, и громко чмокнул её в щёчку, – но я обязательно учту твои пожелания, – тут же ретировался, на лету перехватив обиженный взгляд, и выскочил на площадку, в принципе, не возражая против перемен.

Когда он вышел во двор, короткий зимний день уже погас, уступив место звёздному синему вечеру. Машина по «самые брови» сидела в мокром снегу, и Максиму пришлось изрядно попотеть, чтобы благополучно выехать со двора. Раздражал разряженный мобильник, отрезавший его от мира. Он включил радио, и тут же салон заполнил страстный, проникающий в самую душу бархатный голос Плачидо Доминго: «Besame, besame mucho...»

– Целуй меня крепче, – твёрдо сказал Максим и нажал на газ.

До встречи с Катей оставалось около часа, и он успел купить букет коралловых роз и забавного фарфорового зайчонка. Отъезжая от цветочного магазина, не справился с управлением, на льду машину занесло, и она задним бампером врезалась в бок «Джипу».

Домой вернулся за полночь, продрогший, уставший, голодный. Итогом сегодняшнего дня, кроме штрафа, проблем по восстановлению двух автомобилей и утерянного мобильного, было еще несостоявшееся свидание. Он не мог найти себе оправдания и молил Бога, чтобы Катя его простила. Позвонить

ей он теперь не мог, оставалось ждать следующего вечера, чтобы встретиться после работы и рассказать всё, как было.

Два вечера подряд он ездил к девушке домой, дежурил в поезде, но ни Катю, ни её родителей он так и не смог увидеть.

Максим терялся в догадках...

К ночи резко похолодало. Порыв обезумевшего ветра разбил наружное стекло в палате, и санитарка Люся поспешно убирала стекла. Сквозь тонкое дребезжание падающих в ведро осколков услышала громкий, как сирена, телефонный звонок.

– Опять кого-то привезли, – она обреченно вздохнула. – Ночка, наверное, будет «веселой».

Трубку взяла Наталья Сергеевна – дежурный врач.

– Сатурацию измерили? ...Почему? – услышала Люся строгий голос докторши и поняла, что не ошиблась в своих предположениях.

– Хорошо, сейчас спустимся, – Наталья резко положила трубку.

– Лена, бери всё необходимое и быстро за мной, деловито скомандовала медсестре, почти бегом направляясь к лифту.

Приемное отделение располагалось на первом этаже клинической больницы. Именно сюда «Скорая» привезла Катю. Девушка уже пришла в себя и беспомощно осматривалась. Ей казалось, что из помещения выкачали воздух, поэтому вдох давался ей с большим трудом, и она с удивлением наблюдала, как все вокруг свободно дышат, говорят и что-то делают. По одежде присутствующих Катя начала догадываться, что она в больнице. К ней подошли две женщины.

– Как тебя зовут? – спросила та, что была повыше.

– Катя.

– Что с тобой случилось, Катюша? – наметанным взглядом Наталья Сергеевна оценила общее состояние пациентки и погрузилась в изучение ещё влажного рентгеновского снимка, помещённого в негатоскоп. Рентген картина была не утешительной.

Затем, оторвавшись от снимка, она внимательно осмотрела пациентку, попутно задавая необходимые вопросы. Бледная, с прилипшими к высокому лбу влажными волосами, Катя сбивчиво, с передышками, рассказала доктору всю свою коротенькую историю, путаясь в подробностях и до конца не осознавая происходящее. Выслушав девушку, доктор опять углубилась в изучение снимка, затем глубоко вздохнула, почти определившись с диагнозом: «Двусторонняя пневмония». А с учётом клиники и эпиданамнеза – точно H1N1.

Она взяла влажную горячую ладонь девушки, собираясь надеть ей на палец клипсу пульсоксиметра, и невольно восхитилась росписью на ногтях:

– «Где ж такие шедевры создают»? – и, не дожидаясь ответа, деловито уточнила:

– Ногти акриловые?

– Гелевые, – тихо, смущаясь, ответила Катя.

Наталья резко выключила пульсоксиметр, понимая, что гель может исказить показания прибора, имеющие важное диагностическое значение.

– Оформляйте историю за реанимацией, мы её забираем, – сказала она врачу приёмного отделения, чтобы не терять и минуты драгоценного времени.

Санитарка Люся, закончила уборку и заваривала чай, собираясь подкрепиться перед «ничего хорошего не предвещающей ночкой». Отпив всего пару глотков крепкого сладкого чая, бальзамом разлившегося по всему телу, она услышала гулкий звук открывающихся дверей лифта и голос Натальи. Не дожидаясь указаний, обречённо вздохнула и бросила прощальный взгляд на аппетитный недоеденный бутерброд с докторской колбасой и побежала готовить постель для вновь поступившей больной. Открыв дверцы шкафа, где хранилось постельное бельё, по привычке, начала тихо возмущаться:

– Больных скоро вообще на матрацы «ложить» будем. Ну, что это за бельё! Не закупалось ещё со времён Царя Гороха! Дырка на дырке, а цвет такой, что можно удавиться! Хорошо, что нашим больным всё равно, себя не помнят – не до

постельного. А если бы понимали, то умирали б не от болезни, а только от вида наших простыней и пододеяльников. Эх, – вздохнула она горько, не такой должна быть реанимация в двадцать первом веке, не такой...

Катю с каталки переложили на рыжую, выдавшую виды, простыню и накрыли тонким поношенным одеялом в ветхом пододеяльнике неопределенного цвета. Подошла Наталья и, приподняв край одеяла, обреченно вздохнула:

– Лена, у тебя ацетон есть?

– Ацетон? – удивилась медсестра Лена, для которой слово «ацетон», когда она была на работе, ассоциировалось только с изменениями в анализе мочи.

Наталья поняла её недоумение и улыбнулась:

– Я не о моче. Будем снимать лак с ногтей, – и показала рукой на розовый педикюр: – Здесь всё просто. А на руках у неё гель, посмотри, какая роспись. Его не так просто снять, а если подключим пульсоксиметр так, не снимая, прибор может врать. А нам, как ты понимаешь, оксигенацию нужно знать точно. Сейчас от этого зависит... всё.

– У меня ацетон есть, дома, – сказала Люся, – Купила вчера, ремонт делаем. Наталья, Сергеевна, мы тут рядом живём, через дорогу.

– Дома кто-то есть?

– Да! Ваня и Тарасик.

– Немедленно звони мужу, и у тебя на «всё про всё» – 10 минут.

– Лена, быстро подключайся в обе вены, будем капать...

Через 15-20 минут монитор пульсоксиметра высветил неутешительные показатели насыщения крови кислородом и частоту пульса. В этой ситуации медлить было нельзя.

Всю ночь и несколько последующих суток врачи боролись за жизнь девушки.

Последнее, что услышала Катя, было слово «адреналин»... Потом наступила тишина...

Была ночь. На темно-синем небе хрустальными льдинками сверкали и искрились далекие звезды. Над горизонтом завис

огромный белый диск Луны, обладающий притягательной, магнетической силой.

Как бы со стороны Катя видела себя, идущую по лунной дорожке вверх, невесомую и прекрасную. Внезапно она почувствовала нежное дуновение ветра, ласково поднявшего и вскружившего ей волосы. Девушку окутал тонкий, пленительный аромат, исходивший от стремительно приближающейся к ней воронки, сотканной из розовых лепестков цветущей сакуры.

Подняв руки высоко над головой, сложив ладони рыбкой, Катя поднялась на цыпочки и, оттолкнувшись от лунной дорожки, как от трамплина, легко нырнула в зев крутящейся воронки и растворилась в ней

Утром Максим Петрович привычно вошел в секционный зал. Голубоватым светом мерцали неоновые лампы, слегка щекотал в носу запах формалина.

– У вас сегодня три вскрытия, доктор. Вы уже смотрели истории болезней? Они на столе в кабинете, – услышал он знакомый голос медсестры.

– Вера Николаевна, несите их в зал, я здесь посмотрю, – распорядился он, задумчиво приподнимая простыню с обнаженного тела девушки на секционном столе. Его внимание привлекли бледные руки, сложенные на груди. Скорее, не руки, а ногти с необычной росписью – на голубом, бело-облачном фоне по-весеннему распускала свои розовые цветы японская сакура. Эта жизнеутверждающая роспись явно диссонировала с бледным, холодным безмолвием своей обладательницы и строгой, формалиновой атмосферой секционного зала. Максим Петрович поднял простыню выше, чтобы увидеть лицо обладательницы шедевра.

– Катя, Катюша! – то ли прошептал, то ли прохрипел, то ли прокричал он, вдруг окаменев.

А за спиной монотонный голос Веры Николаевны уже читал: «Труп Ковалевой Екатерины Олеговны, 1990 года рождения, доставлен в морг...»

«ПРОКАТИ МЕНЯ
НА МОТОЦИКЛЕ»

*«Есть многое на свете, друг Горацио,
что и не снилось нашим мудрецам».
У. Шекспир «Гамлет»*

Вообще-то он совсем не собирался ехать в эту командировку. Ещё чего не хватало! Пусть молодёжь трясётся в поездах. Он уже своё отъездил. Теперь всё чаще профессор Левченко на заграничные симпозиумы и конференции летал в бизнес-классе, а по Украине передвигался в скоростных экспрессах или в личном авто – «Тойота Камри» 2012 года выпуска, получая наслаждение от скорости, комфорта, музыки, льющейся из стереосистемы шикарного авто. По плану, в эту командировку с лекциями для врачей должен был ехать доцент Савчук, но за неделю до отъезда тот упал на льду и серьёзно повредил ногу со всеми вытекающими из этого последствиями – операция, гипс, постельный режим. Заменить его оказалось некем, значит, ехать пришлось «САМОМУ».

Накануне отъезда Вадим Сергеевич созвонился с принимающей стороной, а конкретно с ответственной за организацию выездного цикла – Надеждой Игоревной.

Что-то завораживающее, волнующее было в её голосе. Слегка низковатый, вибрирующий, неторопливый – казалось, он поднимался откуда-то из самых глубин, переполнял грудь и, поднимаясь всё выше, изливался интригующей бархатистостью речи.

– Наверное, такими голосами пели Сирены, сбивая с пути мореплавателей, – подумал Вадим Сергеевич, глядя на потемневший экран дисплея, из которого секунду назад обволакивающе прозвучало: «Утром я буду встречать вас на перроне».

Надежда Игоревна была бессменным организатором врачебных конференций, курсов повышения квалификации, тематических тренингов по многим причинам. Во-первых – должность обязывала. Во-вторых – она была миловидной жен-

щиной того прекрасного возраста, когда уже не нужно беспокоиться о том, справились ли чада с домашним заданием, успели выгулять собаку муж, ведь в жизни уже всё произошло, устоялось, наладилось. А в-третьих, энергии и коммуникабельности ей было не занимать и до монотонной осени жизни было ещё далековато. Она обладала одновременно светским шармом и едва уловимой непосредственностью в сочетании с мощным интеллектом творческого человека и потомственного врача. Кроме того, имела такие связи, что организация подобного рода мероприятий была для неё не тяжкой обузой, а так – лёгкой разминкой. Она и сама получала удовольствие от общения с новыми интересными людьми.

По радио объявили прибытие поезда. Надежда вышла на перрон. Локомотив, важно и тяжело пыхтя, подкатывал свои вагоны к встречающим.

– Это она! – Вадим Сергеевич безошибочно узнал в стремительно приближающейся к нему высокой статной женщине в чёрных брюках и светлом норковом полушубке с откиннутым назад капюшоном обладательницу волшебного голоса. Встретились глазами.

– Вадим Сергеевич?! – Здравствуйте. Я – Надежда Игоревна. Можно просто – Надежда, – протянула для приветствия узкую ладошку.

– Здравствуйте. Очень приятно. Профессор Левченко, – они обменялись лёгким рукопожатием.

– Как доехали, профессор? – На морозе её голос был звонче, казался молодым и лишённым той пленительной бархатистости, так взволновавшей Вадима Сергеевича во время телефонного разговора. А глаза были как бездонные омуты – зеленовато-карие, обрамленные длинными чёрными ресницами.

– Доехал хорошо, благодарю, что встретили. Надежда Игоревна, какая у нас программа на сегодня? – Вадим Сергеевич едва поспедал за устремлённой вперёд Надеждой. Они быстро миновали перрон и направились к парковке автомобилей.

– Вообще, программа насыщенная, но сегодня – по облегчённому плану, ведь Вы с дороги. – Улыбнувшись, Надежда открыла перед профессором дверку серебристого «Nissan», сама села за руль, повернула ключ зажигания и, аккуратно

трогаясь, сразу начала знакомить его с форматом предстоящих занятий, а также – проплывающими за окном достопримечательностями родного города.

Он слушал, пытался вникнуть в исторический экскурс, краем глаза поглядывая на тонкий профиль, нежную мочку уха, украшенную изящной золотой серёжкой, лёгкие пряди русых волос на откиннутом капюшоне, на овальные, не лишённые аристократичности, ладони на руле.

– «Хороша Маша, да не наша» – неожиданно пришло на ум. Он улыбнулся крамольности своих мыслей. Но ничего не подделаешь, ему определённо нравилась эта женщина. Отвернувшись к окну, Вадим Сергеевич торопливо поднял выше подбородка шарф, чтобы спрятать от быстрого каре-зелёного взгляда своей спутницы и даже от самого себя глупую пацанячую улыбку, упрямо не желающую покидать лицо.

Сначала заехали в тихое, уютное кафе. Надежда со знанием дела сделала заказ, практически стопроцентно угадав гастрономические пристрастия профессора. Во время обеда они неспешно обсудили тематический план лекций.

– Вадим Сергеевич, что Вы скажете по поводу такого графика работы: сразу после завтрака я забираю Вас из отеля, мчимся на лекции. Начало в девять утра. Работаем с перерывами. Обед в четырнадцать. После обеда – культурная программа с учётом Ваших интересов.

– Надежда, я впервые в Вашем городе, – он желал продолжить общение в неформальной обстановке. – Хотелось бы побродить, так сказать, ощутить атмосферу. Наверняка, у Вас много красивых мест, есть, что показать, есть, что посмотреть. Я люблю музеи, театр. Кстати, слышал много лестного о Вашей труппе и самом театре, – тут он слукавил, потому что ничего не слышал ни о труппе, ни о театре. Просто сказал первое, что пришло на ум. Но неожиданно для себя, попал в самое яблочко.

– Да, у нас замечательный театр. Я думаю, что его можно назвать сердцем нашего города! – она вдруг оживилась, от размеренной деловитости речи не осталось и следа. Заговорила быстро, увлечённо, подкрепляя свой рассказ богатой и изящной жестикующей. За каких-то пятнадцать-двадцать минут

Вадим Сергеевич узнал историю создания театра, имена основателей и ведущих актёров с конца девятнадцатого века и до наших дней. Она с восхищением рассказала ему об удачных постановках, особенно о новом спектакле «Назар Стодоля», который смотрела на одном дыхании, искренне переживая события, происходящие на сцене, утратив ощущение реальности. И не могла скрыть негодования, когда рассказывала об одном провальном спектакле, в котором её любимый актёр вдребезги разбил на сцене скрипку.

– Это было лет семь назад. Но до сих пор не могу забыть, вот не даёт мне это покоя, – в её голосе прозвучали сожаление и досада.

Итак, дебют одного молодого режиссёра. Задействованы лучшие артисты, много талантливой молодёжи. Я ожидаю чего-то необыкновенного. Собрались на премьеру несколькими семьями. Оделись, как говорится, во всё лучшее, купили цветы. Но с первых сцен стало понятно, что спектакль – провальный, полуголые актёры бегали по сцене, кричали текст, как бешенные. Я даже начала беспокоиться, что к середине первого акта они совсем охрипнут. Затем главный герой, чтобы убедить зрителя в том, что он действительно «крутой перец», видимо по замыслу режиссёра (не думаю, что – автора), вдребезги разбивает на сцене скрипку и ломает почти все декорации. Дальше смотреть уже было невозможно. В голове один вопрос. Как Вы думаете, какой?

– Как пробраться к выходу? – попытался угадать профессор.

– Нет. – Куда деть букет? – Он явно оказался нектати. Не дожидаясь тотальных разрушений на сцене, я вышла из зала и отдала цветы контролёру...

За мной последовала вся компания. С тех пор я не ношу в театр букеты, боюсь сглазить спектакль. Хотя, честно говоря, иногда бывает стыдно, что без цветов. Актёры так выкладываются, просто проживают свои роли. На бис хочется просто осыпать их цветами!

Немного помолчав, Надежда тихо добавила: «Люблю, когда играют и живут без фальши».

Вадима Сергеевича заинтриговала театральная тема, так раскрывшая его спутницу, и он решил поддержать разговор в этом русле.

– Вы так любите театр... за что? Ведь в жизни, как и на сцене – сплошное лицедейство.

– Не буду спорить. Ещё Шекспир сказал «Весь мир театр, а люди в нём – актёры». Мы все играем какие-то роли. Но я не люблю, когда лукавят. И в театре и в жизни. В театр я хожу за искренностью, эмоциями. Мне нравится, когда актёр, хотя бы на два часа становится тем, кого играет. Это не лицедейство. Это правда жизни, вернее – это его маленькая жизнь, и моя, если в его игру я поверила. При хорошей пьесе и хорошей игре мне довольно часто удаётся полностью погрузиться в происходящее на сцене, и я так же люблю своё состояние после «занавеса», – она глубоко вздохнула и немного помолчала, а затем неожиданно добавила:

– Ощущение, как после родов или после тяжёлой болезни, когда уже повернуло на улучшение, – слегка улыбнувшись, она пристально посмотрела на профессора, пытаюсь понять, интересна ли ему эта тема, и убедившись в его заинтересованности, с чувством произнесла: – На какой-то миг всё будничное, обычное отступает, остаётся внутри какая-то звенящая лёгкость, пустота – чистая, как белый лист бумаги, и кажется, что можно начинать в жизни всё сначала... После спектакля я люблю помолчать, чтобы подольше удержать это ощущение...

В повседневной жизни этой внутренней тишины и умиротворения, простоты и лёгкости мне не хватает, – подытожила она свой монолог.

Несколько опешив от таких неожиданных откровений, он, поразмыслив над сказанным, чуть погодя нарушил молчание:

– На самом деле, этих ощущений всем не хватает. Только не каждый их может получить в театре..., – ему хотелось, чтобы Надежда продолжала говорить, но она, словно почувствовав расставленные ловушки, спохватившись, замолчала. Повисла томительная пауза, нужно было спасать положение.

– Однако вы меня заинтриговали, – он придал бодрость голосу. У нас ведь запланирован поход в театр?

– Конечно, – она с облегчением поддержала ноту.

– Я бы хотел посмотреть «Назара Стодолю».

– И «Ярмарку» Гоголя, – без промедления добавила она ещё один любимый спектакль.

– И «Ярмарку» Гоголя.

– ОК! ... – утвердительно улыбнувшись, она поднялась из-за стола, давая понять, что первая часть «Марлизонского балета» закончена. И, как-то по-девичьи, кокетливо добавила:

– Вы не будете возражать, профессор, если мы сейчас проследуем в отель, на место Вашей временной дислокации.

– Ни в коей мере, – он с удовольствием поддержал игру, надеясь на весьма нескучное времяпровождение.

А спустя всего полчаса, убедившись, что Вадим Сергеевич вполне доволен уровнем отеля и номером, в котором ему предстоит жить в течение всей недели, Надежда с лёгким сердцем уже умчалась по своим делам, оставив у него ощущение чего-то несовершенного. А также – еле уловимый, пьянящий аромат «Nina Ricci Love in Paris» и осязаемую наэлектризованность пространства.

Неделя занятий пролетела незаметно и для Надежды и для Вадима Сергеевича. Он блестяще прочитал запланированный курс, сорвав на последней лекции аплодисменты курсантов, а она закружила его в вихре культурной программы. Они побывали в двух картинных галереях, в краеведческом музее, в областной библиотеке, съездили на родину корифеев театра – хутор «Надію», носящий имя жены Ивана Карповича Карпенко-Карого – Надежды Карловны Тобилевич-Тарковской и, конечно, посмотрели «Назара Стодолю» и «Ярмарку».

Гоголевская «Ярмарка» в новой интересной интерпретации поразила своими яркими красками, искромётным юмором, подарила ощущение праздника, радости жизни, в некоторых эпизодах рассмешила до слёз.

– Вадиме Сергійовичу, зверніть увагу на «цю незасватану дівчину у куценькій спідниці», – Надежда шёпотом обратилась к профессору на рідній українській мові.

– На яку? Оцю, з довгою косою та бездоганно стрункими ніжками?

– Авжеж.

– А що таке?

– Ця дівчина – заслужена артистка та моя пацієнтка, їй за сімдесят! – с гордостью прошептала Надежда.

– Це неможливо!

– Возможно, профессор, возможно. У театрі корифеїв неможливого бути не може.

И, удовлетворённая произведённым эффектом, опять «с головой» окунулась в «Ярмарку».

В день отъезда профессора, по счастливому стечению обстоятельств, в театре «давали» Шевченковского «Назара Стодолю».

– «Назар Стодоля» – это, если можно так сказать – тяжёлая артиллерия театра корифеев – Надежде хотелось подготовить Вадима Сергеевича к серьёзному просмотру. Сама она любила этот спектакль, почти дословно знала текст и, несмотря на незамысловатый сюжет, находила в нём много созвучного с современными реалиями. По дороге в театр они разговорились о предстоящем просмотре.

– Действие спектакля происходит в семнадцатом веке, в козацкой слободе близ Чигирина, – начала Надежда. Небедный козацкий сотник Хома Кичатый хочет выдать замуж свою единственную дочку Галю против её воли, за старого, богатого полковника Молочая. Хома заражён жадной приобритения и считает, что близкое родство с полковником увеличит его богатство и повысит авторитет среди окружающих: – «Женись не на чорних бровах, не на карих очах, а на хуторах і млинах, так і будеш чоловіком, а не дурнем», – говорит Хома.

– Ну, надо ж, как актуально, – пошутил Вадим Сергеевич.

– Да, человеческие ценности за три с половиной столетия почти не поменялись, – с сожалением согласилась Надежда. – К Гале Хома тоже относится как к своей собственности: – «Се ж моя дитина, моє добро, відповідно моя влада, моя і сила над нею. Я отець, я цар її». А Галя любит молодого «продвинутого», говоря современным языком, козака Назара Стодолю. Не богатого, конечно. Но героя – молодого, гордого, сильного, и красивого. Актёр, который играет Назара, очень уж хорош и невероятно талантлив.

– Молодость – красива сама по себе и сама по себе богатство, которые не купишь ни за какие деньги, – полушутя, печально констатировал профессор.

– Кто бы спорил, – понимающе улыбнулась Надежда. – Ну, в общем, влюблённые борются за своё счастье, в финале – по-

беждает любовь. Это, вкратце всё. Не буду пересказывать весь сюжет. Вы, наверняка, помните его ещё со школы. Да мы уже и приехали.

Как фасад, так и внутреннее убранство театра в очередной раз покорили Вадима Сергеевича своим великолепием. Белорозовый воздушный интерьер фойе, с мраморным изваянием основателя театра в центре, плавно перетекал в тяжёлый красный бархат и позолоту зрительного зала, мягко освещаемого изысканными электрическими свечами огромной, переливающейся всеми цветами, хрустальной люстры, гигантской коронной венчающей храм Мельпомены. Прозвучал третий звонок, в зале плавно погас свет, над закрытым занавесом стремительно взметнулись два лёгких крыла – руки дирижёра – изящной миниатюрной женщины. Зазвучали первые аккорды увертюры. Партер, бельэтаж, балконы, начали с нарастающей силой наполняться перетекающими из одного в другой напевами украинских народных песен, таких узнаваемых и таких любимых.

Поднялся занавес, действие спектакля перенесло зрителей в козацкую слободу, прямо в хату Хомы Кичатого. Актёры играли так, что не хотелось верить, что это – всего лишь актёрское мастерство. Надежду полностью захватило действие, происходящее на сцене. Она перестала замечать присутствие своего спутника, его заинтересованные, многозначительные косые взгляды. А он, любуясь красиво очерченным профилем, с удивлением думал:

– Как можно так верить? И так сопереживать? Немыслимо... да, мне определённо нравится эта женщина.

А на сцене развернулась баталия между Хомой и Назаром, ненадолго завладевшая и вниманием профессора. Назар не может позволить себе убить отца любимой, даёт слабину и победу одерживает Хома Кичатый.

Галя, спасая жизнь любимого, умоляет отца:

– Тату, тату, кате мій! Я розірву тебе! Я день і ніч плекатимусь на тебе! Танцювати, плакати буду! Чого забажаєш, все робитиму – не вбивай його! Я за полковника підую!

И в этой же мизансцене гордый Назар, не склоняющий головы ни перед врагами, ни перед атаманом – падает на колени

перед отцом Гали, просит прощения и умоляет не губить счастье дочери.

И каким же было удивление Вадима Сергеевича, когда он, оторвавшись от происходящего на сцене, взглянул на свою спутницу и увидел, что она тихонько вытирает слёзы.

Не зная, как себя вести в этой ситуации, он ненадолго отвернулся в сторону, давая понять, что ничего не заметил. Надежда вскоре успокоилась и до конца спектакля уже не плакала. А он смотрел на сцену, но уже не следил за происходящим.

– Оказывается, в свои пятьдесят пять я ещё не всё знаю о женщинах. Вот сидит рядом со мной сокровище – уже не девочка. Наверное – моя ровесница, или года на два-три моложе. Продвинутая, предприимчивая, коммуникабельная – перелечила половину города, везде связи. Куда ни зайдём – везде: «Здравствуйте, Надежда Игоревна», все спешат оказать услугу. Красавица. Интеллектуалка. Машину водит, как заправский гонщик. Казалось бы – «палец в рот не клади», а вот же – сидит, вздыхает, плачет, в очередной раз, переживая совершенно банальную, придуманную двести лет назад историю любви. Оказывается, в шикарной, эмансипированной даме живёт маленькая наивная девочка, простая девчонка, жаждущая искренней и чистой любви, – он вздохнул.

– Нет, не может быть всё так просто. Эта любовь к театру, эти слёзы, поиски чистоты, искренности – скорее всего сублимация – замена одной отсутствующей или утраченной доминанты на другую. Может, в семье у неё всё не так гладко, как она говорила. Не представляю, каким крептином должен быть её муж, чтобы дать ей такую степень свободы, – мысли Вадима Сергеевича потекли в сторону критического разбора психотипа мужа Надежды. – Как он мог допустить, чтобы не домой, а в театр шла жена за искренностью, за эмоциями, за чистотой. Такую женщину нельзя отпускать от себя ни на шаг. Как там Назар говорит Гале: «Збудую тобі хату світлу, світлу та високу, розмалюю її усіма красками – і чорними, і блакитними і зеленими, усякими, усякими. Наряджу тебе у шовк та в золото, посаджу тебе на золотім кріслі, мов кралю, і довго, довго, поки не вмру, все любуватимуся тобою».

Вот и получается, что триста лет назад простой козак это понимал, а продвинутому его потомку в двадцать первом веке элементарные вещи неведомы. Хотя, может, я и несправедлив к коллеге. Ведь и я не ангел, и что я знаю о внутреннем мире своей благоверной? – Он задумался, ища ответ на самому себе заданный вопрос и понял, что о внутреннем мире своей жены не знает практически ничего. Так, на уровне привычек и увлечений.

– Да, видимо в этом и есть великая сила искусства, – со вздохом подумал он. Заставляет задуматься о том, что просто так вообще в голову прийти не могло, хотя элементарно... Но в театр или в музей я своей бы с посторонним мужиком ходить не позволил! Даже если б это было в интересах службы.

Придя к логическому завершению своего внутреннего монолога, он успокоился и по преподавательской привычке подвёл итог:

«Ну, а театр остаётся театром – литературный приём, гипербола... В жизни всё проще и грубее. Кто знает, что у них там за отношения? Ведь живут же столько лет. Она утверждала, что семья хорошая – муж, дети, внуки – одно целое. Ну, и дай им Бог».

Он опять посмотрел на Надежду и в очередной раз залюбовался сосредоточенным, точёным профилем своей спутницы. Навязчивые мысли, немотивированная ревность к мужу опять всплыли на поверхность: – Она, вообще, бывает дома? Ведь мы с ней уже второй раз в театре, а это – далеко не рабочее время. Какой она возвращается к нему? Что говорит? Что делает? Понятно, что не кормит детей грудью, они уже взрослые, живут в другом городе. Но муж! То ли он совсем «отмороженный», то ли доверяет ей на все сто, то ли она ему вообще «по барабану»...

Так, в раздумьях о жизни, женщинах и о Надежде, в частности, Вадим Сергеевич провёл оставшееся время до конца спектакля и не огорчился, когда под бурные аплодисменты зрительного зала занавес упал.

Надежда, задумчивая, непривычно молчаливая продвигалась к выходу в потоке зрителей. Они вышли на улицу, с удовольствием вдохнули свежий морозный воздух. На тёмном

небе ярко мерцали далёкие звёзды.

– «Звёздочка моя, ясная, как ты от меня далека...» – в мозгу зазвучали мелодия и слова почти забытого шлягера и он принял решение.

– Надежда Игоревна, а что если мы оставим Ваше авто где-нибудь на парковке возле тихого ресторанчика и поужинаем вместе. Ведь должны же мы подвести итоги проделанной работы.

– Не знаю, Вадим Сергеевич, честно говоря, у меня были другие планы. Мы так насыщенно провели эту неделю. Я сама выдохлась и Вас, наверное, утомила. Думала после спектакля попрощаться, все вопросы мы уже обсудили, намеченный план выполнили. К тому же, вам перед дорогой было бы не лишним отдохнуть.

– Надежда действительно выглядела уставшей, какой-то сникшей, и оттого казалась слабой, трогательно-беззащитной. Ему захотелось обнять её, прижать к себе, как только-что Назар обнимал Галю, защитить от всех и вся. Но, в буквальном смысле сделать это было невозможно, поэтому он решил удерживать её любой ценой, хотя бы ненадолго.

– Я не устал, и ради Бога, простите мне мою настойчивость, Надежда. Я не могу вот так взять и попрощаться. Ну, что нам мешает выпить где-нибудь по бокальчику шампанского или чашечке кофе? Или я Вам так надоел, что вы не чаёте поскорее от меня избавиться?! – он просил и настаивал одновременно.

– Ну, что Вы, Вадим Сергеевич! – стараясь быть тактичной, она всё же не могла скрыть конкретного желания расстаться. Он понял – ещё минута промедления, и Надежда найдёт вескую причину, чтобы уйти. Ну, например, скажет, что муж ждёт, что у них гости или «голова болит»! Да что угодно придумает, чему нельзя возразить.

– Прошу Вас, Надежда Игоревна, не отказывайте, – он взял её ладони в свои. Честно говоря, я чувствую себя в долгу перед Вами, Вы уделите мне массу времени и сил. Видит Бог, как я не хотел ехать в эту командировку, но сейчас я благодарен Богу, благодарен Вам за подаренные мне эти пять дней жизни, пять прекрасных, незабываемых дней. Если спешите – я Вас не задержу, просто выпьем по бокальчику шампанского, так

сказать – «на дорожку», – он умоляюще посмотрел ей в глаза, слегка сжал её ладони.

– Вам трудно возразить, – после небольшой паузы, необходимой для принятия решения, она слегка улыбнулась и как-то сразу помолодела, преобразилась, в глазах вспыхнули и заплясали озорные, золотые искорки: – Да Вы «мёртвого уговорите», Вадим Сергеевич. Хорошо, будь по-вашему. Давайте выпьем по бокальчику шампанского. Рядом с моим домом есть уютный небольшой ресторан. Так что о парковке моего авто беспокоиться не стоит. К тому же, муж по пятницам берёт ночные дежурства в больнице, что освобождает меня в эти дни от приготовления ужина и поддержания огня в семейном очаге.

Профессор внутренне возликовал, кровь горячей волной прокатилась по всем сосудам и закипела где-то в области солнечного сплетения.

Надежда любила этот ресторан – небольшой – всего на два зала и очень уютный. Когда они вошли, лишь за тремя столиками сидели посетители, негромко пела Лара Фабиан: «Je t'aime...»

– Прошу Вас, мсье, в мой маленький Париж, – немного пафосно произнесла Надежда своим чарующим, глубоким голосом, и с уверенностью завсегдагая прошла к высокому овальному окну, где стоял круглый столик, накрытый белой и поверх неё тёмно-лиловой скатертями. В центре стола – тонкая хрустальная ваза с тёмно-фиолетовыми и белыми голландскими ирисами, гармонирующими с изысканным интерьером заведения.

– А здесь и в самом деле очень мило. – Вадим Сергеевич бегло окинул взглядом зал и тут же предложил своей даме белый изящный стул на тонких витых ножках. Сам сел напротив. Официант без промедления принёс меню.

– Прошу Вас, мадам, сделайте заказ. Я полностью полагаюсь на Ваш вкус, – принял он условия игры и, не раскрывая, отложил в сторону массивную тёмно-лиловую папку.

– Хорошо, – она бегло полистала меню. – Исходя из того, что мы ограничены во времени, ведь Ваш поезд отправляется через четыре часа, я предлагаю – шампанское «Брют» и коктейль из морепродуктов. А потом – кофе и мороженое. Есть возражения?

– Блестяще! – он ликовал.

Она слегка улыбнулась и глазами пригласила официанта к столику, чтобы сделать заказ.

Пока на ресторанной кухне кипела работа, Вадим Сергеевич начал разговор.

– Надюша, (разрешите, я без официоза), – она кивнула в знак согласия, – а вы прекрасно водите автомобиль и, как я заметил, любите скорость.

– Да, люблю проехаться с «ветерком», а вообще-то я всё люблю делать быстро.

– Я это заметил.

– Вадим Сергеевич, а Вы водите машину? – Надежда с удовольствием поддержала автомобильную тему, так как считала машину неотъемлемой частью своей жизни и за рулём проводила немало времени.

– Конечно, – не без гордости заметил Вадим Сергеевич. Но давайте сейчас без отчеств, ведь мы не на службе.

– Я согласна, – она кивнула, лёгкий румянец заиграл на щеках, озорно блеснули глаза.

– Вот и прекрасно, – и не без гордости, заметил: – У меня «Тойота Камри» 2012 года выпуска в полной комплектации. Не машина – мечта! Моя сбывшаяся мечта. Ведь я автолюбитель со стажем, поменял пять автомобилей, а начинал с мотоцикла «Восход».

– Наверное, с мотоциклом Вы распрощались давно. Кажется, сейчас уже «Восходы» не выпускают? – со знанием дела заметила Надежда.

– Да, это было примерно сорок лет назад. Вы не будет возражать, если я расскажу вам предысторию?

– С удовольствием послушаю, – она устремила заинтересованный взгляд на профессора.

Вдохновлённый этим взглядом, Вадим Сергеевич начал повествование:

– «Мой отец работал на огромной фуре водителем-дальнобойщиком, бывало, уезжал в командировки и на месяц, и дольше. Я оставался дома за хозяина, ведь я был старшим ребёнком в семье. Надежда, не перебивая, понимающе кивнула.

– Так вот, – произнёс он задумчиво, – наша мама работала на ФАПЕ фельдшером. Её днём и ночью вызывали к больным, ведь мы жили в пригороде, в двадцати километрах от ближайшей больницы и вся медицина посёлка была представлена в мамино лице. Я помню, как она ездила к больным на велосипеде в коричневом болоньевом плаще поверх толстой светло-зелёной кофты, бывало и в дождь, и в слякоть – с марта и до первого снега. Когда мне исполнилось шестнадцать, отец купил новенький голубой «Восход», на нём я стал возить маму в случае экстренных вызовов, довольно часто – в ночное время. А вообще-то, благодаря своему «Восходу», я стал первым парнем на деревне. Ни у кого из моих знакомых пацанов не было такого железного коня!

– И в Вас влюбились все девчата посёлка, – улыбаясь, встала Надежда.

– А то! – Вадим Сергеевич лихо поднял бровь и жестом отпустил подошедшего официанта, давая понять, что он сам будет наполнять бокалы шампанским.

– За Вас, прекрасная Надежда! – он поднял бокал.

– Спасибо. И за наше знакомство – два тонких высоких бокала звонко «охнули» от прикосновения.

– А я тоже в шестнадцать лет начала ездить на мотоцикле, – отпивая маленькими глотками колючее шампанское, игриво взглянув на профессора, сказала Надежда.

– Вы меня всё больше удивляете, – он не скрывал своего восхищения.

Надежда улыбнулась, – теперь я расскажу Вам свою историю, – она отпила глоток из бокала и устремила в прошлое слегка отрешённый взгляд.

– В семнадцать лет я начала встречаться с парнем, правда, он был чуть постарше, только что вернулся из армии. Родители купили ему мотоцикл «Ява», тёмно-красный, отделанный серебристым хромом. Парня завали Славик, он учился на подготовительном отделении в горном институте и на выходные приезжал домой, в наш шахтёрский городок. Мы с ним жили на соседних улицах и дружили ещё со школы. А после его возвращения из армии поняли, что любим и жить друг без друга не сможем. Я ждала его приезда так, что от ожидания у меня

иногда поднималась температура, и из всех звуков внешнего мира я ни с чем не смогла бы спутать звук мотора его мотоцикла. Мне казалось, что я его уже слышала, когда Славик только выезжал из гаража и был за несколько кварталов от моего дома. А когда он, совершив несколько манёвров под окнами, глушил двигатель, никакая сила не могла удержать меня в стенах дома. Я вылетала к нему, как ракета на космодроме, а он ждал меня у подъезда такой высокий, патлатый, весь в джинсе и с двумя красными касками на руле мотоцикла...

Она отпила ещё глоток и, задумавшись на минуту, со вздохом добавила, – родители здорово беспокоились о моём будущем ну, и о сохранности жизни, конечно. Ведь в то время я училась в выпускном классе. Нужно было все силы направить на подготовку к поступлению. А я взлетала к нему за спину на заднее сиденье, как стрекоза, и он мчал меня на луг, где шелковистая трава, первые цветы, плакучие ивы, запах весны, вечерней прохлады... в общем, классика жанра, – увлечшись рассказом, Надежда не заметила, как благодушная улыбка постепенно покинула лицо профессора, он слушал серьёзно и сосредоточено.

– Там было небольшое озеро, обычно мы располагались на его берегу... – она помолчала, ещё отпила шампанское, пристально, долгим взглядом посмотрела профессору в глаза и неожиданно произнесла – целоваться мешали лягушки, они так отчаянно квакали, словно все одновременно сошли с ума и за себя вообще не ручались, – и первая рассмеялась своей шутке.

– Я разделяю озабоченность Ваших родителей, – Вадим Сергеевич громко расхохотался, откинувшись на стуле. А затем сквозь смех, нарочито сочувственно вздохнул и назидательно покачал головой. В глубине души он слегка завидовал Славику из прошлого и сожалел, что на той красной «Яве» был не он.

– С тех пор я люблю скорость, – безапелляционно заявила Надежда. Вам, Вадим, наверное, тоже знакомо это ощущение, когда ты сливаешься с транспортным средством, вроде входишь с ним в резонанс и летишь! Мне кажется, в полной мере такое ощущение даёт только мотоцикл. На машине, конечно,

водитель в большей безопасности, и можно поэкспериментировать со скоростью, но нет ветра в лицо, нет того ощущения единения со всем миром и... нет впереди широкой спины, к которой ты можешь прижаться и даже слиться с ней, или спрятаться, как за скалой!

– Истинно так! – Вадиму показалось, что она просто считала его мысли в отношении скорости. Он был обрадован и удивлён. Он наполнил бокалы и закончил свою мысль:

– И вовсе не плохо однажды узнать, что в мире есть человек, очень похожий на тебя. Я сегодня это узнал, и этот человек – Вы Наденька! Давайте выпьем за родство душ!

Пригубив шампанское, вдохновлённая родством душ с профессором и вскружившим голову брютотом, Надежда решила окончательно самовыразиться в автомобильной теме: автомобиль я вожу двенадцать лет. Стараюсь не лихачить. Но иногда есть потребность души в скорости.

– А может, в ощущении полёта?

– Возможно. Особенно, если пустая трасса и можно смело жать на гашетку. Я иногда выезжаю на пустынную трассу за городом, чтобы во время быстрой езды отключиться от будничных проблем и сбросить напряжение, расслабиться. Но, честно говоря, если выпадет случай, не откажусь хотя бы ещё разок прокатиться на мотоцикле, вспомнить ощущения молодости.

– На «Яве»? – уточнил профессор.

– Можно и на «Яве», но очень бы хотелось попробовать на «Харли Дэвидсоне», – она отпила глоток шампанского и вздохнула с сожалением, – но не с такой бешеной скоростью, с какой летают настоящие байкеры.

– Чем же вам так нравится «Харлей»? – Вадим даже отложил вилку, настолько интересной показалась ему эта тема. – Это же мотоцикл, который аргіогі проектировался, как железный конь для одного седока! Я, например, считаю, что гораздо интереснее путешествовать вдвоём, а для этого подходит «круизёр», ну, например, Хонда GLS, – он вопросительно посмотрел на Надежду, как бы подталкивая её к ответу.

– Я не особо знакома с модельными рядами мотоциклов, но всегда думала что «Хонда» – это небольшие спортивные мотоциклы, на которых гоняют по трекам! А Харли Дэвидсон

– бренд, классика мотоциклов, если можно так сказать. И, что для меня немало важно, – она игриво улыбнулась своему спутнику, – Девид Коперфильд предпочитает именно Харлей!

Вадима обескуражил такой ответ. Молча, с удивлением и восхищением одновременно, он созерцал свою спутницу. А ей показалось, что аргументов в пользу Харлея было приведено не достаточно, и тогда она выложила свой последний козырь:

– На них ездят истинные джентльмены! – и резким движением, комично смахнув чёлку со лба, залпом допила оставшееся в бокале пару глотков шампанского.

От смеха он чуть не свалился со стула, а отсмеявшись, заметил:

– Я не стану с Вами спорить, прекрасная Надежда, хотя придерживаюсь другого мнения, а именно: всё-таки истинные джентльмены ездят на круизерах, потому что заботятся о комфорте своих спутниц! – дополнительных контраргументов у Надежды уже не было, поэтому Вадим наполнил бокалы и предложил выпить за комфортную езду.

– Круизёр... Что же это за мотоцикл такой, я впервые о нём слышу!

Он быстро отыскал в своём айфоне фотографию мотоцикла и протянул мобильный Надежде.

– Как Вам? – и, приосанившись, застыл, в ожидании соответствующей реакции.

На экране красовался огромный байк HONDA GLS GOLD Wing: переливы золота и хрома, черная матовая кожа, огромное ветровое стекло создавали невероятное впечатление мощности и шика.

– Вот это да! Я, таких шикарных и могучих байков, еще не видела! Это же не мотоцикл, а двухколесная машина! – с восхищением произнесла Надежда.

– Да, серьёзный аппарат, – с гордостью заметил Вадим Сергеевич, но нрав у него совсем как у строптивого, необъезженного коня – чуть перекрутишь ручку акселератора, так и норovit выбросить из седла. Но когда ты полностью его обуздаешь, подружишься с ним, то можно себе позволить иногда прямо со светофора «пожечь резину» и оказаться во главе потока, под гитарные переливы «Metallica» или группы «Queen»!

- Вадим, отпираться бесполезно, этот красавец ваш конь?
 – Он широко улыбнулся в знак согласия.
 – Везёт Вам, – шутливо, с нотками зависти в голосе, сказала Надежда.
 – А хотите, Наденька, я Вас прокачу? Вы же не против вспомнить ощущения молодости?
 – Меня? На чём? – не сразу поняла Надежда.
 – На мотоцикле, конечно.
 – Вы шутите?
 – Нет, я совершенно серьёзно.
 – Ну, раз серьёзно, тогда – хочу, – твёрдо сказала Надежда, абсолютно давая себе отчёт в том, что это соглашение – сущий бред. Действительно – «в огороде бузина, а в Киеве – дядька».

Прошло три месяца. Весеннее солнце отогревало застывшую землю, проникая своими тонкими, длинными лучами и в души людей. Вместе с пробуждающейся природой обновляется и человек. Правы были язычники, празднующие Новый год весной. В этом заложена какая-то высшая мудрость. Ведь именно весной из года в год у людей, не взирая на возраст, пробуждается новое желание жить, действовать и любить.

Тёплым апрельским вечером Надежда с мужем, проведя воскресенье на даче, возвращались в город. Наслаждаясь пробегающими пейзажами оживающей природы, говорили о том, о чём – о предстоящем юбилее Векслеров и что подарить, планировали разбивку альпийской горки перед домом, постройку баньки в глубине участка. Вдруг монотонный гул незагруженной трассы пронзил приближающийся стрекочущий рёв мощных моторов. Ещё несколько мгновений – и несколько байкеров, лавируя между проезжающими автомобилями, пронесли мимо на бешеной скорости.

- Смертники поехали, – заметил муж с сарказмом.
 – Саша, мысли материальны. Не говори глупостей, ты же знаешь, я не люблю твои пессимистические прогнозы, – она строго посмотрела на мужа и процитировала: «Нам не дано предугадать, чем наше слово отзовется».

– Наденька, не хмурься, ну какие глупости?! Я это знаю не понаслышке. Ведь каждый год кто-то из таких удальцов прощается с жизнью. Помнишь, года три назад было ДТП, тоже кажется в апреле, тогда два байкера столкнулись с фурой. Один сразу – насмерть, а второго – мы тремя бригадами оперировали часов десять-двенадцать. Собрали, что называется, по «комплектующим».

- Да, что-то такое припоминаю. Он, кажется, выжил?
 – Конечно, выжил чертяка! И опять гоняет на новом байке. Его все Стивом зовут, фамилия у него – Стивенко, как сейчас помню. Стивенко Александр. Мой тёзка, – и, довольный собой, своими коллегами, чертякой Стивом, Александр Иванович начал напевать: «Торреодор, смеле-е-е в бой, торр-е-одор, торр-е-одор...»

– Саша, прокати меня на мотоцикле, – то ли в шутку, то ли всерьёз, спустя несколько минут после того, как муж закончил исполнение арии, неожиданно попросила Надежда.

– Что? Что? – не понял, – он ещё оставался во власти воспоминаний «сложного случая» и просьба Надежды прозвучала неуместно и нелепо.

– Прокати меня на мотоцикле... – голос Надежды зазвучал твёрже и требовательнее.

– Наденька, солнце моё, я не ослышался?

– Нет, дорогой, ты не ослышался. Я недавно поняла, что я очень хочу прокатиться на мотоцикле, – настаивала Надежда. Оторвавшись от дороги, он внимательно посмотрел ей в глаза и понял, что она не шутит, немного сбавил скорость.

– Нет, подожди. Что значит «недавно поняла»? Что значит «хочу»? Наденька, милая, что творится у тебя в голове?

– Ну, что необычного в простом человеческом желании? Я же не на ракете хочу в космосе полетать, – пошутила Надежда.

Он не оценил шутку. Его начинал раздражать этот глупый разговор. Надежда это почувствовала и, чтобы нейтрализовать возмущение «закипающего» мужа, нежно прижалась к его плечу:

– Сашуня, в молодости один мальчик катал меня на мотоцикле, и мне это очень нравилось. Я хочу вспомнить молодость, что не так?

– Да всё не так! – Александр Иванович знал историю первой любви Надежды, закончившейся разрывом отношений, ревновал её к прошлому и всегда раздражался, когда она вспоминала о той молодости, в которой её любимым мужчиной был не он, а какой-то там Славик!

– Саша, не злись, я не прошу ничего сверхъестественного, тысячи мужчин ездят на мотоциклах и возят своих спутниц. У меня мечта – прокатиться на мотоцикле, пока ещё по возрасту и состоянию здоровья я могу себе это позволить.

– Нет, Надя, ты, наверное, не понимаешь, о чём говоришь, или просто решила потрепать мне нервы, – он начал не на шутку заводиться.

– Во-первых – я не умею управлять мотоциклом, и ты это знаешь. Даже на машине я люблю ездить, когда ты за рулём. Во-вторых – это опасно, и не просто опасно, а очень опасно, а в-третьих – это блажь, твоя очередная блажь, Наденька, которая скоро пройдёт!

«Выпустив пар», он обречённо вздохнул, как взрослый, назидаящий капризного ребёнка или как врач, уставший от лечения безнадежного больного. Она хорошо знала, и терпеть не могла этот его вздох.

– С тобой всё ясно, милый, – в её голосе тоже зазвучали стальные нотки и обида. Надежде не нравилось, когда он с ней так разговаривал. Она привыкла, что чаще всего муж потакал её прихотям.

– Но Стива ты же можешь попросить, пусть он меня прокатит! Он же тебя не забыл! – настаивала она.

– Надя, он меня не забыл! – И, чтобы припугнуть жену, и, наконец, закрыть эту бредовую тему, он с ехидцей добавил:

– Дорогая, ты же знаешь, какой закон у байкеров?

– Какой? – спросила она, не ожидая подвоха.

– Женщина, которую прокатил байкер...

– Что?

– А то, – Александр прокашлялся, – в общем, она обязана с ним переспать! – глядя вперёд на дорогу, невозмутимо констатировал он.

Остаток пути проехали молча. За ужином разговор не складывался. Убрав посуду, Надежда постаралась сказать как можно мягче:

– Дорогой, я лягу сегодня в детской, мне нужно почитать.

По тону, которым это было сказано, он понял, что возражения бесполезны. Ему ничего не оставалось, как поцеловать жену перед сном и пожелать спокойной ночи.

Вадим Сергеевич очень любил весну. Ему нравилось, как день незаметно, но настойчиво отвоёвывает время у ночи, восхищали упорство и сила, с которыми трава и нежные первые цветы пробивали плотный земляной покров в своём стремлении к теплу и свету. Его пьянил весенний воздух, наполненный запахом распускающихся деревьев, солнцем и феромонами людей и животных. А ещё – высохший асфальт дорог заставлял отложить все дела, выкатить свой золотистый байк, встряхнуться, почувствовать, как скорость на спидометре совпадает со скоростью движения крови в сосудах, как радуется сердце таким переменам, как тело наполняется молодой, радостной силой и мощью.

Жена никогда не разделяла его любви к прогулкам на мотоцикле, но всё-таки относилась к ним толерантно. Правда, в последнее время всё чаще намекала на то, что по возрасту нужно найти себе менее экстремальное хобби.

Возраст... Постоянно находясь в студенческой среде, он не чувствовал, что стареет. Хотя с годами отмечая некоторые изменения в своей внешности, он понимал, что ничто человеческое и ему не чуждо, но относился к этому философски: совершал получасовые пробежки по утрам, ходил в спортзал, гонял на байке и, конечно, в свободное от этих занятий время консультировал больных и занимался наукой.

Поездка в город Е с лекциями для врачей оставила приятные воспоминания. Он несколько раз звонил Надежде, она с удовольствием с ним беседовала, как всегда переполненная идеями и замыслами и заряжала его своей фонтанирующей энергией. Его не покидала мысль об обещании прокатить её на мотоцикле. Он так и не понял, соглашаясь прокатиться, она шутила или говорила всерьёз. Понимая всю абсурдность и нелепость навязчивой мысли, он всё же не мог от неё избавиться. Ему на самом деле в последнее время очень хотелось увидеть

Надежду, услышать её волшебный голос не по телефону, а рядом, безоглядно окунуться в бездну её глаз. В своих мечтах он реально представлял себя на байке, её за спиной и даже чувствовал тепло тела, крепко прижатого к нему во время езды, а в голове всё время навязчиво крутилось: «Жетем...». Наконец, не выдержав душевных терзаний, будучи по своей натуре человеком решительным, он набрал: «Н.И.»

– Здравствуйте, Вадим Сергеевич, – знакомый голос обдал его тёплой, пьяной волной, жаром ударил в голову, – рада Вас слышать.

– Взаимно, Надежда Игоревна, – он решил не тратить время и силы на «китайские церемонии», чтобы не «потерять градус» – нужно определиться сразу – или сейчас, или никогда. Его голос был твёрдым и не выдавал того душевного волнения, которое в эту минуту он испытывал.

– Скажите, Наденька, – после обмена обычными приветствиями и незначительными новостями, Вадим Сергеевич приступил к главному, – Александр Иванович по-прежнему берёт ночные дежурства по пятницам?

– Да, а что?, – её несколько удивил интерес профессора к графику дежурств её мужа. Она насторожилась.

– Ведь из этого следует, что в пятницу вечером Вам не нужно поддерживать огонь в семейном очаге и готовить ужин..., – она всё ещё не понимала, к чему он клонит, и вообще, в чём «прикол», но внутри что-то тревожно сжалось.

– Вадим Сергеевич, Вы меня пугаете, – её голос взволнованно дрогнул.

– Что-то случилось?

Он понял, что диалог на грани срыва и выложил, как на духу:

– Не хотите ли в нынешнюю пятницу, то бишь завтра, составить мне компанию и прокатиться на мотоцикле? – в трубке зависла тишина.

– Вы шутите? – Надежда не ожидала такого поворота и не могла поверить, что это вообще в принципе возможно. Да и вообще, зачем ей это нужно? В памяти во всех подробностях всплыл их разговор в ресторане. Вспомнился свой «неистовый душевный подъём». Так, взболтнула не подумав...

– Нет, не шучу, – голос Вадима не выдавал волнения и звучал уверенно и вполне серьёзно. В это время перед ним, как на экране компьютера, «зависли» её глаза – растерянные, зеленовато-карие омуты, в глубине которых плескались золотые рыбки.

– «Скажи «Да», – мысленно твердил он и ждал ответа.

– Вадим Сергеевич, я не думаю, что это возможно... – её голос стал глухим до неузнаваемости.

– Нет, Вы шутите! – через мгновение она чуть ли не прокричала, не желая верить в реальность происходящего. Может, он сошёл с ума?!

– Нет, не шучу, и я не сошёл с ума, – он словно подслушал и прочитал её мысли. Вообще-то, он не ожидал такой реакции, считая Надежду более сговорчивой, тем более, что желание прокатиться на мотоцикле изначально исходило от неё. Но даже если она тогда и погорячилась, он не привык отступать, и уже не мог допустить, чтобы она не согласилась.

– Наденька, с самыми чистыми намерениями я предлагаю Вам небольшое романтическое путешествие на моём круизёре. Это совершенно безопасно, я Вам гарантирую. Не лишайте себя и меня удовольствия, прошу Вас.

Она напряжённо молчала.

– В любом случае, я буду ждать за нашим столиком в ресторане в пятницу с 14.00, – и, после зависшей, звенящей паузы уточнил: – Придёте?

В его голосе было столько нежности, уверенности и... немой мольбы. Он не просил и не требовал, он, как показалось Надежде, просто констатировал ещё не свершившийся факт.

Опять звенящая тишина нестерпимо отбивала дробь на его барабанных перепонках, рвала их. Он терпеливо ждал ответа.

– Ну, уж нет! Ещё чего не хватало! – Надежда постепенно начала приходить в себя, справившись с шоком.

– Что я – девочка – разезжать на мотоцикле?! Что скажут дети, если узнают? И зачем мне нервировать Сашу? А потом лечить его стенокардию?! И, вообще, в моём возрасте рисковать глупо, – она взволнованно прошла по кабинету, подошла к окну, выглянула во двор, залитый солнечным светом.

– А вдруг он захочет переспать? – пронеслось в голове. – Нет, он же сказал, что с чистыми намерениями..., – она прижала прохладную ладошку к разгорячённой щеке. Села за стол.

– И вообще, у нас хорошая семья, я люблю Сашу... Это вообще какой-то бред, может, я сплю? – Она ущипнула себе кожу на руке и точно убедилась, что не спит.

– Нет, конечно, нужно собраться с духом и немедленно закончить этот бессмысленный разговор. Не хватало, чтобы он примчался сюда на круизёре и ждал меня под окнами на виду у всех! – она опять подошла к окну, посмотрела на улицу. А там – ликовала весна!

Ему показалось, что её тихо прозвучавший ответ просто «вынес» мозг.

Она сказала: – Не уверена, что это хорошая затея. Но, может быть, у меня получится выкроить завтра пару часов после обеда...

– Я буду ждать Вас – заверил он вдруг охрипшим голосом.

СОДЕРЖАНИЕ

И снова о любви.....	3
Леся.....	4
Подснежники.....	11
Неслучайная встреча.....	21
Я никого не смогу любить больше, чем тебя.....	40
Перед Пасхой.....	49
Год кошки.....	56
Подарок для Алисы.....	117
«Besame mucho».....	122
«Прокати меня на мотоцикле».....	136